

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

И. Н. ШАРАФУТДИНОВА

СТЕПНОЕ  
ПОДНЕПРОВЬЕ  
В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ  
БРОНЗЫ

КИЕВ «НАУКОВА ДУМКА» 1982

Поздний период бронзового века — один из интереснейших в древней истории юга Восточной Европы. Это время значительных достижений в развитии земледелия, скотоводства и различных ремесел, особенно связанных с местной металлообработкой. Для этого периода характерно резкое увеличение численности населения, устанавливаются широкие экономические и культурные связи обитателей Северного Причерноморья с населением соседних и более отдаленных территорий. В конце бронзового века происходят значительные исторические события, связанные с именем древнейшего в Северном Причерноморье народа, отмеченного в письменных источниках, — киммерийцев, непосредственных предшественников скифов.

Настоящая монография посвящена населению, занимавшему в XV — начале VIII в. до н. э. сравнительно неширокую полосу степей вдоль обоих берегов Днепра: от Кременчуга до побережья Черного моря. В течение этого времени состав приднепровского населения, его взаимоотношения с ближайшими соседями и племенами отдаленных территорий не оставались неизменными, что нашло отражение в памятниках материальной культуры.

Степное Поднепровье было частью огромного степного массива, занимавшего гигантскую территорию от Подунавья на западе до степей Казахстана в Средней Азии. Приднепровские степи во все времена находились на пути больших перемещений народов и служили связующим звеном между обитателями восточных степей и Северного Кавказа, с одной стороны, и населением Подунавья и Балкан, а через него и Средиземноморья — с другой. В то же время Днепр являлся артерией, соединявшей южные степные племена с более северными — лесостепными.

Изучение памятников Степного Поднепровья показало, что именно здесь

наиболее выразительно проявились контакты восточных (срубных) и западных (Под, сабашиновская) племен, что ярко отразилось в археологическом материале: в устройстве жилищ и погребений, в инвентаре поселений и особенно в составе кладов бронзовых изделий, найденных в Поднепровье, но происходящих из разных очагов — уральского и трапсильвано-карпатского. Первые были принесены сюда срубными племенами, вторые получены сабашиновскими племенами через носителей культуры Под.

Исследование курганных могильников в 50-е годы XIX в. П. С. Савельевым близ Александрополя и Н. Е. Забелиным у с. Марьевки (ныне — Днепропетровской обл.) положило начало научному изучению памятников эпохи поздней бронзы в Степном Поднепровье<sup>1</sup>. К началу XX в. усилиями Н. Е. Забелина, Д. Я. Самоквасова, Г. Л. Скадовского, В. И. Гопкевича, Д. И. Яворницкого и других были раскопаны сотни курганов, содержащих погребения позднебронзового времени. В музеях Одессы, Херсона, Днепропетровска (Екатеринослава) собираются значительные коллекции материалов, пополняются археологические собрания Эрмитажа и Исторического музея в Москве. О. П. Бурачков, В. Н. Ястребов, В. И. Гопкевич печатают первые карты курганов и кладов Юга России<sup>2</sup>.

Уровень археологических знаний того времени позволял исследователям рассматривать все доскифские захоронения лишь суммарно, как «погребения со скорченными и окрашенными костяка-

ми». Д. Я. Самоквасов и В. И. Гопкевич считали их киммерийскими<sup>3</sup>. Вопрос о характере погребений в южных степях служил предметом дискуссий на IX—XIII Археологических съездах. Сравнительная редкость металлических изделий в инвентаре этих погребений способствовала сохранению мнения, что большинство их относится к каменному веку. Само существование бронзового века многими исследователями все еще ставилось под сомнение.

Большим достижением дореволюционной археологии явились работы В. А. Городцова, который из аморфной массы скорченных погребений выделил конкретные культуры бронзового века — древнеямную, катакомбную, срубную — сначала применительно к небольшой территории Северского Донца и Кальмиуса, а позже — к обширным просторам степей от Приазовья до Волги<sup>4</sup>.

20-е годы XX в. ознаменовались открытием нового вида памятников — поселений периода поздней бронзы в низовьях Днепра и на Ингульце<sup>5</sup>.

Особым этапом в археологии Украины явились 1927—1931 гг., когда в связи со строительством Днепрогэса им. В. И. Ленина были развернуты широкие археологические исследования Надпорожья. Работы проводили Все-

<sup>3</sup> *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологической классификации коллекций древностей. Варшава, 1892, с. VIII и сл.; *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908.

<sup>4</sup> *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901.— Труды XII АС. М., 1905, т. 1, с. 174 и сл.; *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатериновской губ. 1903 г.— Труды XIII АС. М., 1907, т. 1, с. 241; *Городцов В. А.* Бронзовый век на территории СССР.— В кн.: ВСЭ. 1-е изд., 1927, т. 7, с. 621.

<sup>5</sup> *Фабрициус I.* Кучугурна рекогносцировка.— ЛХМ (1927—1928 гг.), 1929, вып. 9, с. 33—42; *Добровольский А. В.* Древние земледельческие поселения на берегах Ингульца.— ВОКК. Одесса, 1925, ч. 2-3, с. 77—79.

украинский археологический комитет при АН УССР и комплексная экспедиция по научному исследованию территории Днепрогэса. Возглавлял исследование академик Д. И. Яворницкий. К полевым исследованиям были привлечены сотрудники многих музеев Украины — С. С. Гамченко, В. А. Гринченко, А. В. Добровольский, М. Я. Рудинский, П. И. Смоличев, О. К. Тахтай и др. Благодаря работам этой экспедиции кроме большого количества курганов на территории Надпорожья впервые был открыт новый вид археологических памятников — бескурганные могильники под каменными закладами (Кичкас, Привольное, о-ва Похильный, Виноградный) с погребениями поздней бронзы. Особенно ценным оказалось открытие поселений Вовниги, Федоровка, о-вов Хортица, Дубовый, уроч. Сагайдачный и других, впервые давших представление об этом типе памятников.

В результате этих исследований накоплен большой научно-документальный материал, относящийся к периоду поздней бронзы, к сожалению, до сих пор неопубликованный<sup>6</sup>, за исключением археологических отчетов 1927 г.<sup>7</sup>

Начиная с 1939 г. систематические разведки по берегам оз. им. Ленина проводит А. В. Бодянский, открывший большое количество памятников поздней бронзы<sup>8</sup>. В 1944—1945 гг. исследование памятников Надпорожья, в частности каменных закладов, успешно продолжены Е. Ф. Лагодовской, А. В. Доб-

<sup>6</sup> Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК (Дніпробуд) (далее — ВУАК/Дн.).

<sup>7</sup> Збірник ДКІАМ. Дніпропетровськ, 1929.

<sup>8</sup> *Бодянский О. В.* Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр.— АП, 1952, т. 4, с. 169—175; *Бодянский О. В.* Памятки часу пізньої бронзи в Надпорожжі.— Архив ИА АН УССР, ф. и. р., д. 354; *Бодянский О. В.* Звіти за археологічні дослідження в Надпорожжі.— Архив ИА АН УССР, ф. э. 1196, 1387 и др.

ровольским, В. Н. Даниленко и др.<sup>9</sup> Дальнейшие исследования в Надпорожье проведены Вильнянской экспедицией в 1968—1969 гг., обнаружившей отдельные курганные могильники эпохи поздней бронзы вдоль балки Вильной на левом берегу Днепра<sup>10</sup>.

С 1929 по 1946 г. (с перерывами) проводились раскопки курганов в районе Никополя, в которых принимали участие Л. Д. Дмитров, О. А. Крицовой-Гракова, Ф. Н. Киранов и др. С 1937 г. работами руководил Б. П. Гринков. Открыты разновременные погребения бронзового века, в их числе высушенные в насыпи, отнесенные О. А. Крицовой-Граковой к позднему этапу срубной культуры<sup>11</sup>.

Важные данные получены О. А. Крицовой-Граковой при исследовании в 1947 г. Белозерского поселения в Каменице-Днепровской Запорожской обл.<sup>12</sup> В этот же период В. А. Добровольский продолжил начатые еще до войны раскопки поселения у с. Сабашиновка на Южном Буге (ныне — Ульяновского р-на Кировоградской обл.)<sup>13</sup>. Эти поселения дали большой и разнообразный материал, в результате чего стали эталонами для выделения в дальнейшем двух культурно-хронологических групп памятников поздней бронзы в Северном Причерноморье — сабашиновской и белозерской.

<sup>9</sup> *Лагодовська О.* Кам'яні закладки Надпорожжя.— АП, 1949, т. 2, с. 159—179; *Добровольський А.* Кам'яні закладки в околицях Тавіліжаного острова.— АП, 1949, т. 2, с. 180—190.

<sup>10</sup> Вильнянские курганы в Днепропетровском Надпорожье К., 1977.

<sup>11</sup> *Крицовой-Гракова О. А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле.— МИА, 1902, № 115, с. 5—6, 18—25.

<sup>12</sup> *Крицовой-Гракова О. А.* Поселения бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, 1949, вып. 26, с. 76—85.

<sup>13</sup> *Добровольський А. В.* Перше Сабашинівське поселення.— АП, 1952, т. 4, с. 78—88.

<sup>1</sup> Древности Геродотовой Скифии (далее — ДГС). Сиб., 1866, т. 1, с. 7; т. 2. Сиб., 1872, т. 20—42.

<sup>2</sup> *Бурачков О. П.* Объяснение к археологической карте Новороссийской губернии и Крыма. М., 1888; *Ястребов В. Н.* Опыт топографического обзора Одессы, 1894; *Гопкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии Херсон, 1902.

Определенным итогом изучения эпохи поздней бронзы на юге нашей страны явилась монография О. А. Кривцова-Гракова, в которой впервые обобщены находки от Поволжья до Поднепровья<sup>14</sup>. По мнению автора, сложившаяся в Поволжье на основе подтавкинских памятников срубная культура переживает там два периода. На рубеже первого и второго периодов она распространяется в междуречье Дона и Днепра, а в начале второго периода — на Днепр и западнее, где переживает два этапа: белозерский (XI—X и начало IX вв. до н. э.) и сабакиновский (IX—VIII вв. до н. э.). Значительные отличия сабакиновских памятников от срубных О. А. Кривцова-Гракова объясняла изолированностью обитателей Северного Причерноморья от Востока и отсутствием постоянных восточных контактов<sup>15</sup>.

В 1951—1955 гг. в связи со строительством Каховского гидроузла проведены широкие археологические работы в зоне Каховского водохранилища, исследовано около сотни погребений, а также ряд поселений эпохи поздней бронзы (Бабино IV, Змеевка, Берислав, Нижний Рогачик, хут. Шевченко и др.). Среди них особенно интересным оказалось поселение у с. Ушкалка, стратиграфия которого, прослеженная Д. Я. Телегиным, позволила по-новому представить хронологическое соотношение сабакиновского и белозерского горизонтов и доказать относительную древность сабакиновского по сравнению с белозерским<sup>16</sup>. При этом Д. Я. Телегин отмечает не только хронологические, но и культурные различия Ушкалки I (Сабакиновка) и Ушкалки II (Белозерка)

<sup>14</sup> Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.

<sup>15</sup> Там же, с. 111, 117.

<sup>16</sup> Телегин Д. Я. Питание відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я.— Археологія, 1961, № 12, с. 3—15.

и связывает первую с лесостепным Правобережьем, а вторую с юго-восточными степными районами Украины.

Вторым важным открытием этих лет явились раскопки поселения Бабино III<sup>17</sup>, послужившего позднее основой для выделения в Поднепровье культуры многоваликовой керамики, предшествующей сабакиновским памятникам<sup>18</sup> и являющейся одним из важных компонентов в формировании последних.

Позже проведенные автором исследования на поселении сабакиновского типа у с. Чикаловка позволили расширить территорию сабакиновских племен до Кременчуга<sup>19</sup>.

С конца 60-х годов и до настоящего времени на Юге Украины ведутся постоянные исследования курганов в зоне строительства водохранилищ, больших и малых оросительных систем. Здесь открыты сотни погребений эпохи поздней бронзы и (что является новым для территории левобережной степи) курганные могильники с основными погребениями срубной культуры<sup>20</sup>. Большим интерес представляют могильники на р. Кильчень у с. Верхняя Маевка близ Днепропетровска с посудой культуры многоваликовой керамики и срубной<sup>21</sup>, а также бескурганные могильники конца эпохи бронзы у хут. Компа-

<sup>17</sup> Добровольский А. В. Поселение бронзового века Бабино III.— КСИА АН УССР, 1957, вып. 7, с. 210—215.

<sup>18</sup> Березанская С. С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине.— СА, 1960, № 4, с. 41.

<sup>19</sup> Шарафутдинова И. М. Поселения эпохи поздней бронзы поблизу Кременчуга.— Археологія, 1964, № 17.

<sup>20</sup> Бодянский А. В., Ляшко С. Н., Отрошенко В. В., Томашевский В. А. Исследование первобытного отряда Запорожской экспедиции.— АО 1973 г., М., 1974, с. 250; Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. К., 1977.

<sup>21</sup> Ковальова И. Ф., Волкобой С. С. Маївський локальний варіант зрубної культури.— Археологія, 1976, № 20, с. 3—21.

ниции около Кременчуга<sup>22</sup> и с. Широкое близ Скадовска<sup>23</sup>.

С изучением сабакиновских памятников в значительной степени связана проблема местной металлообработки в Северном Причерноморье. Выход в свет фундаментального труда Е. Н. Черныха<sup>24</sup>, а также работ А. М. Лескова<sup>25</sup> и В. С. Бочкарева<sup>26</sup> избавляет нас от необходимости останавливаться на истории исследования по бронзообрабатывающему производству в Северном Причерноморье. Отметим лишь, что в настоящее время вопрос о местной металлообработке в Северном Причерноморье является бесспорным для всех исследователей. Е. Н. Черных выделяет здесь три, а В. С. Бочкарев — четыре очага, которые связываются с различными источниками металла и характеризуются разным набором вещей.

Заслуживает внимания интересная статья Л. А. Новиковой, в которой происхождение группы кладов бронзовых изделий сабакиновского этапа связывается с продвижением культуры Ноа в Северное Причерноморье<sup>27</sup>.

Наряду с открытием большого количества памятников в 60-е годы появляется ряд работ обобщающего плана, в частности освещающих вопросы хроно-

<sup>22</sup> Махно С. В., Шарафутдинова И. М. Могильник эпохи поздней бронзы поблизу хут. Компанійці на Дніпрі.— Археологія, 1972, № 6, с. 70.

<sup>23</sup> Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века на Юге Украины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975, с. 21—25.

<sup>24</sup> Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

<sup>25</sup> Лесков А. М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Памятники эпохи поздней бронзы Юга Европейской части СССР. К., 1967, с. 143—178.

<sup>26</sup> Бочкарев В. С. Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

<sup>27</sup> Новикова Л. А. Западные связи северо-причерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы.— СА, 1976, № 3, с. 52.

логии. В первую очередь следует отметить исследования А. И. Тереножкина, посвященные хронологии бронзового века на Юге Восточной Европы<sup>28</sup>, М. Петреску-Дымбовицы по уточнению хронологии конца бронзового и начала железного века в Молдове, а также публикации кладов с территории Румынии<sup>29</sup>.

Выходит ряд работ советских — А. И. Мелюковой, Э. А. Балагури, Г. И. Смирновой<sup>30</sup> — и румынских археологов — А. Флореску, С. Моринца<sup>31</sup> др., в которых, в частности, решаются вопросы синхронизации сабакиновского этапа с культурой Ноа. Одним из результатов этих исследований явилось разделение памятников эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье на

<sup>28</sup> Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. К., 1961, с. 182—197; Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода.— СА, 1965, № 1, с. 68—69.

<sup>29</sup> Петреску-Дымбовица М. Конец бронзового и начало раннежелезного века.— Dacia. N. S., 1960, t. 4, с. 150—152; Петреску-Дымбовица М. К вопросу о гальштатской культуре в Молдове.— МИА Юго-Запада СССР и РГПР. Кишинев, 1960, с. 151—170. Petrescu-Dimbovitza. Depozitele de bronzuri din România. Bucuresti, 1977.

<sup>30</sup> Мелюкова А. И. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии.— МИА, 1961, № 96, с. 33—34, 43—44; Балагури Э. А. История племен позднеронзового периода в Среднем Поднестровье, (культуры Ноа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1964, с. 3—16; Балагури Э. А. Поселения культуры Ноа біля с. Острівець Івано-Франківської обл.— Археологія, 1969, № 21, с. 146; Смирнова Г. И. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатьях.— МИА, 1967, № 150, с. 33—34; Смирнова Г. И. Новый могильник культуры Ноа в с. Старый Бедражки на Пруте.— АСГЭ, 1969, № 11; Смирнова Г. И. Новые исследования поселения Магала.— АСГЭ, 1972, № 14, с. 28—31.

<sup>31</sup> Florescu Adrian K. Contribuții la cunoașterea culturii Noua.— AM, 1964, N 2-3; Florescu Adrian K. Sur les problemes du bronze tardif Carpat-Danubien et nord-ouest Pontique.— Dacia N. S., 1967, t. 11; Morintz S. Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii. București, 1978.

два хронологических этапа — саба-тиновский и белозерский — и удревнение хронологии саба-тиновских памятников до XIII — начала XIV вв. до н. э.

В последние годы А. М. Лесков вы-двигает еще срубные предсаба-тиновские погребения и клады, а также памятники, переходные от саба-тиновских к белозерским<sup>32</sup>.

Если вопросы хронологии позднего бронзового века в какой-то степени можно считать относительно ясными, то вопрос о культурно-этнической при-надлежности памятников Северного Причерноморья по-прежнему остается дискуссионным. Уже отмечалось, что О. А. Кривцова-Гракова рассматривала эти памятники, включая и Поднепровье, как позднесрубные, хотя и отмечала их своеобразие<sup>33</sup>. А. И. Тереножкин<sup>34</sup> и А. М. Лесков<sup>35</sup> также считают, что саба-тиновские и белозерские памятники характеризуют два последующих этапа позднесрубной культуры, распротранившейся в Причерноморье из Поволжья. П. Н. Чердынченко отстаивает мысль о полном или почти полном переселении срубных племен из Поволжья в степи Подонья и Причерноморья<sup>36</sup>.

Наряду с этой точкой зрения в оцен-

<sup>32</sup> Лесков А. М. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья. — В кн.: Памятники эпохи бронзы Юга Кировской части СССР, с. 17; Лесков О. М. Срубная культура. — В кн.: Археология Украинской РСР. К., 1971, т. 1, с. 423; Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века на Юге Украины, с. 35.

<sup>33</sup> Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч., 110—132.

<sup>34</sup> Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода, с. 69.

<sup>35</sup> Лесков А. М. Раскопки курганов на юге Херсонщины..., с. 15—18; Лесков А. М. Кировское поселение — В кн.: Древности Восточного Крыма, с. 48 и сл.

<sup>36</sup> Чердынченко М. М. До питання про міграцію срубної культури. — Тези пленарних і секційних доп. XV наук. конф. ІА АН УРСР, привіт. 50-річчю утворення СРСР. Одеса, 1972, с. 149—152.

ке памятников поздней бронзы Северного Причерноморья существует и другая. Часть исследователей, занимающихся преимущественно непосредственным изучением памятников Северо-Западного Причерноморья, определяет саба-тиновские памятники как особое культурное явление. Так, еще А. В. Добровольский, исследовавший эти памятники на Южном Буге, Ингульце и Днепре, отмечал, что они принадлежат местному земледельческому населению<sup>37</sup>. Н. Н. Погребова, проводившая исследование поселений на Тилигуло-Березанском лимане и Ингуле, в первой публикации о раскопках Анатолевского поселения отнесла его к саба-тиновскому этапу и указала на отличие его от поселений Бабино IV и Белозерское<sup>38</sup>. Пересадовское же поселение она отнесла к ингульскому варианту саба-тиновской культуры, отметив при этом, что обиточненский вариант саба-тиновской культуры в степях Поингуля существует дольше, чем собственно Саба-тиновка<sup>39</sup>. Так впервые в литературе появился термин саба-тиновская культура. Несколько позже Н. Н. Погребова и Н. Г. Елагина, указывая на принадлежность Анатолевского поселения к саба-тиновской культуре, пишут: «Наличие на Анатолевском поселении каменного домостроительства, определенный керамический комплекс, типичный набор костяных и каменных орудий — все это находит аналогии во многих памятниках саба-тиновской культуры Северо-Западного Причерноморья»<sup>40</sup>. В. Д. Рыбалова также считает саба-тиновскую группу памятников самостоятельной

<sup>37</sup> Добровольский А. В. Кам'яні спорудження в Надпорижжі. — АП, 1948, т. 2, с. 200.

<sup>38</sup> Погребова Н. Н. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 г. — КСИА АН СССР, 1961, вып. 83, с. 113

<sup>39</sup> Погребова Н. Н. Пересадовское поселение на Ингуле. — СА, 1960, № 4, с. 89—90.

<sup>40</sup> Погребова Н. Н., Елагина Н. Г. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 г. — КСИА АН СССР, 1962, вып. 89, с. 6, 14.

культурой, которая сложилась «на основе культуры многоваликовой керамики» и «нашла свое полное и законченное развитие только на западной окраине правобережной степной Украины, куда не проникало сильное влияние срубной культуры волго-донского типа»<sup>41</sup>. О Саба-тиновке как особой культуре, очень близкой к Ноа, пишет А. Флореску, выделяя единый комплекс «Ноа — Саба-тиновка»<sup>42</sup>.

О саба-тиновской группе памятников как отдельной культуре, занимавшей Северо-Западное Причерноморье и отчасти Левобережье и Крым, высказывался и автор настоящей монографии<sup>43</sup>. Вопросу выделения саба-тиновской культуры посвящена отдельная работа автора. Противопоставляя саба-тиновские памятники собственно срубным, автор исходит из следующего: во-первых, хотя в сложении саба-тиновской культуры приняли участие и нашли определенное отражение срубные компоненты, все же саба-тиновские памятники сохраняют некоторые черты и традиции предшествующей культуры многоваликовой керамики и отчасти местного варианта ямной культуры. В то же время они имеют ряд общих признаков с Ноа, а также белогрудовской и комаровской культурами, т. е. саба-тиновская культура имеет синкретический характер. Во-вторых, границы, да и сам облик на протяжении ее существования не оставались неизменными. И в-третьих, саба-тиновская культура продолжает суще-

<sup>41</sup> Рыбалова В. Д. О связях Правобережной степной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 82, прим. 2.

<sup>42</sup> См. сноску 31.

<sup>43</sup> Шарафутдинова И. М. Нові пам'ятки епохи пізньої бронзи в Нижньому Подніпров'ї. — АП, 1961, № 10, с. 25; Шарафутдинова И. М. Поселения эпохи поздней бронзы..., с. 168; Шарафутдинова И. М. К вопросу о саба-тиновской культуре. — СА, 1968, № 3, с. 49—54.

ствовать и на белозерском этапе (могильники у с. Широко и хут. Команийцы) и, по нашим представлениям, является ярчайшим ее проявлением именно в белозерское время.

Дальнейшее изучение поздней бронзы с ограничением района исследования Степным Поднепровьем привело автора работы к выводу о возможности выделения саба-тиновских памятников в особую, достаточно своеобразную группу в пределах позднесрубной общности. Степное Поднепровье являлось пограничной зоной расселения саба-тиновских племен, материальная культура которых как на саба-тиновском, так и на белозерском этапах носит сложный характер, включая местные, восточные и западные элементы, причем в Поднепровье прослеживается большая близость с памятниками срубной культуры, тогда как в междуречье Южного Буга и Днестра сказывается большая близость с культурой Ноа<sup>44</sup>. Аналогичные взгляды высказаны И. Т. Черняковым, работа которого посвящена памятникам Северо-Западного Причерноморья. В саба-тиновской культуре выделяются два этапа — саба-тиновский и tudоровский, синхронный белозерскому. По мнению И. Т. Чернякова, саба-тиновская культура занимала степную зону от Дуная до Приазовья, включая Крым, причем к востоку от Днепра она тесно связана с позднесрубной культурой, а в Северо-Западном Причерноморье — с Ноа. И. Т. Черняков считает, что в сложении саба-тиновской культуры преобладают местные элементы, идущие в основном от ямной культуры<sup>45</sup>.

<sup>44</sup> Шарафутдинова И. М. Племена Степного Поднепровья в эпоху поздней бронзы. Автореф. дис. канд. ист. наук. К., 1973, с. 24—25.

<sup>45</sup> Шмаглый Н. М., Черняков И. Т. Курганы степной части междуречья Дунай и Днестра. — МАСП, 1970, вып. 6, ч. 1, с. 412—413; Черняков И. Т. Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке.

Представляя всю сложность проблемы, окончательное решение которой требует не только привлечения широкого круга источников и сравнительного материала как из восточных, так и западных территорий, но и теоретических разработок четких критериев понятия «археологическая культура», мы постараемся осветить ее лишь в той

Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1975, с. 26—27.

мере, в которой позволяют материалы Поднепровья.

Основу данной монографии составляют прежде всего неопубликованные материалы из раскопок поселений и могильников в Днепровском Надпорожье экспедиции Днепростроя 1927—1931 гг., дополненные экспедициями Днепрогэса 1945—1946 гг. и Вильнянской 1968, 1969 гг., а также более южных — Николапольской, Каховской 1950—1954 гг. и других. Новейшие данные привлекаются крайне ограниченно, так как большинство отчетов еще не опубликовано.

## ПОСЕЛЕНИЯ

Археологическая карта Приднепровской Степи поражает обилием поселений конца среднего и особенно позднего периода эпохи бронзы. В настоящее время от устья Днепра до Кременчуга известно более 50 поселений культуры многоваликовой керамики (рис. 1). В их число кроме памятников, расположенных в основном на протяжении Нижнего Поднепровья и Надпорожья, выделенных и описанных в работах С. С. Березанской и С. Н. Братченко<sup>1</sup>, включаем еще около 30 поселений, обнаруженных экспедициями под руководством Д. Я. Телегина между Кременчугом и Днепродзержинском<sup>2</sup>.

На указанной территории зафиксировано более 200 поселений позднего периода бронзы (сабастиновских и белозерских). Они распределяются на карте следующим образом: примерно  $\frac{1}{3}$  их находится в Надпорожье<sup>3</sup>, почти столько же — между Кременчугом и Днепродзержинском. Значительно меньше поселений этого времени учтено в Нижнем Поднепровье — примерно 60 в зоне Каховского водохранилища, превышающего площадь оз. им. В. И. Ленина в Надпорожье<sup>4</sup> в несколько раз, и несколько поселений к югу от Каховки. Такая неравномерность распределения памятников объясняется не столько различиями в плотности населения (хотя это и не исключено), сколько степенью изученности указанных районов. Иссле-

<sup>1</sup> Березанская С. С. Указ. соч., с. 26—41; Братченко С. Н. Памятники багатовалякової кераміки. — В кн.: Археологія Української РСР. К., 1974, т. 1, карта на с. 336.

<sup>2</sup> Телегин Д. Я., Махно Е. В., Шарафутдінова И. Н. Отчет о разведках в зоне Днепродзержинського водохранилища в 1960 и 1961 гг. — Архив ИА АН УССР, ф. з. № 3043.

<sup>3</sup> Добровольський А. В. Матеріал до археологічної карти Дніпровського Надпорожжя в межах Запорізької області. — Археологія, 1952, т. 7, с. 83—84; Бодяньський А. В. Памятники часу пізньої бронзи в Надпорожжі.

<sup>4</sup> Шарафутдінова І. М. Нові пам'ятки ... с. 13, карта.

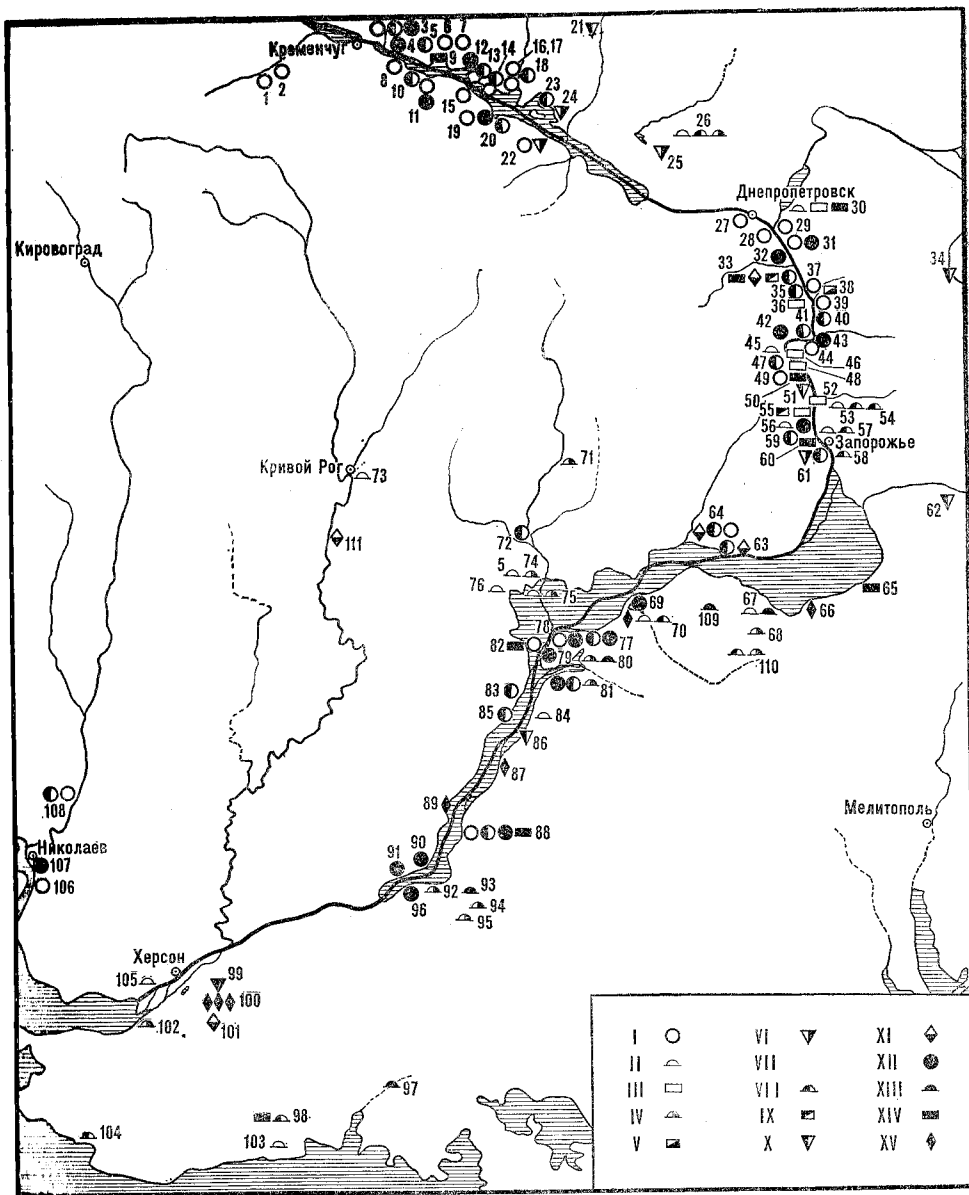


Рис. 1. Карта основных памятников поздней бронзы в Степном Поднепровье.

Памятники многоваликовой культуры: I — поселения; II — погребения в курганах; III — грунтовые могильники; срубные памятники; IV — погребения в курганах; V — грунтовые могильники; VI — клады бронзовых изделий; сабакинские памятники;

VII — поселения; VIII — погребения в курганах; IX — грунтовые могильники; X — клады бронзовых изделий; XI — клады литейных форм и бронзолитейные мастерские; белозерские памятники; XII — поселения; XIII — погребения в курганах; XIV — грунтовые могильники; XV — клады литейных форм и бронзолитейные мастерские.  
1 — Колонтаево; 2 — Андрусовка; 3 — Пьки; 4 — Безборозное; 5 — Паськи; 6 — Батраки; 7 — Пав-

дования последних лет заметно пополнили список поселений по берегам Днепро-Бугского и Березанского лиманов<sup>5</sup>.

Топография, размеры, стратиграфия поселений. Большинство известных поселений культуры многоваликовой керамики располагаются на дюнах в пойме Днепра, его рукавов и притоков (Редуты, Крамарево, Павловка, Дворниковка, Золотоношино и др.). Часто они занимают террасы коренных берегов, которые всего на несколько метров поднимаются над уровнем рек (Солошино, Деревка, Игрень, сад им. Т. Г. Шевченко в Днепропетровске и др.). Иногда поселения располагаются на сравнительно высоких (выше 10 м) речных террасах (Бабино III) или мысах, образованных впадающими в Днепр реками и балками (мыс р. Вильнянка, балка Байрак около с. Старый Кодак и др.). Следы поселений встречаются также и на о-вах Демский, Виноградный.

Поселения сабакиновского и белозер-

<sup>5</sup> Бураков А. В., Отрешко В. М., Буйских С. Б., Назарчук В. И. Работы периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1974 г. М., 1975, с. 263; Бураков А. В., Буйских С. Б. Работы периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1976 г. М., 1977, с. 274; Загний Г. Ф., Островертов А. С., Черняков И. Т. Исследования у Ягорлицкого залива. — АО 1976 г., с. 294.

ловка; 8 — Каменные Потоки; 9 — Компанийцы; 10 — Чикаловка; 11 — Деревка; 12 — Гай; 13 — Солошино; 14 — Солошино (Колонны); 15 — Мишурин Рог; 16 — Переложная; 17 — Крамарево; 18 — Ишешеньки; 19 — Суловка; 20 — Мосты; 21 — Маячка; 22 — Бородаевка; 23 — Радянское; 24 — Кабанов хутор; 25 — Лобойковка; 26 — Верхняя Маевка; 27 — Сад Шевченко; 28 — Днепровское; 29 — Бердяно; 30 — Игрень; 31 — Любимовка; 32 — балка Демская; 33 — Волошское; 34 — Новоалатовка; 35 — балка Звонецкая; 36 — Никольское; 37 — Пилильевка; 38 — Ворона; 39 — балка Романцева; 40 — балка Клошикова; 41 — Войсковое; 42 — Вовниги; 43 — о-в Дубовый; 44 — Скала Диденко (Вовниги); 45 — Ващмачна; 46 — хут. Орлов; 47 — хут. Пожков; 48 — о-в Таволжский; 49 — балка Кролевщина; 50 — Федоровка; 51 — балка Авраамовка; 52 — о-в Похильный; 53 — Вильногурцевка; 54 — Вильнянка; 55 — о-в Виноградный; 56 — Привольное; 57 — Кичкас; 58 — Вознесенка; 59 — уроч. Сагайдачный; 60 — Верхняя Хортица; 61 — Хорти-

ского времени чаще всего размещаются по краю надпойменных террас, на пологих мысах балок или в устьях рек, занимая обычно невысокие, сравнительно ровные участки береговых террас, поднимающиеся на 5—8 м над уровнем рек (Бабино IV, Ушкалка, Волошское, Деревка и др.). Реже поселения встречаются на высоких участках берега (Васильевка 2, Нижний Рогачик, хут. Шевченка). Как и в предыдущую эпоху, заселялись останцы и дюны в пойме Днепра (Чикаловка, Гай, Боцулы) и его притоков (с. Марьянское на р. Подпильная), а также удобные для жизни острова (Хортица, Дубовой, Виноградный). Некоторые поселения располагались в столь низких местах, что в настоящее время (до постройки водохранилища) они заливались в половодье, а в летнее время на уровне древних жилищ стояли грунтовые воды (уроч. Сагайдачный).

К сожалению, в Поднепровье не проводились разведки вдоль степных балок, уходящих в глубь степи. Между тем исследования последних лет в Южном Побужье обнаружили достаточно много поселений поздней бронзы, расположенных на склонах и мысах древних балок, удаленных от Южного Буга иногда до 20 км (Степовое). Можно предполагать, что такие поселения существовали и в Поднепровье.

ца; 62 — Орехово; 63 — Верхнетарасовка; 64 — Кипуловка; 65 — Васильевка; 66 — Златополь; 67 — Днепрудный; 68 — Балки; 69 — Белозерский лиман; 70 — Солоха; 71 — Александрополь; 72 — Усть-Каменка; 73 — Кривой Рог; 74 — Кут; 75 — хут. Хмельницкий; 76 — Марьянское; 77 — Ушкалка; 78 — Бабино; 79 — Нижний Рогачик; 80 — Первомаевка; 81 — хут. Шевченко; 82 — Золотая Балка; 83 — Михайловка; 84 — Широкий курган; 85 — Дудчаны; 86 — Князьгиргоревка; 87 — Зиньдовка; 88 — Капры; 89 — Новоалександрийск; 90 — Змеевка; 91 — Берислав; 92 — Архангельский лиман; 93 — Лукьяновка; 94 — Красный Церетов; 95 — Вильна Украина; 96 — Каховка; 97 — Каланчак; 98 — Широко; 99 — Солонеп; 100 — Кардишинка; 101 — Малые Копани; 102 — Збуринцы; 103 — Красное; 104 — Новочерноморье; 105 — Белозерка; 106 — Жовтеев; 107 — Николаев; 108 — Пересадовка; 109 — Степной; 110 — совхоз им. Суворова (Большая Белозерка); 111 — Помосолоши-

Для выяснения генетической преемственности культуры многоваликовой керамики и сабастиновских памятников существует тот факт, что довольно часто поселения культуры многоваликовой керамики и более поздние размещаются на одних и тех же местах. Так, у с. Бердино, в балке Романцевой у с. Васильевка, на поселениях у с. Солошино и других собрана керамика культуры многоваликовой керамики и сабастиновская. Возможно, что эти поселения существовали непрерывно от середины до конца II тысячелетия. В других пунктах — Деревка, Гай, Батраки, Ивки и прочих — на месте поселений культуры многоваликовой керамики располагались поселения белозерского времени. Необходимо отметить, что для поселений культуры многоваликовой керамики и позднего периода бронзы характерно отсутствие каких бы то ни было укреплений.

В целом топография поселений периода средней и поздней бронзы, удобная для древних земледельцев и скотоводов, не является особенностью только Нижнего Поднепровья. Она характерна для синхронных памятников всего Северо-Западного Причерноморья. Достаточно вспомнить поселения у с. Сабатиновка на Южном Буге, с. Анатольевка на Тилигульском лимане, у Пересадовки, Новорозановки на Ингуле, а также ряд поселений в междуречье Южного Буга и Дуная<sup>6</sup>.

Размеры поселений определяются лишь приблизительно, так как ни одно из них не раскопано полностью. Из поселений культуры многоваликовой керамики на исследуемой территории значительные раскопки проводились толь-

ко в Бабино III, где открыто 0,5 га, что, по определению А. В. Добровольского, составило примерно половину площади, занятой поселением. Судя по подъемному материалу, размеры других поселений культуры многоваликовой керамики колеблются от 0,1 до 4—5 га. Из них самые большие, судя по площади находок, Яковлевка 5, Мишурино Рог<sup>7</sup>. Примерно 4 га занимало и Вовнижское поселение<sup>8</sup>. Однако таких относительно крупных поселений известно немного, и, по-видимому, они относятся к числу позднейших.

Из сабастиновских поселений относительно точно определены размеры Ушкальского (0,5 га) и Чикаловского (3,5 га), а для белозерского времени — Змеевского (4 га, исключая западный, более ранний участок) и поселения у с. Каиры (1,5 га)<sup>9</sup>.

Во время разведок чаще всего устанавливается лишь протяженность поселений вдоль берега реки или балки, обычно 0,1—0,3, реже — 0,5 км (Каховка, Большая Знаменка 4). Самым большим в Нижнем Поднепровье, по-видимому, является раскинувшееся на 1 км поселение у с. Верхнетарасовка.

Таким образом, поселения поздней поры бронзового века в Степном Поднепровье обычно занимают от 0,5 до 4 га, что в общем близко к размерам

<sup>7</sup> Телегин Д. Я., Шмаглей Н. М., Кучера М. П., Неприна В. И., Драчук В. С., Петровская Е. А. Отчет о разведках археологических памятников в районе Днепродзержинского водохранилища в 1959 г. — Архив ИА АН УССР, ф. э. № 3929; Телегин Д. Я., Магно Е. В., Шарафутдинова И. Н. и др. Отчет о разведках... в 1960 и 1961 гг., с. 39.

<sup>8</sup> Спаский И. Ю. Розкопки кам'яного спорудження на лівому березі Дніпра коло скелі Діденко. — Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК/Дн., № 104; Спаский И. Ю. Кам'яна споруда 2 біля скелі Діденка на лівому березі Дніпра проти с. Вовніг, № 97, 97-а.

<sup>9</sup> Бураков А. В. Поселення епохи пізньої бронзи біля с. Зміївка. — АП, 1961, т. 10, с. 26; Магно Е. В. Розкопки могильника і поселення поблизу с. Каїри. — АП, т. 10, с. 153.

поселений культуры многоваликовой керамики. Однако необходимо отметить, что во-первых, в позднем периоде заметно увеличивается количество крупных поселений, во-вторых, значительно возрастает их густота. Часто расстояние между древними поселениями бывает меньшим, чем между современными селами этого района.

**Стратиграфия.** Культурные остатки на поселениях культуры многоваликовой керамики были сосредоточены в нижней части гумусированного грунта в пределах 0,5—1 м (Бабино III) и 0,6—0,8 м (Деревка). Поселения на дюнах носили характер недолговременных, возможно, сезонных стоянок со слабо выраженным культурным слоем. На поселениях Бабино III А. В. Добровольский проследил два строительных горизонта. В нижнем обнаружено полуземляночное, а в верхнем — наземное глинобитное жилище. Первое отчасти отличалось и по инвентарю. Кроме обычной многоваликовой керамики здесь, в частности, найдены обломки подлощенных сосудов с ручкой, фаянсовые бусины, медная пронизка<sup>10</sup>.

На однослойных памятниках культурный слой позднего периода бронзового века обычно залегает также в нижней части гумуса, на глубине 0,4—1,2 м; часто отличается золистым цветом, всегда насыщен большим количеством костей. Мощность его за пределами жилищ обычно составляет 0,2—0,4 м. На месте полуземляночных или земляночных жилищ он опускается до 1,2—1,4 м. Естественно, в местах, подверженных намывам, а также на многослойных памятниках культурный слой поздней бронзы находится несколько глубже. Так, в Бабино IV находки были сосредоточены на глубине 1,5—2 м.

<sup>10</sup> Добровольский А. В. Поселение бронзового века Бабино III, с. 40—43.

Уже отмечались достаточно часто случаи размещения на тех же самых участках поселения культуры многоваликовой керамики и сабастиновских, поскольку эти памятники остались нераскопанными, стратиграфия их не прослежена.

Д. Я. Телегин установил вертикальную стратиграфию на поселении Ушкалка. Здесь оказалось два слоя эпохи поздней бронзы, разделенных стерильной прослойкой<sup>11</sup>. На глубине 1,5—2 м от дневной поверхности на площади 0,5 га четко выделялся нижний зольный культурный слой мощностью 0,6 м (Ушкалка I). В этом слое обнаружены остатки четырех сооружений, посуда и костяные изделия, близкие к сабастиновским. Его подстилал серовато-зеленоватый материковый суглинок, а перекрывал слой (0,3 м) красной глины, смытой с коренного берега. Выше шел чернозем мощностью 0,65 м, в нижней части которого размещался второй, верхний, зольный слой (Ушкалка II) с остатками углубленного жилища, прорезавшего слой красной глины. Материал верхнего зольного слоя (Ушкалка II) близок к Белозерскому поселению и Бабино IV.

Горизонтальная стратиграфия отмечена исследователями и на Змеевском поселении. Здесь фактически открыто два поселения: осковное, площадь которого А. В. Бураков определяет в 4 га, и расположенный в 170 м к западу от него небольшой участок протяженностью 70 м<sup>12</sup>. На основном поселении были заложены раскопы 1 и 2, а на западном — раскоп 3. Изучение материков этих раскопок позволили Г. М. Буорову еще в 1956 г. прийти к выводу,

<sup>11</sup> Телегин Д. Я. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я, с. 4. Телегин Д. Я. Отчет о раскопках многослойного поселения в с. Ушкалка Херсонской обл. в 1954 г. — Архив ИА АН УССР, ф. э. № 2323.

<sup>12</sup> Бураков А. В. Указ. соч., с. 26, 32.



что керамика из раскопа 3 более ранняя и типологически близка нижнему слою Ушкалки и Сабатиновки, а материал из раскопок 1 и 2 близок верхнему слою Ушкалки и Бабино IV<sup>13</sup>. Разновременность указанных участков позже была подтверждена А. М. Лесковым<sup>14</sup>. Но, по всей вероятности, хронологический разрыв между этими участками непродолжителен, и в целом Змеевское поселение, даже его ранний участок, заселено значительно позже собственно Сабатиновского поселения.

*Поселения и жилища культуры многоваликовой керамики.* Небольшой объем раскопок, чаще всего ограниченный исследованием одного-двух жилищ, не дает исчерпывающих сведений о планировке поселений, но позволяет утверждать, что в период поздней бронзы в Поднепровье не было стандартной планировки поселений. Расположение жилищ и хозяйственных комплексов обусловлено, с одной стороны, топографией поселения (размером и формой удобных для жилья участков береговых террас или возвышенностей в пойме), а с другой — характером (планом и размером) самих сооружений.

Для культуры многоваликовой керамики мы располагаем хорошо документированными раскопками только поселения Бабино III<sup>15</sup>, где в нижнем горизонте открыто полуземляночное жилище овальной формы площадью 40 м<sup>2</sup>, углубленное на 0,5 м от древней поверхности. Стены его были сложены из глиняных вальков. В центре обнаружены следы кострища и примыкавшее к нему небольшое углубление неясного назначения.

<sup>13</sup> Буров Г. М. Нижне Подніпров'я в епоху пізньої бронзи.— Науковий щорічник КДУ ім. Т. Г. Шевченка за 1956 р. К., 1957, с. 125—126.

<sup>14</sup> Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века., с. 13—14.

<sup>15</sup> Добровольский А. В. Поселения бронзового века Бабино III, с. 40—43.

В верхнем горизонте оказались два наземных сооружения. Одно почти прямоугольное, вытянутое с севера на юг, с небольшим коридором у юго-западного угла, где размещался вход. Площадь этого жилища 26,5 м<sup>2</sup>. По сохранившимся среди развалов глиняных блоков и ямам от столбов А. В. Добровольскому удалось установить конструкцию глиняных стен, толщина которых составляла 0,25—0,3 м, а высота около 2 м. У входа внутри жилища находился очаг. Рядом с этим жилищем обнаружены развалы меньшего помещения (около 10 м<sup>2</sup>) в виде квадратной в плане глинобитной площадки, перекрытой глиняным завалом. Посредине площадки находилась небольшая яма с двумя кострищами на противоположных сторонах. Снаружи, около этих помещений, обнаружены остатки нескольких очагов.

Есть основания утверждать, что носители культуры многоваликовой керамики знали и каменное домостроительство. Остатки каменных сооружений обнаружены в саду им. Т. Г. Шевченка в Днепропетровске. А. В. Добровольский с культурой многоваликовой керамики связывал и каменные постройки на о-ве Виноградном<sup>16</sup>. Но если находки на этом поселении керамики сабатиновского типа вносят некоторые сомнения относительно принадлежности строительных остатков к культуре многоваликовой керамики, то раскопки поселения у с. Каменка на Керченском полуострове<sup>17</sup> и поселения у с. Вовниги в Надпорожье позволяют уверенно связывать каменные постройки с культурой многоваликовой керамики на разных этапах ее существования.

<sup>16</sup> Добровольский А. В. Кам'яні спорудження в Надпорожжі, с. 191; Добровольский А. В. Матеріали до археологічної карти Дніпровського Надпорожжя, с. 83.

<sup>17</sup> Рибалова В. Д. Поселение Каменка в восточном Крыму.— АСГЭ, 1974, № 16, с. 19—49.

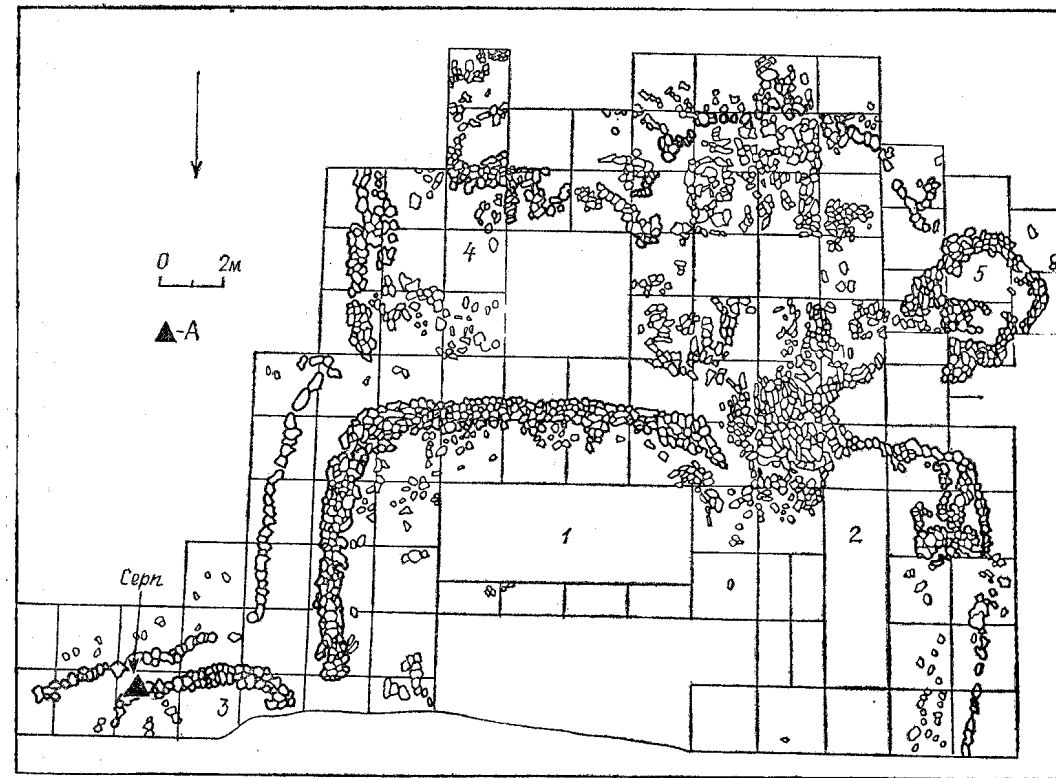


Рис. 2. Вовниги. План сооружений у Скалы Диденко.

К заключительному этапу культуры многоваликовой керамики, выделяемому узлами в Вовнигский горизонт, относится поселение у с. Вовниги. Оно находилось на левом берегу Днепра против с. Вовниги около скалы Диденко. Экспедиция Днепростроя обнаружила здесь четыре комплекса каменных сооружений. На одном из них и были проведены раскопки И. Ю. Спасским в 1931 г.<sup>18</sup> На площади около 400 м<sup>2</sup> было обнаружено несколько помещений (рис. 2). Среди них выделяется большое помеще-

ние 1, приближающееся в плане к прямоугольному, но с закругленными углами. Площадь его 96 м<sup>2</sup> (8×12 м). По длинной оси оно вытянуто с востока на запад вдоль берега Днепра. Полностью сохранились основания восточной и южной стен, сложенные из камней разной величины по одному-два ряда в ширину и по три-четыре ряда в высоту. Сопорная стена почти не раскапывалась, западная не сохранилась. Второе, тоже приближающееся к прямоугольному, помещение примыкало к первому с запада, но было вытянуто с севера на юг (ширина его около 7, а длина не менее 9 м). Уцелели основания восточной и южной стен. Последняя являлась как бы продолжением южной стены

<sup>18</sup> Спасский И. Ю. Розкопки кам'яного спорудження на лівому березі Дніпра коло скелі Діденка; Спасский И. Ю. Розвідка на лівому березі Дніпра.— Архив ИА АН УССР, ВУАК/Дн., № 94.

помещения 1, но ее основание состояло из одного ряда камней. На расстоянии 1,5 м к северо-западу от помещения 1 находилось помещение 3 шириной около 6 м. От него сохранилась только южная стена, на которой был найден бронзовый серп.

К югу от первых двух помещений были обнаружены развалы по меньшей мере еще трех камер. Поскольку раскопки здесь не были доведены до конца, можно лишь предполагать, что два из них (4 и 5) были размещены параллельно с первыми, а одно (6) — под углом ко всем остальным. Вместе они создали как бы ряд, отделенный от помещений 1 и 2 узким проходом (от 1,2 до 2 м).

Между помещениями 2 и 4, а отчасти и на их площади находилась каменная вымостка, перекрывающая два каменных ящика, по-видимому, с жертвенными захоронениями. В одной из похорожен человек в сильно скорченной позе, во второй — череп собаки. Разводочные раскопки, проведенные на соседнем участке, обнаружили остатки подобных построек. Таким образом, на Вовнигском поселении постройки образуют отдельные комплексы — гнезда, состоящие из нескольких камер, расположенных почти вплотную друг к другу. По-видимому, это одно из самых ранних на данной территории сооружений такого типа.

Инвентарь поселения, представленный высокими и низкими сосудами бикопического профиля, украшенными одним или несколькими налепными валиками, в меньшей мере — посудой культуры многоваликовой керамики, а также ранним бронзовым серпом, позволяет относить этот памятник к особому южнорусскому горизонту и помещать его в переходное время от среднего к позднему периоду бронзы, между памятниками культуры многоваликовой керамики и сабатиновскими (рис. 20, 30).

Для сабатиновских поселений характерна планировка трех типов: линейная с обособленными постройками, расположенными в один или два ряда, образующими улицу; гнездовая (компактная) с помещениями, примыкающими к центральному; групповая, состоящая из разных в плане отдельных помещений, связанных общим пространством (двором).

К первому типу относится поселение в устье р. Сура<sup>19</sup>. Как отмечает А. В. Добровольский, здесь по краю мыса образованного Сурой и Днепром в 1946 г., четко выделялись размытые каменные основания девяти жилищ, расположенных по дугообразной линии (рис. 3, 3). В одном ряду, по краю террасы размещались и три жилища, открытые в Ушкалке I (рис. 4). По-видимому, аналогичную планировку в виде улицы имело и само поселение у с. Сабатиновка на Южном Буге, где, исследовано восемь наземных жилищ, расположенных вдоль берега<sup>20</sup>.

На исследованном А. В. Добровольским поселении в устье балки Звонечкой (около с. Алексеевка в Надпорожье) открыто два ряда построек. Один состоял из одиннадцати, другой — из семи жилищ. Расстояние между рядами составило 12 м (рис. 3, 2). Точно такая же планировка в виде улицы с застройкой по обе стороны оказалась и в Чикаловке. В каждом ряду протяженностью примерно 300 м находилось, по-видимому, десять — двенадцать жилищ. Ширина улицы колеблется от 12 до 20 м. (рис. 3, 1).

Устройство жилищ. На перечисленных поселениях представлены прямоугольные в плане, в основном однокамерные жилища. Они хорошо исследованы в нижнем слое Ушкалки<sup>21</sup>. Лучше

<sup>19</sup> Добровольский А. Кам'яні спорудження в Надпорожжі, рис. 5.

<sup>20</sup> Добровольский А. Перше сабатиновське поселення, с. 84.

<sup>21</sup> Телегин Д. Я. Указ. соч., с. 4—6.

других сохранилось жилище 1, расположенное в северо-восточной части поселения. Это прямоугольное в плане помещение (48 м<sup>2</sup>), ориентированное с юго-запада на северо-восток. Д. Я. Телегин проследил, что перед постройкой этого жилища поверхность склона была выравнена, в результате чего восточная часть помещения оказалась углубленной до 0,4 м в материковый суглинок. Снятая земля была использована для подсыпки пола. Пол хорошо утрамбован. Из строительных деталей сохранилась лишь часть кладки в виде двух рядов небольших камней, составляющих основание юго-западной стены. В центре помещения обнаружены купольная печь, около нее углубленный очаг и небольшое глинобитное возвышение овальной формы (0,4×0,6×0,2 м). Рядом находились две хозяйственные ямы (рис. 4, I).

В 16 м к западу от этого помещения В. А. Ильинской раскопано слегка углубленное помещение меньшего размера (около 20 м<sup>2</sup>). Как и первое, оно ориентировано с юго-запада на северо-восток. В юго-западной части этого дома, на одинаковом расстоянии от стен находился открытый очаг диаметром 0,75 м, в северо-западном углу размещалась хозяйственная яма (рис. 4, II).

Между этими двумя углубленными помещениями, ближе ко второму, исследователи обнаружили хорошо обожженный очаг, около него скопление керамики, в том числе несколько почти целых сосудов, и хозяйственную яму<sup>22</sup>. Характер этих находок, их расположение на плане свидетельствуют, по-видимому, о наличии здесь наземного, может быть, недолговременного помещения, контуры которого не удалось выявить (рис. 4, III).

<sup>22</sup> Телегин Д. Я. Отчет о раскопках поселения поздней бронзы в с. Ушкалка в 1954 г.

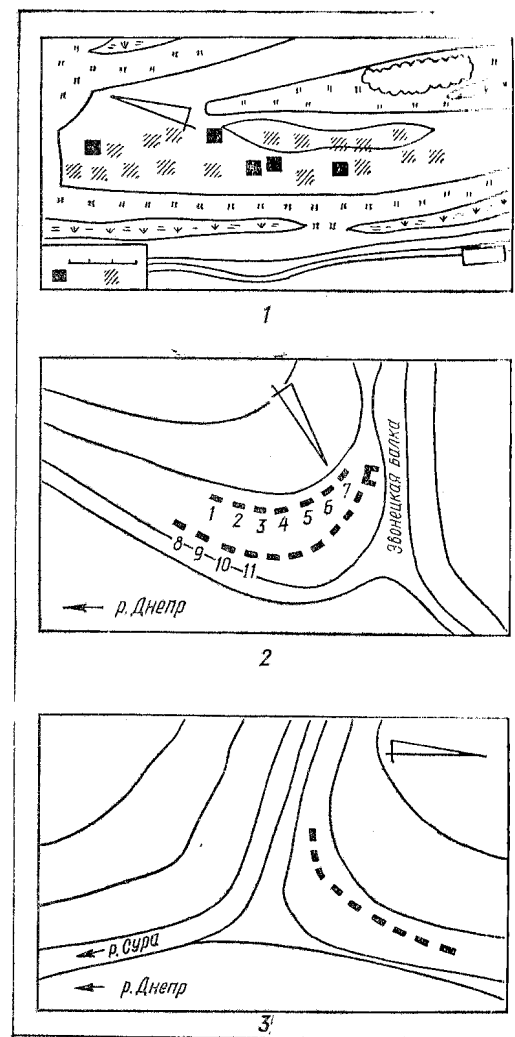


Рис. 3. Схематический план поселений:

1 — Чикаловка; 2 — балка Звонечкая; 3 — устье Суры.

С запада к жилищу 1 примыкали небольшие развалы камней, как считает Д. Я. Телегин, от наземного хозяйственного помещения. Судя по скопленным, может быть, недолговременного строения, которая либо была прорезана углубленным жилищем, либо перекрыта вала его юго-западный угол и в обоих

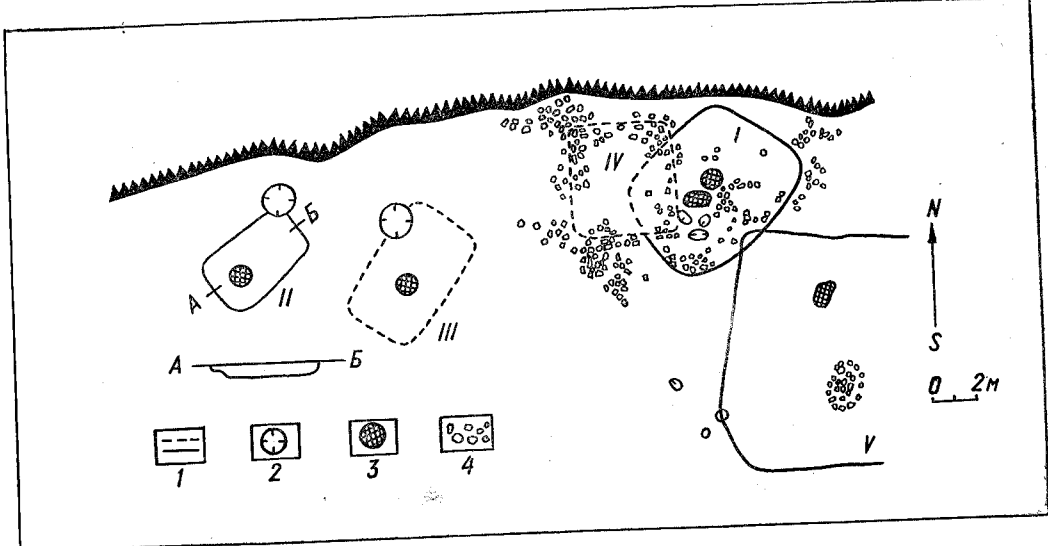


Рис. 4. Поселение Ушкалака. План раскопа. I—III — жилища нижнего слоя; IV, V — жилища второго слоя:  
 1 — границы жилищ; 2 — хозяйственные ямы; 3 — очаги; 4 — камни.

случаях не могла быть одновременной с жилищем.  
 Раскопки в Чикаловке, где были исследованы остатки пяти жилищ, внешне погибших от пожара, обнаружили постройки большего размера. Все исследованные жилища, из которых лучше сохранилось четыре, в плане были вытянуто-прямоугольной формы, ориентированы с северо-запада на юго-восток, торцовой стороной обращены к ручью.  
 Жилище 1 находилось в северной части поселения и было крайним во втором от ручья ряду. Контуры его прослеживались по утрамбованному полу, который только на 0,2 м был углублен от древней поверхности. Площадь помещения составляла 45 м<sup>2</sup>. На полу сохранились следы трех очагов, а один — в юго-западной половине жилища. Огонь раскладывали прямо на глиняном полу. Лишь один очажок (размером 0,3×0,35 м) был сложен из небольших камней, на которых стоял сосуд. Не-

сколько горшков были расставлены под стенками жилища вблизи от очагов.  
 Жилище 2 исследовано в первом ряду, ближе к южному краю поселения. Это самое большое из открытых в Чикаловке жилищ. Его размер 78 м<sup>2</sup>. В юго-восточной части находилась сложная из глиняных вальков печь, около нее — яма и хозяйственный инвентарь.  
 Жилище 4 находилось в центре первого ряда. Его площадь 63 м<sup>2</sup>, глубина от древней поверхности 0,5 м. Внутри помещения у юго-западной стены обнаружен мощный завал печины (2,2×1,3 м). На некотором расстоянии от противоположной стены располагался открытый очаг: на обожженной площадке лежали три раздавленных сосуда. После зачистки пола были открыты две хозяйственные ямы — большая около печи и меньшая рядом с очагом. На полу по длинной оси жилища и поперек его прослеживались остатки сгоревшего дерева. Возможно, это следы перегородок (рис. 5, I).

Жилище 5 находилось на расстоянии 16 м к югу от жилища 4. Оно является наименьшим среди исследованных. Его площадь не превышала 35 м<sup>2</sup>. Как и другие, оно было слегка углубленным и в плане приближалось к прямоугольному. Для сооружения стен этого помещения кроме дерева и глины были использованы небольшие камни (до 0,2 м в поперечнике) и щебень, чем оно и отличалось от соседних построек (рис. 5, II).

В Надпорожье и южнее широко распространяется обычай строить дома с каменными основаниями стен. Два таких жилища, расположенных в разных горизонтах, частично были раскопаны А. В. Бодянским на поселении, известном находками литейных форм у с. Волошское над Сурской Заборой<sup>23</sup>. Исследователю удалось проследить в нижнем жилище такую интересную деталь, как неоднократная смазка глинобитного пола зеленоватой глиной.

Прямоугольные однокамерные помещения размером 20—30 м<sup>2</sup> с каменными основаниями стен открыты разведками О. Г. Шапошниковой и А. В. Бодянского у с. Михайловка Нововоронцовского р-на Херсонской обл.<sup>24</sup> Внутри жилищ находились развалы купольных печей, сложенных из камня.

Среди известных однокамерных построек с каменными основаниями стен по планировке выделяется жилище, раскопанное А. В. Добровольским в устье балки Звонецкой около с. Майоровка на правом берегу Днепровского Надпорожья. От других его отличают заметно удлиненные пропорции (6×

×14,3 м) и апсидная закругленность южной стены, плавно переходящей в продольные<sup>25</sup>.

Поселение с гнездовой (компактной) планировкой исследовано в 1928 г. П. И. Смолічевым на о-ве Хортица<sup>26</sup>. На раскопанном участке в 480 м<sup>2</sup> открыты основания трех смежных довольно больших помещений родственных очертаний и конструкций и примыкающие к ним завалы, не поддающиеся реконструкции. Главным в этом комплексе является центральное помещение площадью около 80 м<sup>2</sup> (8,3×9,5 м). В плане оно приближалось к прямоугольному, но с закругленными углами. Стены неровные, усиленных конструкций. Их основания состоят из двух параллельных каменных кладок, расстояние между которыми различно — от 0,4 до 1,5 м. Внутренняя кладка состоит из небольших камней гранита, уложенных плашмя по два-три в ширину и по три-четыре ряда в высоту. Внешняя кладка северо-западной стены выполнена точно так же, как и внутренняя. Для внешней облицовки остальных стен использованы более крупные камни, положенные в один ряд. Вход в это помещение размещался у юго-западного угла (рис. 6).

С востока и запада к центральному помещению примыкало два более узких, западное имело с центральной общую стену. Оно представляло собой продолговатую, неправильных очертаний камеру с закругленной северо-восточной стеной, основания которой также были облицованы с обеих сторон камнями. Противоположная юго-западная стена была разрушена дорогой, перерезавшей все три помещения. Площадь западного помещения составила, по-видимому,

<sup>23</sup> Бодянский О. В. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр., с. 173.

<sup>24</sup> Шапошнікова О. Г., Бодянский О. В. Звіт за археологічні розвідки і дослідження за 1961 р. на берегах Каховського моря та Надпорожжя.— Архив ІА АН УРСР, ф. 3, № 4116.

<sup>25</sup> Добровольський А. Кам'яні споруди на о-ві Хортиці, с. 192, 198, рис. 4.

<sup>26</sup> Смолічев П. Щоденник розкопок кам'яного спорудження на о-ві Хортиці. Архив ІА АН УРСР, ф. ВУАК/Дп., № 24.

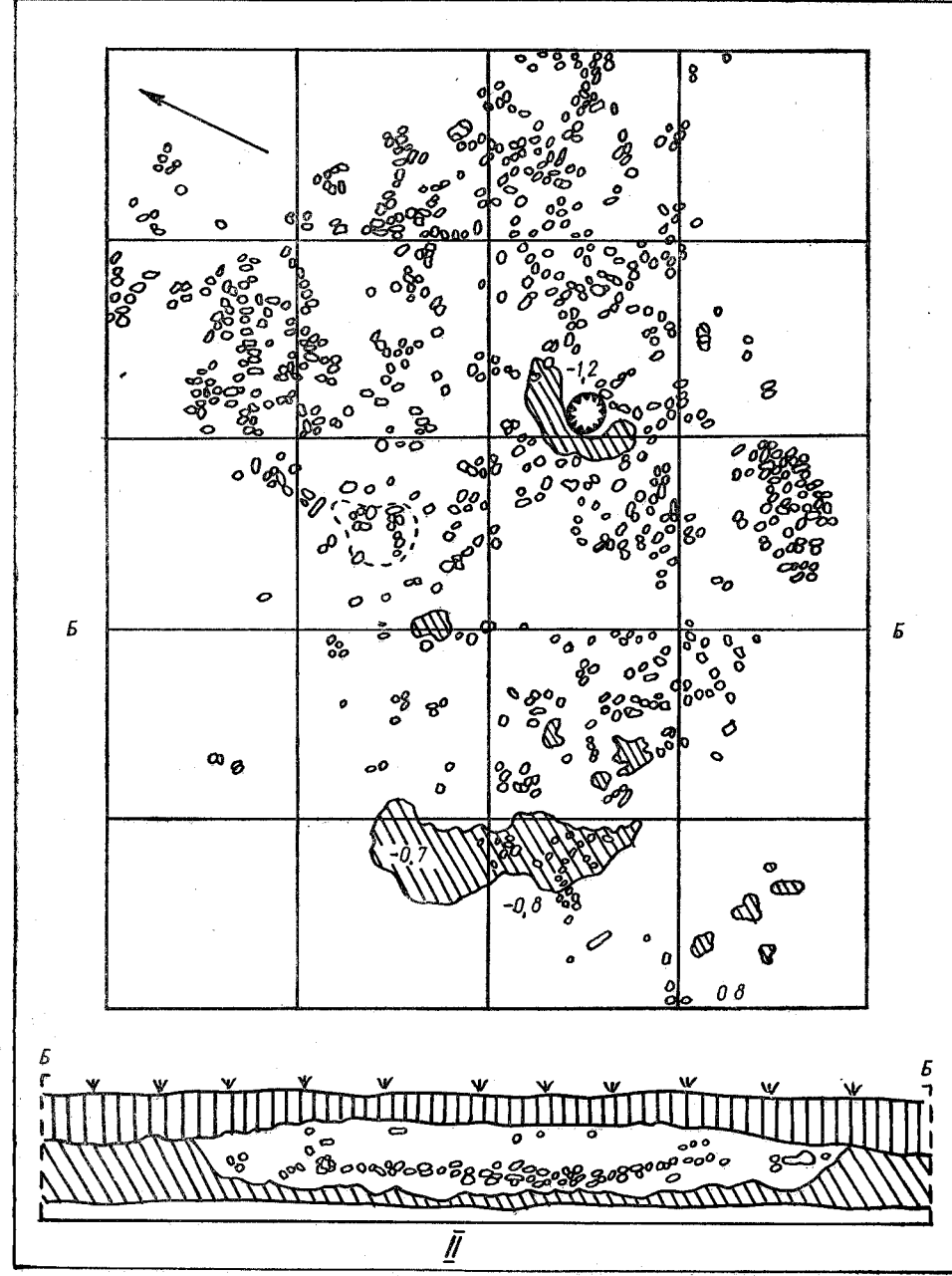
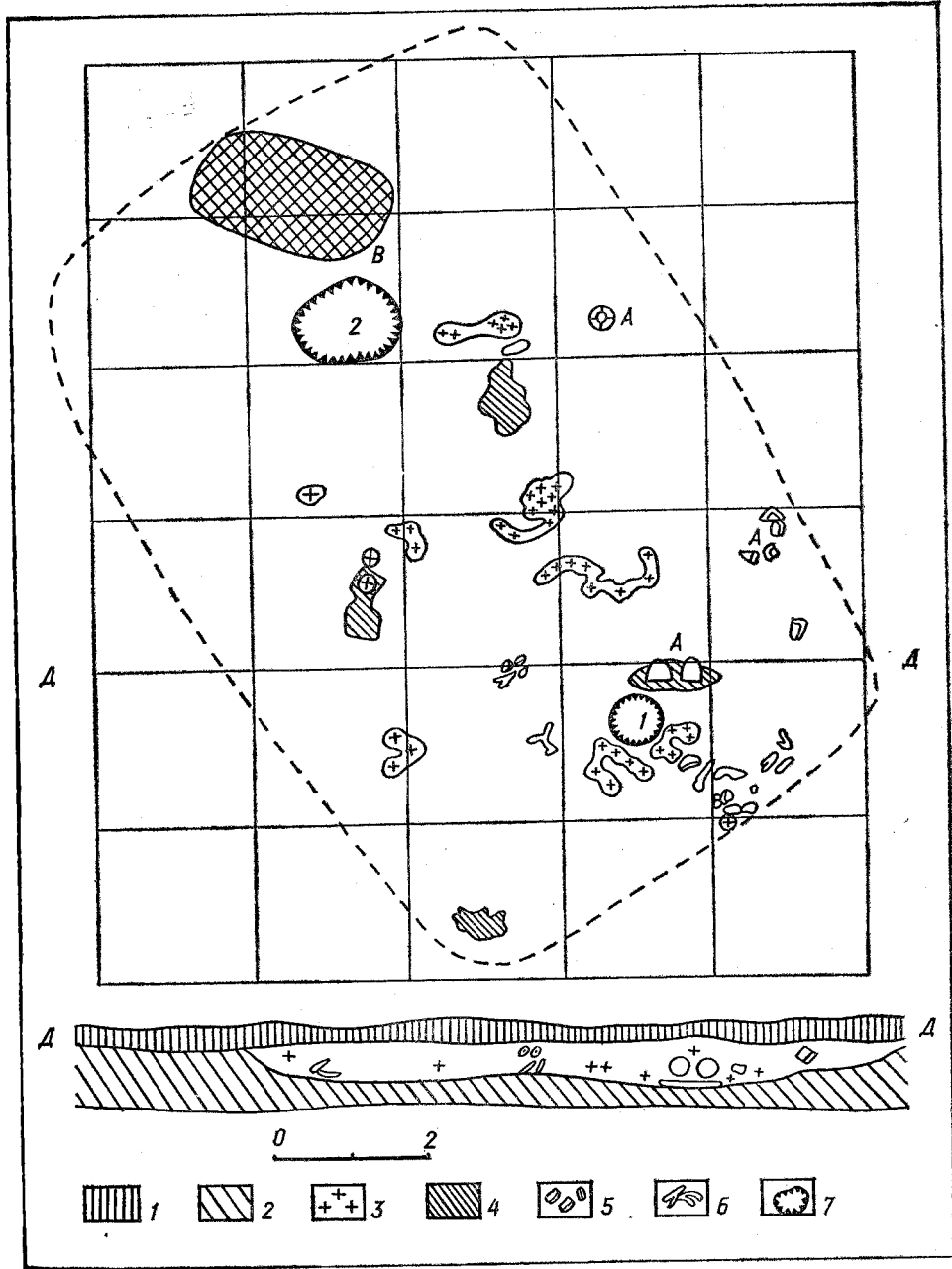


Рис. 5. Поселение Чикаловка. I — жилище 4, II — жилище 5;

1 — чернозем; 2 — суглинок; 3 — угли и зола; 4 — пережженная глина;

5 — камни; 6 — кости; 7 — ямы; А — сосуды; В — глиняные «хлебцы».

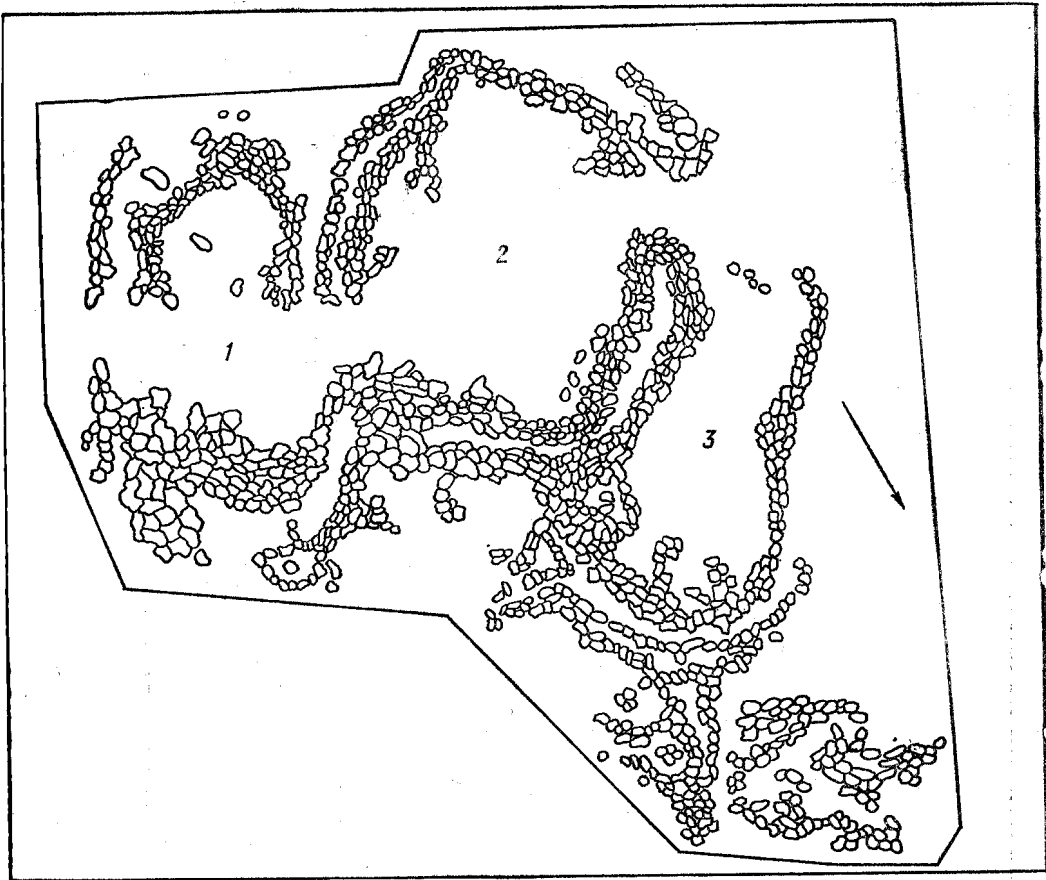


Рис. 6. План сооружения на о-ве Хортица.

около 40 м<sup>2</sup>. Внутри у северо-восточной стены каменные перегородки отделили небольшие камеры размером 1,5×1,2 и 1,5×2 м, предназначенные, видимо, для хозяйственных целей.

Примыкающее к центральному восточное помещение такого же размера было также неправильной продолговато-овальной формы с почти прямой южной и сильно закругленной восточной стенами. С севера и востока сохранились двойные ряды кладок, при этом внешние, как и в соседних помещениях, повторяли контуры внутренних, но были расположены на большем расстоянии (около 1,5 м). Стена, смежная с

центральным помещением, состояла из одного ряда кладки, которая шла параллельно двойным кладкам стены центральной камеры. Расстояние между ними составляло не более 0,5 м. Это позволяет предполагать, что глинобитная стена восточного помещения была сооружена впритык к стене центрального, а сохранившаяся каменная кладка является облицовкой этой стены, со стороны обращенной внутрь пристроенной камеры.

Стены в этих помещениях, вероятно, были деревянно-глинобитными то ли на деревянном, то ли на лозовом каркасе. Перекрытия могли быть балочно-сту-

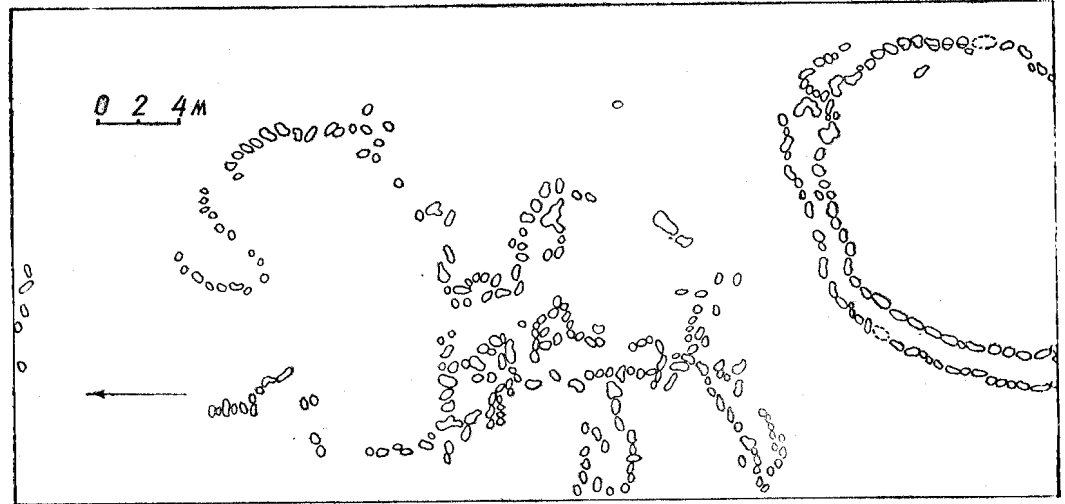


Рис. 7. План раскопа в уроч. Сагайдачное.

пенчатыми с вставками водоразделов между помещениями.

По-видимому, не все пространство между двойными каменными кладками было забутовано, частично сохранялись пустоты, которые могли использовать для кладовых, хранилищ и других хозяйственных потребностей.

Собранный на поселении материал, прежде всего керамика, позволяет считать это поселение одним из самых ранних в группе сабатиновских.

Среди сооружений с компактной планировкой особый интерес вызывает комплекс, исследованный А. Добровольским и В. Гринченком в 1928 г. на левом берегу Днепра в уроч. Сагайдачное у с. Кичкас<sup>27</sup>. Поселение размещалось в устье балки на низкой надпойменной террасе, поднимающейся на 4 м над уровнем реки. На площади рас-

копа 1300 м<sup>2</sup> обнаружено несколько примыкающих друг к другу помещений неправильных очертаний с закругленными углами. Часть стен, видимо, имела параллельные кладки. В 8 м к северу от них находился овалной формы кромлех из гранитных плит, поставленных на ребро в два ряда, с интервалами между рядами 1 м. Уровень основания немного понижался к югу соответственно уклону террасы. Южная часть этого сооружения была разрушена стронтолями. Размер его, можно полагать, 22×16 м (рис. 7). По описанию исследователей, на площади всех сооружений, включая и кромлех, собрана керамика с налезным валиком, иногда двумя и тремя, костяное шило, обломки зернотерки и много костей домашних животных. Эти находки позволяют ставить поселение в один ряд с Ушкалкой и Чикаловкой.

Уровень залегания оснований всех сооружений, характер находок позволяют считать все постройки единым комплексом. Подобное овалное сооружение, напоминающее кромлех из одного ряда небольших камней, открыто нами на

<sup>27</sup> Добровольский А. Кам'яне спорудження в уроч. Сагайдачне. Щоденник розкопів.— Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК/Дн., № 8, с. 1—2, 27; Гринченко В. Дослідження на дільниці Дніпра від Кичкасу до Вільного порогу на Запоріжжі 1928 р.— Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК/Дн., № 30.

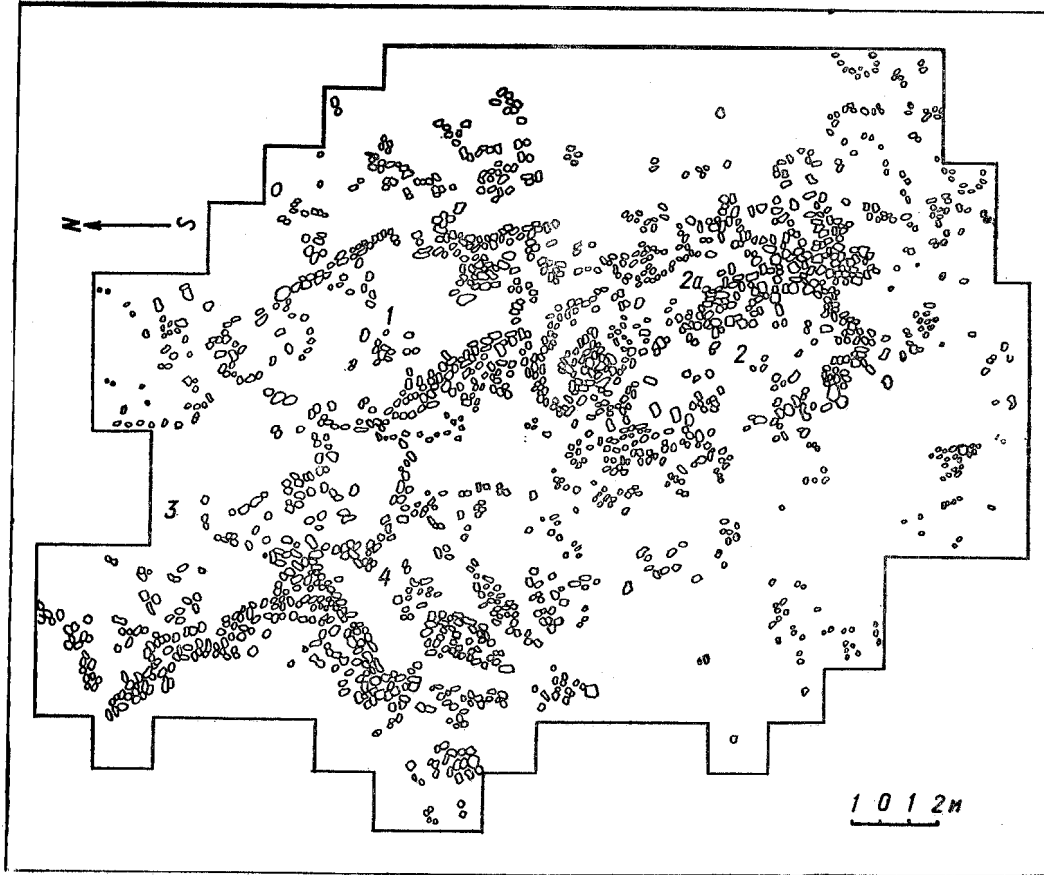


Рис. 8. Поселение Федоровка, хут. Божков. План раскопа.

поселении у с. Новорозановка на Ингуле в 1968 г. Оно размещалось между обычными жилыми и хозяйственными прямоугольными многокамерными постройками, но, вероятно, имело особое назначение.

Несколько разных по размеру помещений, расположенных тесной группой, открыты на поселении у хут. Божков недалеко от с. Федоровка в Надпорожье. В 1930 и 1931 гг. А. К. Тахтай<sup>28</sup>

раскопал на этом поселении 800 м<sup>2</sup>. Каменные кладки оказались сильно разрушенными, мелкие были разобраны в разное время. Относительно сохранились остатки трех-четырёх построек. Все они имели одинаковую ориентировку стен и были расположены на близком расстоянии друг от друга, в виде буквы П, образуя внутри свободное пространство (рис. 8, 9).

Постройка 1 находилась в северо-восточной части раскопа. Это неправильной формы помещение вытянуто с северо-запада на юго-восток, в юго-восточной стене сделана ниша. Почти в центре находилось скопление мелких

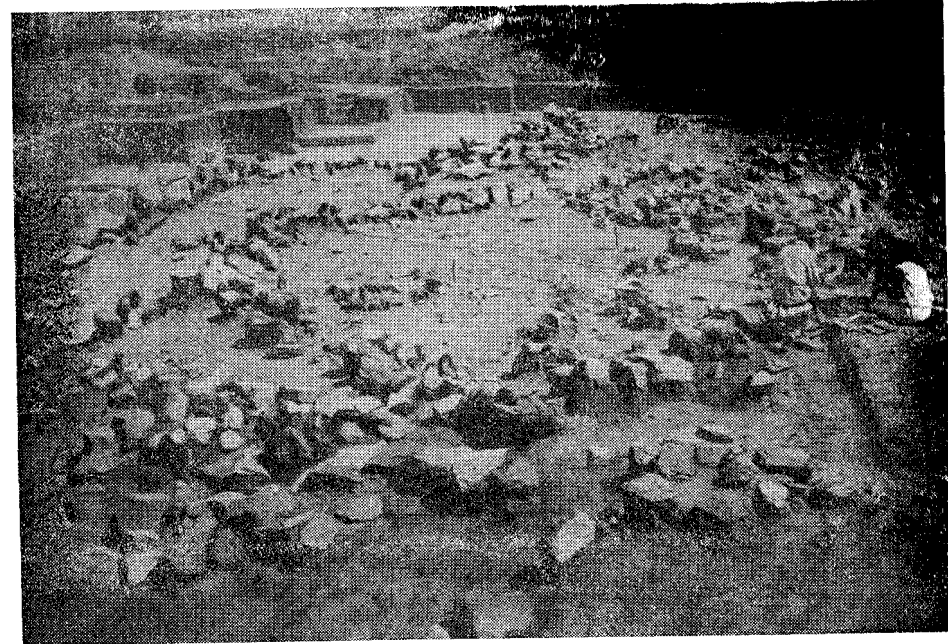


Рис. 9. Федоровка, хут. Божков. Общий вид на поселение с северо-востока.

камней (0,7×0,8 м), вероятно, остатки очага, около которого были оставлены два сосуда.

Постройка 2 размещалась в 0,5 м от южного угла помещения 1. Это прямоугольное в плане помещение, вытянутое с северо-северо-запада на юго-юго-восток, размером 4×10 м, с довольно четкими углами и большими завалами камней по углам. Вход, вероятно, размещался с юго-запада, где, возможно, была небольшая пристройка. Внутри помещения, сразу против входа, находился очаг из плоско положенных каменных плит со следами огня, а около него, под стеной, — раздавленный сосуд.

Скопление камней, фрагменты отдельных кладок у северо-восточной стены позволяют предполагать, что с этой стороны находились более легкие пристройки шириной не более 2,5 м.

К северо-западу от постройки 1 обнаружены кладки и скопления камней

еще от одной, по-видимому, многомерной постройки, в которой выделяется прямоугольное помещение 3 площадью около 55 м<sup>2</sup>, расположенное почти симметрично с постройкой 2. К узкой юго-восточной стене его примыкала прямоугольная постройка 4, вытянутая с северо-востока на юго-запад и состоящая из двух камер 30 и 16 м<sup>2</sup>. Расстояние между углами помещений 1 и 4 было заложено каменной кладкой, то ли служившей изгородью, то ли являвшейся частью маленькой пристройки между большими постройками.

Таким образом, между помещениями 2, 1, 4 получилось замкнутое с трех сторон незастроенное пространство, которое нужно было оградить только с южной стороны, чтобы получить удобный закрытый двор, который можно было использовать и в качестве загон для скота.

Из поселений белозерского времени лучше других исследовано поселение у

<sup>28</sup> Тахтай О. К. Щоденник розкопок Божинського кам'яного спорудження в с. Федорівці Запорізького р-ну.— Архів ІА АН УРСР, ф. ВУАН/Дн., № 114.

с. Змеевка<sup>29</sup>, где на трех участках сохранились остатки 13 построек, разных по планировке, размерам и строительным приемам (рис. 10, 1). Девять из них сохранились относительно хорошо. Планировка жилищ и поселений не одинакова. Так, постройки на раскопе 1, возможно, были сосредоточены группами. В одну из них входили близко размещенные постройки 1 и разрушенная постройка 2 с прилегающим очагом (рис. 10, 2).

Вторая группа состояла из четырех разных построек. Крайней с северо-востока была маленькая постройка (3), от которой сохранились глинобитная площадка пола около 11,5 м<sup>2</sup> и завал мелких камней от стен. В 4 м к югу от нее находилось двухкамерное жилище (9). Это слегка углубленное (на 0,4 м) сооружение площадью 42 м<sup>2</sup>, вытянутое с запада на восток, у которого продольные стены расположены не параллельно, а слегка расходятся к востоку, так что в плане оно образует трапецию. Внутренняя стена делит его на две камеры: восточную, шириной 2,4 м, и западную — 4,2 м, соединенные между собой проходом шириной 0,8 м. Вход с улицы находился с южной, торцовой стороны восточного помещения, о чем свидетельствует проем в кладке этой стены.

В 6 м к западу от этого жилища находилась еще одна постройка (4), которая была раскопана лишь частично. Открыты юго-западный угол и каменные основания двух стен. К западной прилегала глинобитная площадка (15 м<sup>2</sup>), напоминающая пол в других помещениях, но остатки стен не обнаружены.

К югу от постройки 4, к юго-востоку от постройки 9 на расстоянии 2 м от обеих размещалось сооружение, состоящее из четырех камер, построенных, видимо, не сразу и потому расположен-

ных под углом друг к другу. Центральным в этом сооружении являлось помещение 6 площадью около 40 м<sup>2</sup>, вытянутое с юга на север. Северо-западный угол его закруглен, а северо-восточный срезан стеной помещения 5. Центральная часть помещения 6 разрушена землянкой времени Киевской Руси.

Помещение 5 (около 18 м<sup>2</sup>), в плане трапециевидное, ориентировано с юго-востока на северо-запад. Посредине широкой юго-восточной стены четко выделяется вход, оформленный внутри помещения узким коридором (0,8×1,8 м). Против входа под стеной размещалась хозяйственная яма. Проем в юго-западной стене соединяет это помещение с центральным. Последнее имело и самостоятельный выход на улицу через узкий коридор, образованный юго-восточной стеной помещения 5 и продолжением восточной стены помещения 6.

Помещение 7 (9,2 м) прямоугольное, примыкает к юго-западному углу помещения 6, где размещался и вход. Остатки очага в виде скопления камной и золы находились в северо-западном углу. Юго-западная стена смежная с помещением 8, которое ориентировано, как помещение 7, но с самостоятельным входом.

Таким образом, из всех помещений этого сооружения только шестое расположено, как описанные выше постройки 3, 4, 9. По-видимому, оно и сооружено было примерно одновременно с ними. Помещения 5, 7 и 8, отличающиеся иным направлением стен, скорее всего, достроены немного позже. Хотя эта многокамерная постройка и замыкала пространство «двора», но была обрещена к нему и постройкам 3, 4 и 9 глухими стенами: все входы размещались с противоположной стороны. Возможно, что она входила в другой хозяйственный комплекс со своими постройками и двором, которые остались неисследованными.

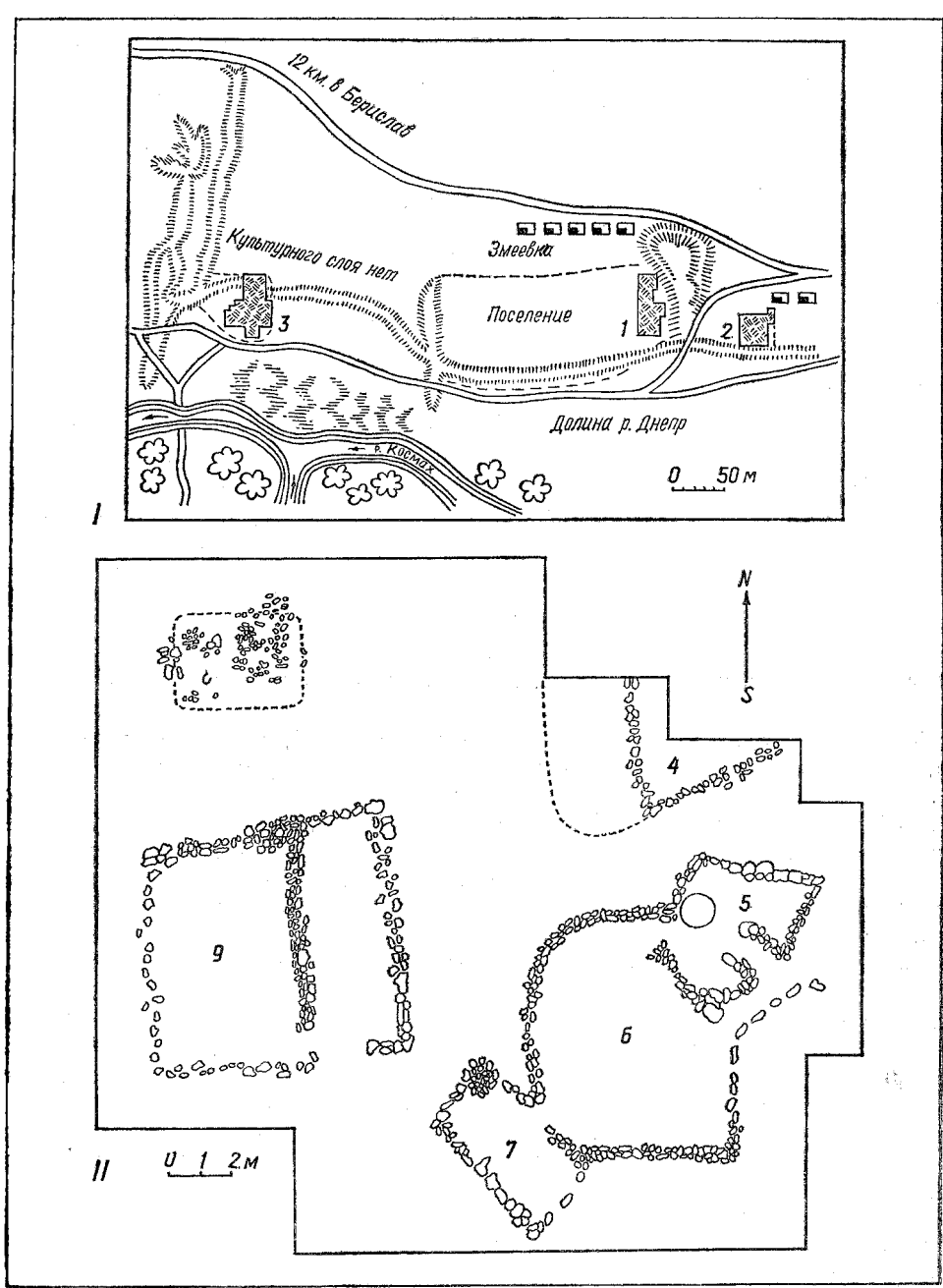


Рис. 10. Змеевка:

I — схематический план поселения; II — план сооружений на раскопе 1 (по Буракову).

<sup>29</sup> Бураков А. В. Указ. соч., с. 26—39.

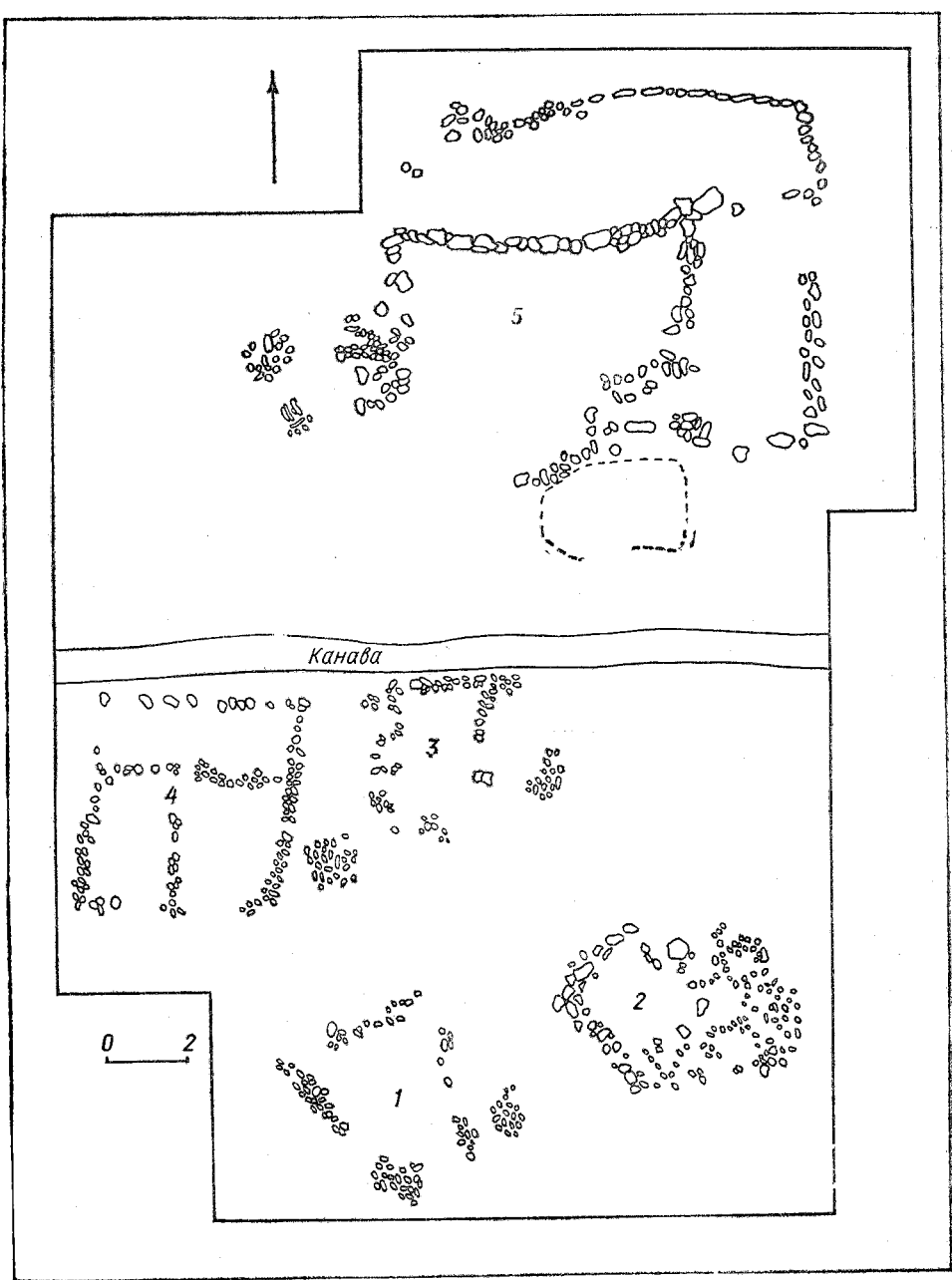


Рис. 11. Змеевка. План построек на раскопе 2. Помещения 1—5.

Иная планировка прослежена в восточной части поселения (раскоп 2), где на площади 750 м<sup>2</sup> обнаружено пять построек, размещенных в три ряда (рис. 11). Две из них, представляющие небольшие камеры (13 м<sup>2</sup> и 5,6 м<sup>2</sup>), располагались в крайнем южном ряду и были ориентированы по длине с юго-востока на северо-запад. В 4 м к северу от них находились еще два помещения, ориентированные почти строго по линии юг — север: однокамерное (3), аналогичное по размерам (6,2 м<sup>2</sup>) и строительным остаткам постройкам первого ряда, и трехкамерное, отличавшееся большей площадью (около 30 м<sup>2</sup>) помещение 4. Различия в кладке оснований последнего, возможно, свидетельствуют, что первоначально были сооружены две камеры — прямоугольная западная и почти квадратная восточная, а затем достроено северное помещение типа коридора (2×5,2 м).

Довольно четкий разрыв в кладке наружной восточной стены восточной камеры позволяет предполагать, что здесь размещался вход с улицы. Не исключено, что имелись самостоятельные выходы на улицу и из двух помещений. Проемы в кладке оснований внутренних стен свидетельствуют о том, что все три камеры соединялись между собой.

Снаружи, у восточной стены, на расстоянии примерно 1 м от входа сохранились остатки открытого очага в виде вымостки из мелких камней площадью 1,2×1,6 м. Подобный очаг меньшего размера находился и к востоку от помещения 3. Кладки всех этих четырех построек были сложены из небольших камней по два ряда в ширину и по одному в высоту. Крупные камни по одному в ряд составляли основание постройки 2 и северной стены постройки 4.

В 4 м к северу от построек 3 и 4 открыто самое большое на данном участке сооружение 5, состоящее из трех помещений: западного прямоугольного

(43 м<sup>2</sup>) и двух узких камер, примыкавших к нему с севера и востока в виде коридоров, ширина которых 2,8 м, а длина соответственно 10 и 6 м. Перед постройкой западного помещения проведена нивелировка местности. В результате основание северной стены оказалось углубленным в лесс на 0,7 м, а южной — на 0,3 м. Кладка северной стены, сложенная из крупных плит (0,7 м×1,2 м), сохранилась в высоту до 0,6 м, развалы же позволяют установить, что каменные основания стен поднимались не менее чем на 0,8 м. Узкие помещения с севера и востока, очевидно, были пристроены позже. Основание восточной стены было сложено из небольших камней. С большим помещением обе пристройки не соединялись. Каждое из помещений имело самостоятельный вход. Снаружи у западной стены находились остатки каменного очага в виде скопления камней, угля и золы размером 0,8×1,2 м. Вблизи от очага оказались развалы камней, возможно, от небольшой пристройки, защищающей очаг от непогоды.

Глинобитный пол со следами песчано-кратной подмазки хорошо сохранился в северном помещении, в других — только в отдельных местах у стен.

Это сооружение является не только самым большим, но и самым богатым. В нем сосредоточены основные находки бронзовых изделий: шило, две обоюдоострые пластинки, кинжальчик и булавка — пять предметов из бронзы, что составляет больше половины всех металлических находок на поселении. Эти одно- и трехкамерные постройки, различные по размеру, планировке и, без условно, назначению, расположенные на расстоянии 3,5—4 м друг от друга, по-видимому, составляли жилые и хозяйственные комплексы. Можно предполагать, что они принадлежали родственным семьям.



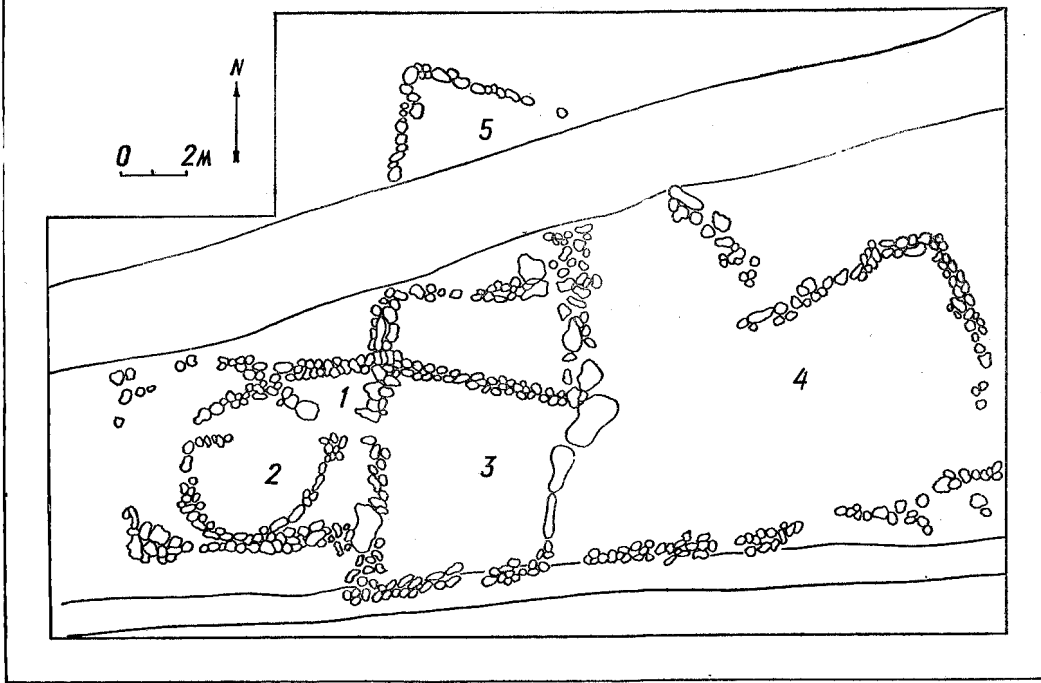


Рис. 12. Змеевка. План многокамерного сооружения на раскопе 3.

На раскопе 3 открыта многокамерная постройка общей площадью 170 м<sup>2</sup>. Она перекрывала более раннее прямоугольное помещение (5) и состояла из трех основных, примыкающих друг к другу: западного — прямоугольного, вытянутого с востока на запад (32 м<sup>2</sup>), центрального, также прямоугольного, вытянутого с юга на север (38,4 м<sup>2</sup>), и большого восточного помещения неправильной формы (площадью около 100 м<sup>2</sup>) (рис. 12).

Особый интерес представляет устройство первого помещения. Основания стен его были сооружены из небольших камней ракушечника, положенных планши по два-три в ширину, по два в высоту. Внутри этой прямоугольной камеры обнаружены основания круглого помещения 2 диаметром около 4 м.

В кладке круглого помещения, состоящей в основном из камней, поставленных на ребро, с западной и восточной сторон имеются проходы, расположенные как раз против дверных проемов в помещении 1. Ширина их такая же, как и дверного проема в кладке между помещениями 1 и 3, — 0,6 м.

Центральное помещение (3) перекрывало южную часть более древней однокамерной постройки 5. Вход с улицы размещался посередине торцевой южной стены. Восточная стена, общая с помещением 4, была сложена из больших каменных блоков, поставленных на ребро. Помещение 4 по форме приближалось к трапеции с выступом с северо-запада. Вероятнее всего, оно разделялось внутренними перегородками на меньшие помещения.

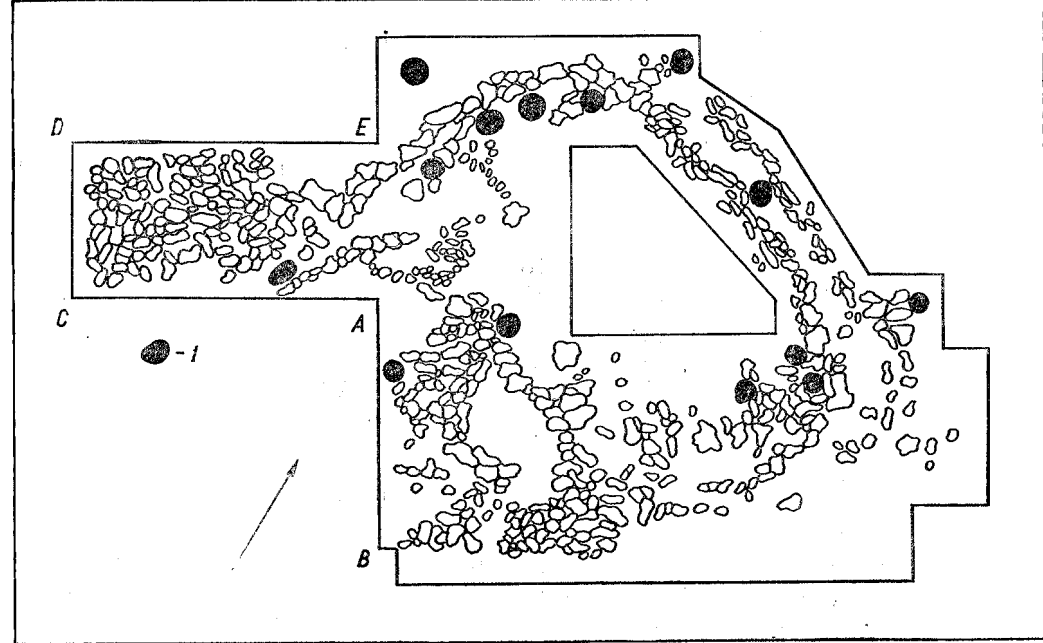


Рис. 13. План сооружения на о-ве Дубовый:

1 — остатки сгоревших столбов.

Таким образом, это сооружение от других многокамерных построек, отличается наличием непонятного, круглого в плане сооружения, размещенного внутри прямоугольного. Кроме того, внутри этих помещений не оказалось очагов и печей. Посуды здесь обнаружено сравнительно мало — это в основном обломки цилиндрических кубков и жаровен при незначительном количестве кухонных горшков. В целом эти материалы не намного древнее находок из основного поселения.

Остатки трех многокамерных сооружений обнаружены в 1931 г. на о-ве Дубовый<sup>30</sup>. На месте одного из них экспедиция Днепростроя и заложила раскоп. На вскрытой площади 220 м<sup>2</sup> оказались два помещения — большое, приближа-

ющееся в плане к прямоугольному с закругленными углами, размером примерно 100 м<sup>2</sup> (8×13 м), и примыкающая к нему пристройка — 15 м<sup>2</sup>. Система кладок стен этих помещений разная. Основание северо-западной стены первого помещения сложено из одного ряда крупных камней (диаметром 0,5—1 м), северо-восточная и юго-восточная стены представляли собой сложную конструкцию из двух параллельных рядов кладок, расположенных на расстоянии 1 м друг от друга и, очевидно, глиняной забутовки между ними, только торцовые стены пристройки, судя по развалам, были сложены из камня на всю высоту. Внутри большого помещения прослежены скопления обожженной глины, золы, камней со следами огня. Четыре из них располагались под северо-западной стеной, три — у противоположной торцевой стороны. Юго-

<sup>30</sup> Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК/Дн., № 128.

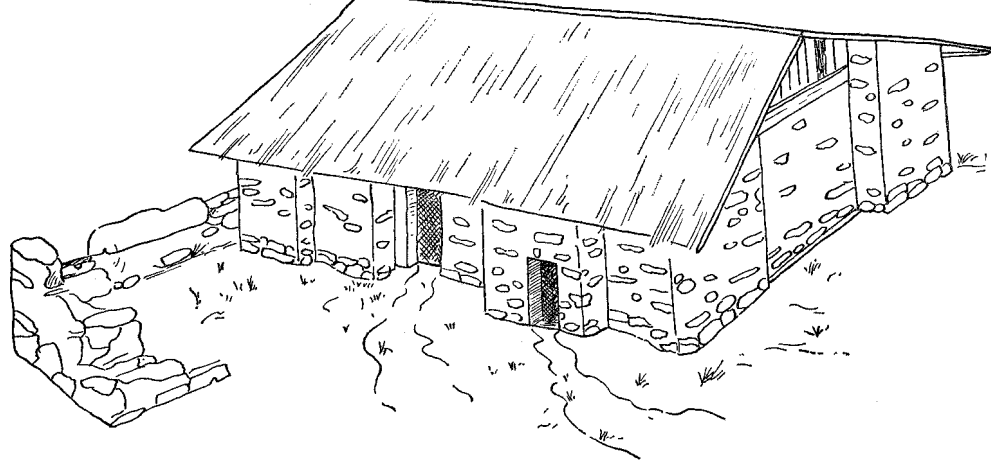


Рис. 14. Реконструкция жилища, раскопанного на о-ве Дубовый.

три таких пятна оказались на линии, долейшей помещение поперек на две почти равные части, причем одно из них приходилось на внешний угол пристройки, второе — у юго-западной стены (внутри большого помещения), третье — между двумя кладками северо-восточной стены (рис. 13). Такое расположение этих скоплений позволяет видеть в них остатки сторевших столбов, поддерживающих двускатную кровлю (рис. 14).

У юго-западного угла этого помещения расчищена прямоугольная каменная вымостка (4,7×3,3 м), перекрывающая скорченное погребение с баночным сосудом. По всей вероятности, вскрыта только какая-то часть сложного комплекса напоминающего постройки у с. Вовниг и на о-ве Хортица.

В раскопе собраны фрагменты примерно 40 сосудов, большинство которых составляют неорнаментированные горшки с высокой шейкой. В орнаменте преобладают прочерченные елочки, треугольнички, продолговато-овальные насочки, есть валик со спускающимся концом. Собраны также обломки крышечек и жаровен, фрагмент низкого куб-

ка. Все это позволяет относить поселение на о-ве Дубовый ко времени Ушкалка II и Бабино IV.

Наряду с наземными жилищами с каменными основаниями стен на белозерском этапе продолжают бытовать и полуземляночные жилища. Одно такое жилище открыто в верхнем слое Ушкалки (Ушкалка II)<sup>31</sup>. Это большое прямоугольное помещение размером 8×12 м, вытянутое по длинной оси с юга на север, углубленное на 0,5 м ниже верхнего слоя. На полу, почти по центру жилища находились остатки двух очагов. Один размещался в южной половине помещения и представлял собой развал мелких камней, занимавших площадь около 2 м.

Второй очаг в виде овальной обожженной площадки меньшего размера находился в 3 м от первого в северной половине жилища. Здесь же была сосредоточена и кухонная посуда (рис. 4, V).

Остатки такого же полуземляночного жилища исследованы на поселении Ба-

<sup>31</sup> Телегин Д. Я. Питание відносної хронології..., с. 9.

бино IV<sup>32</sup>. В. А. Ильинская установила, что это была неправильной четырехугольной формы полуземлянка площадью не менее 40 м<sup>2</sup>, углубленная на 0,6 м от древней поверхности. В юго-восточной части ее на полу обнаружены два очага в виде выложенных из небольших камней вымосток неправильной формы, 1—1,2 м в диаметре. К этому жилищу примыкало небольшое наземное хозяйственное помещение, от которого сохранилась площадка с двумя хозяйственными ямами.

Две частично разрушенные полуземлянки открыты в 1951 г. Г. П. Гроздиловым на поселении около хут. Шевченко у с. Нижний Рогачик. Керамический материал из раскопок очень близок к материалу Бабино IV и Ушкалка II<sup>33</sup>.

У с. Диброва в Надпорожье А. П. Савчук исследовал прямоугольное жилище (9×12 м), углубленное на 0,8—1 м ниже древней поверхности. Стены котлована были обложены камнями. С двух сторон к этому помещению примыкали развалы камней, по-видимому, от небольших пристроек<sup>34</sup>.

Среди исследованных в Поднепровье жилищ по устройству и размерам особо выделяется полуземлянка, открытая О. А. Кривцовой-Граковой на известном Белозерском поселении в с. Каменка-Днепровская Запорожской обл.<sup>35</sup> Это большое, углубленное на 0,5—0,7 м от

<sup>32</sup> Ильинская В. А. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 5, с. 19—22.

<sup>33</sup> Гроздилов Г. П. Археологические работы в окрестности поселка им. Шевченко на Днепре в 1951 г.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 1525, с. 3—9.

<sup>34</sup> Савчук А. П. Раскопки курганов около г. Солонее и поселения эпохи поздней бронзы около с. Диброва в 1953 г.— ИА АН УССР, ф. э. № 4418, с. 15. Материал из раскопок, к сожалению, утерян, и поэтому поселение отнесено к данной группе условно.

<sup>35</sup> Кривцова-Гракова О. А. Поселение бронзового века на Белозерском лимане, с. 76—79.

древней поверхности помещение площадью 200 м<sup>2</sup>. Ширина его составляет 11 м, длина не менее 20 м. По длинной оси оно вытянуто с северо-запада на юго-восток параллельно берегу лимана. К сожалению, это жилище исследовано не полностью, так как находилось на площади современной усадьбы. В открытой части жилища О. А. Кривцовой-Граковой удалось обнаружить развалы широких земляных уступов в виде нар, расположенных у продольных стен, а также остатки трех каменных очагов, размещавшихся в южной части жилища. Один из них находился на краю уступа под юго-западной стеной. Лучшее других сохранился небольшой очаг, устроенный на небольшом возвышении, где вокруг овального камня (30×22 см) были положены десять меньших камней.

В целом это жилище по размерам и устройству земляных нар и стен можно сравнить с большими полуземлянками срубной культуры, известными по раскопкам хут. Ляпичев на Дону, Сусканского поселения в Среднем Поволжье, Максютковского и Успенского поселений в Нижнем Поволжье<sup>36</sup> и др.

Углубленные жилища зафиксированы А. В. Бодянским близ с. Красногирьевка, г. Васильевка, г. Каховка и др. К сожалению, раскопки этих жилищ не производились, отмечены лишь их размеры по линии размыва. Примерная ширина составляет 6—8 м, а длина самого большого из них у с. Красногирьевка 15 м<sup>37</sup>. В жилищах прослежены земляные уступы. Одна из полузем-

<sup>36</sup> Грязнов М. П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону.— КСИИМК, 1953, вып. 50, с. 137—144; Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 1958, № 61, с. 108—117; Синицын И. Н. Поселения эпохи бронзы степных районов Зап. Поволжья.— СА, 1949, № 41, с. 198, 200, рис. 4, 15.

<sup>37</sup> Бодянский О. В. Щоденник археологічних оглядів Каховського моря в 1957 р.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 3114, с. 128.

линок на поселении Васильевка 2 (Васильевского р-на Запорожской обл.), по-видимому, была разделена на две комнаты. В более углубленной, ширина которой 3 м, пол находился на глубине 1,65 м от современной поверхности, а в соседней, ширина которой 4 м, — на глубине 1,4 м. Подобные жилища, состоящие из двух помещений с разным уровнем пола, известны на поселении восточно-тишинецкой культуры в Пустынке на Черниговщине<sup>38</sup>.

В заключение необходимо отметить, что большинство из открытых жилищ лишь в незначительной степени были углублены ниже древнего горизонта — от 0,4 до 0,5 м, реже встречались жилища, углубленные в лесс на 0,6—0,8 м. Во всех случаях стены жилищ должны были подниматься над землей по меньшей мере на  $\frac{2}{3}$  или  $\frac{3}{4}$  своей высоты. Иными словами, к этим строениям больше подходит термин полужемлянка или слегка углубленная жилища. Чаще всего основания стен в наземных жилищах, а иногда и в углубленных состояли из одного-двух рядов камней. Предельная высота сохранившихся кладок 3-4 ряда при общей высоте до 0,6 м. Размеры завалов почти всегда незначительны, что свидетельствует о том, что обычно только основания стен были сложены из камня. По-видимому, редким исключением были стены, сложенные из камня на всю высоту. Таковы торцовые стены небольшой пристройки на о-ве Дубовом, а также некоторых помещений в Вовнигах. Подтверждением существования стен, сложенных из камня на всю высоту, могут служить раскопки поселения поздней бронзы у с. Анатолевка на Тилигульском лимане, где в одном из помещений сохранилась стена высотой 0,95 м и значительные развалы от верхней части<sup>39</sup>.

<sup>38</sup> Березанская С. С. Пустынка — поселение эпохи бронзы на Днепре. К., 1974, с. 22—42.

<sup>39</sup> Позаребова Н. Н., Елазина Н. Г. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 г., с. 8.

Для строительства обычно использовали местные породы известняка, песчаника, гранита и др. Плиты обрабатывали грубо, не придавая камням правильной формы и не подгоняя их друг к другу. В большинстве исследованных сооружений основания стен сложены из камней разной формы и размера, чаще положенных плашмя, реже поставленных на торец. В качестве связующего материала применяли растворы местных глин, лесса. Эта так называемая кладка на грязи в Поднепровье была известна уже племенам древнейшей культуры, например строителям Михайловского поселения<sup>40</sup>.

Из особенностей строительной техники поздней бронзы следует отметить кладку оснований стен из двух рядов панцирей, при этом внешний ряд находится несколько выше и на расстоянии 0,3—1,5 м от внутреннего. Внутренняя кладка начиналась от пола жилища, внешняя — чаще от уровня древней поверхности. Пространство между параллельными кладками, по-видимому, заполняли глинобитно-деревянные конструкции. Такая же техника в виде двух панцирей с забутовкой глиной и камнем выявлена на сабашиновских поселениях к западу от Днепра (Леонидовка, Анатолевка, Степовое и др.)<sup>41</sup>. Подобного рода кладки, но менее фундаментальные, обнаружены В. Д. Рыбаловой в позднем слое поселения культуры многоваликовой керамики у с. Каменка близ Керчи<sup>42</sup>. В более позднее время подобные кладки встречены на поселении первых веков нашей эры у

<sup>40</sup> Лагодковская О. Ф., Шапошнікова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. К., 1962, с. 50, 61.

<sup>41</sup> Позаребова Н. Н., Коштрацкий Л. В. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского р-на Николаевской обл.—КСИИМК, 1960, вып. 78, с. 76—79.

<sup>42</sup> Рыбалова В. Д. Указ. соч., с. 31—32.

с. Золотая Балка, ниже Николая<sup>43</sup> и др. На каменных основаниях сооружали саманные, реже деревянные или глинобитно-деревянные стены. В плавнях Днепра, по балкам и долинам рек, впадающих в Днепр, еще до недавнего времени сохранялись леса и дубравы, что нашло отражение и в топонимике (о-в Дубовый, с. Диброва)<sup>44</sup>.

В период поздней бронзы, как считают многие исследователи, климат мало отличался от современного, и лесов по долинам, и плавней было достаточно<sup>45</sup>.

Косвенным доказательством использования дерева в быту может служить и богатый ассортимент бронзовых орудий труда и инструментов, предназначенных для обработки дерева: вислобушные топоры, различных типов колыты, тесла, долота, которые являются массовыми находками на территории Северного Причерноморья вообще и Поднепровья в частности.

Наличие на этой территории небольшого количества погребений в срубах\* также свидетельствует об умении обрабатывать дерево и применять его при строительстве жилищ.

Применение дерева хорошо прослежено при раскопках жилищ белогрудовской культуры. В частности, на погибшем от пожара поселении у с. Большая Андрусовка, расположенном на границе с сабашиновскими племенами, удалось проследить даже некоторые детали домостроительной техники. В одном из жилищ сохранились не только обгоревшие колоды сруба, но и широкая доска от облицовки стены изнут-

<sup>43</sup> Вязьмігіна М. І. Золота Балка. К., 1962, с. 98, 105—112.

<sup>44</sup> Яворницький Д. І. Дніпрові пороги. Харків, 1928.

<sup>45</sup> Вучинский И. К. Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. К., 1963, с. 44—59.

\* См. следующую главу.

ри<sup>46</sup>. Деревянная обшивка стен землянки прослежена и на Тясьминском городище чернолесского времени, следы деревянных стен обнаружены и в субботовских землянках<sup>47</sup>.

Все эти факты позволяют предполагать, что и в Степной Украине, особенно по близости от плавней, богатых деревом, при постройке жилищ применялось дерево. При этом сооружения могли быть как чисто деревянными, так и деревянными на каменных фундаментах или с каменными основаниями.

Однако, по-видимому, значительно чаще стены сооружали из сырцового кирпича в виде вальков из глины с примесью соломы или навоза — материала, доступного и широко применяемого в строительстве со времени неолита до настоящего времени от Ближнего Востока до Балкан<sup>48</sup>. В Северо-Западном Причерноморье высокого уровня строительства глинобитных построек достигло еще трипольское население<sup>49</sup>. На Нижнем Днепре, в Михайловском поселении ямной культуры, по крайней мере, часть построек была саманной или из тростника, обмазанного глиной.

Большие развалы глинобитных стен открыты на поселении многоваликовой культуры Бабино III. В ряде случаев на месте построек, погибших в древности от пожаров, сохранились только мелкие углы. Возможно, что это остатки стен или кровли, плетеной из хвороста или лозы, которые обмазывались глиной. Куски такой обмазки найдены в жилище 1 в Чикаловке. Постройки на деревянном каркасе с плетеными стенами,

<sup>46</sup> Покровська Г. Ф., Петровська С. О. Поселення біля с. Велика Андрусішка. Археологія, 1961, т. 13, с. 132—135.

<sup>47</sup> Тереножкин А. И. Предскифский период., с. 37—38 и сл.

<sup>48</sup> Всеобщая история архитектуры М., 1944, т. 1, с. 25 и сл.

<sup>49</sup> Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений.—МИА, 1949, № 10.

обмазанными глиной, были обычными у племен культуры Ноа<sup>50</sup>. Для прочности глинобитных стен в нескольких случаях (Змеевка, Чикаловка) применяли щебень и небольшие камни диаметром до 10—15 см. По завалам глиняных блоков высота стен наземного жилища на поселении Бабино III была определена А. В. Добровольским приблизительно в 2 м. Во время раскопок жилищ в Пустынке С. С. Березанской удалось установить, что высота столбов, служивших основой для стен и крыш, составляла 2—2,5 м. Можно полагать, что высота стен жилых построек у степных племен Украины также равнялась примерно 2—2,5 м.

Дверные проемы, прослеженные в сохранившихся кладках стен, составляли 0,8 иногда 0,6 м\*. Пол в наземных и углубленных жилищах обычно был земляным, хорошо утрамбованным. В отдельных случаях заметно понижение пола к центру, что, очевидно, было результатом продолжительного использования жилища. Иногда прослеживаются следы подправки и подсыпки пола, изредка — подсыпка, связанная с нивелировкой склона перед строительством. Применялась и обмазка пола глипой (Волошское, Ушкалка), а в жилище 2 Чикаловского поселения заметны следы обжига пола, предварительно неоднократно покрытого жидкой глиной.

Внутри большинства исследованных жилищ сохранились остатки очагов, а иногда и купольных печей. В небольших одиночных жилищах, как правило, очаг располагался в центре или вблизи от центра. В больших сооружениях (Ушкалка и Чикаловка) обычно было по два-три очага различных конструкций.

<sup>50</sup> Балагурі Є. А. Історія племен пізньобронзової доби Середнього Подністров'я, с. 41.

\* Это ширина дверей в подсобных помещениях современных городских квартир.

Расположение их в жилище различно: в Ушкалке очаг и печь находились рядом по длинной оси помещения, почти в центре. В других случаях, жилище 5 в Чикаловке, очаг находился в центре, а печь — у стены, а между ними обнаружены еще слабо прокаленные очажные пятна (Чикаловка, жилище 4). Остатки каменного очага обнаружены в углу помещения 7 на раскопе 1 в Змеевке.

Известны различные виды открытых очагов. Часто это небольшие скопления камней, положенных на уровне пола или в небольшом углублении (очаг диаметром 40—45 см в жилище 1 в Чикаловке, сложенный на полу из нескольких небольших камней).

В других случаях очаг имел вид округлой или овальной в плане каменной вымостки диаметром 1—1,2 м (Бабино IV). Для вымостки основания очага применялись и глиняные вальки. Так, в жилище 2 в Чикаловке чуть поднятая над уровнем пола вымостка очага диаметром около 0,5 м сложена из сильно ошлакованных глиняных вальков. Там же в жилище 3 на уровне пола сохранился глиняный прокаленный (докрасна на глубину 10 см) под очага диаметром 0,6—0,7 м с ровной и хорошо заглаженной поверхностью. В разрезе наблюдаются следы его неоднократной починки. Подобный глиняный прокаленный под, но только овальной формы и несколько большего размера, обнаружен в жилище 4.

В жилище 1 нижнего слоя Ушкалки в небольшом углублении размещался открытый очаг, вокруг которого отмечено около 20 ямок. Очевидно, это следы кольев, с помощью которых поддерживалась перекидывающаяся для подвешивания сосуда. В этом же жилище исследована и печь (рис. 15, 2), от которой сохранился ровно заглаженный под диаметром 1 м, углубленный на 0,25 м ниже уровня пола, и обвалившийся купол, сложенный из известнякового кам-

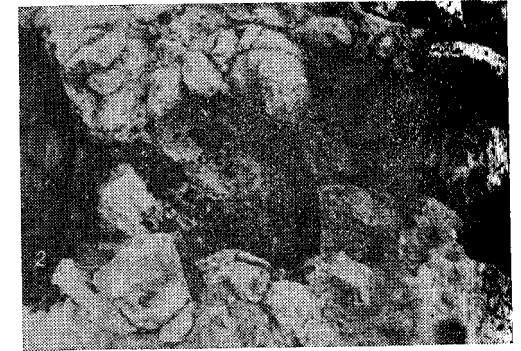
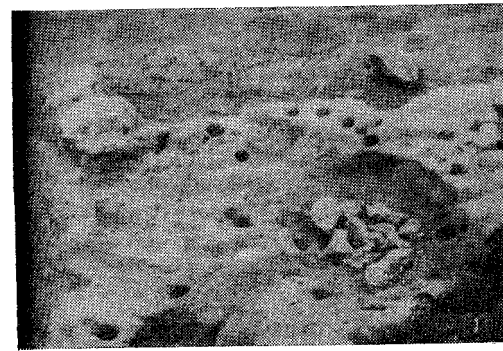


Рис. 15. Поселение Ушкалка I. Остатки очага (1) и печи (2) в жилище 1.

ня<sup>51</sup>. Подобные печи с каменным куполом зафиксированы А. В. Бодянским у с. Михайловка (уроч. Криница). Развалы купольных печей обнаружены также в жилищах 4 и 5 Чикаловского поселения<sup>52</sup>. Здесь в одном случае на площади 2,2×1,3 м, в другом на площади 2,8×1 м обнаружено скопление глиняных вальков, являющееся, вероятно, обвалившимся сводом печи. К сожалению, никаких деталей, касающихся его устройства, проследить не удалось. Создается впечатление, что обеими печами пользовались недолго, так как под не успел сильно прокалиться.

Для поздней бронзы купольные печи довольно обычны. Так, они открыты на поселении в с. Тудорово на Нижнем Днестре. В отличие от чикаловских здесь печи размещались в круглых ямах диаметром около 1 м и глубиной 0,45 м от уровня пола. А. И. Мелюкова полагает, «что у печи были стенки с заслонками и купол, сделанный отдельно и надевавшийся сверху»<sup>53</sup>. Печи со сводами известны и на синхронных с сабашиновскими поселениях соседней культуры Ноа, в частности на

<sup>51</sup> Телегин Д. Я. Указ. соч., с. 4.

<sup>52</sup> Шарафутдинова И. М. Поселения эпохи поздней бронзы..., с. 155—159.

<sup>53</sup> Мелюкова А. И. Работы в Поднестровье в 1958 г.—КСИА АН СССР, 1961, вып. 84, с. 118.

поселениях Островец<sup>54</sup> и Магала<sup>55</sup>, на поселении восточно-тшинцевкой культуры у с. Пустынка на Десне<sup>56</sup>. Купольные печи, по-видимому, являются одной из характерных черт долговременных поселений на территории Украины. Они хорошо известны уже в трипольских памятниках, в частности по глиняным моделькам жилищ, происходящих из Сушковки, Попудни, Чикиркозовки<sup>57</sup> и др. Развалы глинобитной купольной печи обнаружены в Михайловском поселении ямной культуры<sup>58</sup>. Таким образом, печи со сводами на правобережье степной и лесостепной Украины имеют древние традиции.

Печь не только согревала и кормила обитателей древнего жилища, но, видимо, еще и служила местом культа. Так, в нескольких случаях (Ушкалка, Чикаловка) под очагами и печами оказывались зарытые глиняные изделия, так

<sup>54</sup> Балагурі Є. А. Поселення культури Ноа біля с. Островець..., с. 137—138.

<sup>55</sup> Смирнова Г. И. Поселения позднебронзового века и раннего железа возле с. Магалы Черновицкой обл.—КСИИМК, 1957, вып. 70, с. 100; Смирнова Г. И. Поселение Магала, с. 13.

<sup>56</sup> Березанская С. С. Указ. соч., с. 61—62.

<sup>57</sup> Пассек Т. С. Указ. соч., рис. 50, 4; Мюшша Т. Г. О некоторых моделях жилищ трипольской культуры.—КС ОГАМ 1962 г. Одесса, 1964, с. 96, рис. 2.

<sup>58</sup> Лагодовська О. Ф., Шапошнікова О. Г., Макаревич М. Л. Указ. соч., с. 41.

называемые «хлебцы», фигурки животных, глиняные шарики, в состав которых кроме глины входила примесь травы и, возможно, муки. При этом такие находки бывают сосредоточены только под одним очагом или под печью, хотя в данном жилище очагов может быть и несколько<sup>59</sup>. По-видимому, их закапывали под очагом, в котором впервые зажигался огонь в новом доме и которому приносили дары и жертвы для обеспечения благополучия обитателей дома<sup>60</sup>. Из письменных источников известно, что древние греки поклонялись богине очага Гестии, а латиняне — Весте, которой в дар приносили коржики. О культе огня, о почитании очага древними римлянами поэт Овидий пишет: «Пламени место — очаг, он горит, и отсюда и имя. В древних домах вперёд строился всюду очаг. Слово отсюда у нас «вестибюль». Коль молимся Весте «Первое место тебе», мы ей тогда говорим»<sup>61</sup>.

Вместе с тем известно немало сооружений, где не отмечено никаких следов очагов и печей. Если в одних случаях это можно объяснить причинами плохой сохранности памятников или недостатками полевого исследования, то в других помещениях их, по-видимому, просто не существовало. В частности, не обнаружены они в сооружениях Змеевского поселения, за исключением одного помещения. Однако почти во всех случаях оказались хорошо заметные камешные вымостки со следами огня, расположенные вне помещений, поблизости от входа. Причины отсутствия очагов не всегда ясны. Одни помещения, видимо, были явно нежилыми, в других их могли заменять переносные жаровни.

Довольно часто в жилищах удается проследить ямы различного размера и назначения. По-видимому, одни из них — предочажные, другие — типа погребов, предназначенные для хранения продуктов.

В одном из помещений на о-ве Хортица в углу и около стены были отгорожены небольшие отсеки или ящики. Подобные ящики-хранилища открыты в нескольких жилищах культуры многовалковой керамики в Каменке. В Поднепровье эта деталь внутренней планировки сохраняется в памятниках скифского и сарматского времени — Знаменское и Гавриловское городища, Золотая Балка<sup>62</sup> и др. Показательно, что в одной из загоронок Гавриловского городища найдено несколько зерен пшеницы, а в Каменке рядом с таким ящиком сохранились обломок зернотерки и курант, что свидетельствует, в частности, об использовании подобных загоронок для хранения зерна.

Под полом и стенами жилищ иногда встречаются скелеты или черепа жертвенных животных: в Вовнигах — череп собаки, а в Змеевке под одной из стен на раскопе 1 — череп быка. Обычай совершать жертвоприношения перед закладкой жилищ был достаточно широко распространен в эпоху бронзы и раннего железа<sup>63</sup>. Встречаются на поселениях и погребения людей, о чем говорится в следующей главе.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод о высокой и разнообразной технике домостроительства у приднепровских племен от середины II тысячелетия до н. э. Характерное для Надпорожья и Нижнего Поднепровья домостроительство с широким использованием камня, многокамерность построек

сохраняют древние местные традиции, идущие от энеолита и культуры многовалковой керамики и достигающие особого расцвета в эпоху поздней бронзы.

По планировке, технике строительства эти сооружения находят полное соответствие прежде всего в степных памятниках сабатиновской культуры Северо-Западного Причерноморья (Анатольевко, Пересадовка, Степовом, Новорозаповке, Черевичном 3, Викторовке и других) и в памятниках эпохи поздней бронзы Восточного Крыма — Кирино, Сазоновка и др. На территории, примыкающей к Лесостепи, поселения типа Чикаловка по планировке и по глинобитно-деревянному конструкциям жилищ близки к собственно Сабатиновскому поселению.

Большие землянки типа Белозерского поселения можно сравнить с соответствующими жилищами срубной культуры (хут. Ляпичев, Сусканское поселение). Они отражают строительные особенности той части срубного поселения, которое переместилось к Днепру. Все это свидетельствует о разных культурных и этнических компонентах, участвовавших в формировании населения и культуры Степного Поднепровья в поздний период бронзового века.

В заключение попытаемся определить количество жилищ и примерную численность населения на некоторых поселениях. Выше уже отмечалось, что поселения различаются по площади, размерам жилищ и густоте застройки. При этом учитываются только одновременные сооружения. Такими являются три жилища (общей площадью около 90 м<sup>2</sup>), открытые в Ушкалке I. Поселение у с. Чикаловка состояло из 22 одновременно сгоревших жилищ. Площадь исследованных здесь построек колеблется от 36 до 78 м<sup>2</sup>. Вся жилая площадь этого поселения приближалась, вероятно, к 1200 м<sup>2</sup>.

В Змеевке на двух раскопах общей площадью 1600 м<sup>2</sup>, что составляет лишь 1/25 часть всей площади поселения обнаружено 13 одно-, двух- и трехкамерных помещений различного характера и назначения. Следовательно, на всей площади Змеевского поселения при условии одинаковой плотности застройки его могло разместиться 300—320 подобных сооружений. Размеры поселения и в известной мере фундаментальность построек позволяют предполагать значительную продолжительность существования поселения в целом. В то же время сравнительно небольшая насыщенность культурного слоя находками, по крайней мере в исследованной части, свидетельствует относительно недолгой временной жизни на месте каждой постройки. Жилища с глинобитными, вальвовыми и саманными стенами вряд ли существовали более 50—70 лет, а легкие хозяйственные постройки — значительно меньше. Поскольку весь белозерский период датируется XI—IX вв. до н. э., можно допустить, что Змеевское поселение было обитаемо около двух веков, так как оно предшествует таким поселениям, как Деревка, Каховка, которые можно отнести к X—IX вв. до н. э. Очевидно, за время существования поселения жилые постройки на нем сменились не менее трех-четырёх раз, а легкие вспомогательные и того больше. При этом иногда перестраивались старые, но чаще, видимо, новые жилища сооружали на новом месте, чему способствовал достаточно широкий участок террасы, занятой поселением. В результате поселение росло вширь без накопления значительного культурного слоя. Одновременно здесь, по-видимому, могло существовать около 60 построек, включая и хозяйственные. Средняя площадь построек на Змеевском поселении составляла около 33 м<sup>2</sup>. Общая площадь одновременных сооружений исчислялась примерно 1800 м<sup>2</sup>.

<sup>59</sup> Телегин Д. Я. Указ. соч., с. 4; Шарафутдинова Г. М. Указ. соч., с. 165—166.

<sup>60</sup> Шрамко Б. А. Следы земледельческой культуры у лесостепных племен Причерноморья. — СА, 1957, № 1, с. 197.

<sup>61</sup> Овидий. Фасты, VI, с. 299—304.

<sup>62</sup> Рыбалова В. Д. Указ. соч., с. 31, рис. 7; Погребова Н. Н. Позднескифское городище на Нижнем Днепре. — МИА, 1958, № 64, с. 112, рис. 4; с. 194 и 195, рис. 38. Вязьмитина М. И. Указ. соч., с. 86, 88, рис. 47.

<sup>63</sup> Березанская С. С. Указ. соч., с. 99—101.

Если исходить из принятых в археологической литературе расчетов, по которым в эпоху энеолита и бронзы в степной и лесостепной зонах на одного человека приходилось в среднем по 3 м<sup>2</sup> жилой площади<sup>64</sup>, то соответственно в трех жилищах Ушкалки могло обитать около 30 человек. В то же время на таком поселении, как Чикаловка, где в каждом жилище могло разместиться от 6 до 25 человек, население составляло не менее 250 и не более 400 человек. На Змеевском поселении жило, видимо, 500—600 человек.

Для сравнения укажем, на поселении хут. Ляпичев в десяти больших жилищах, по мнению М. П. Грязнова, могло размещаться 100—200 человек. В Среднем Поволжье на срубных поселениях, как установлено А. Х. Халиковым, число жителей составляло не менее 200 человек, что равнялось численности средней родовой группы срубной культурной общности. На крупных поселениях приказанской культуры конца

II тысячелетия до н. э., по расчетам того же автора, обитало 300—500 человек<sup>66</sup>. Население Пустынки, по определению С. С. Березанской, составляло 200—250 человек<sup>67</sup>.

К. В. Сальников пишет, что поселение андроновской культуры, состоящее из 10—20 жилищ, представляло собой поселок рода или крупной его части<sup>68</sup>. По определению Е. Е. Кузьминой, большое андроновское жилище занимала одна семья численностью от 25 до 50 человек<sup>69</sup>. По подсчетам М. А. Итиной, большая семья Тазабагьябских поселений состояла из 35—50 человек<sup>70</sup>.

Таким образом, количество жителей на исследованных поселениях Поднепровья в конце II — начале I тысячелетия до н. э., судя по размерам построек, колеблется от 30 до 500—600 человек. Можно предполагать, что небольшие поселки, как и многокамерные жилища и гнезда построек на больших поселениях, были заселены большими семьями.

<sup>64</sup> Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 345.

<sup>65</sup> Грязнов М. П. Указ. соч., с. 146.

<sup>66</sup> Халиков А. Х. Указ. соч., с. 358—361.

<sup>67</sup> Березанская С. С. Указ. соч., с. 149.

<sup>68</sup> Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 248.

<sup>69</sup> Кузьмина Е. Е. О некоторых вопросах андроновской демографии. — Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук, 1974, № 6, с. 105—107.

<sup>70</sup> Итина М. А. История степных племен Южного Приуралья. М., 1977, с. 209.

## МОГИЛЬНИКИ И ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЙ

На территории Степной Поднепровья собрано примерно 600 погребений периода поздней бронзы, хотя раскопано в несколько раз больше (не считая тех, которые были разрушены глубокой вспашкой, случайными работами и т. п.). По типу могильников эти погребения делятся на погребения в курганах и плоских могильниках. Небольшую группу составляют погребения на поселениях.

*Погребения в курганах.* На протяжении степной части Поднепровья вдоль обоих берегов еще в конце прошлого века возвышалось множество курганов, в настоящее время значительно разрушенных, а в ряде случаев и совсем уничтоженных. Основой для настоящего раздела послужили исследованные в 1927—1931 гг. могильники Подпорожья — это десять курганных групп и закладов на правом и левом берегах Днепра близ с. Кичкас, семь могильников у с. Привольное, несколько курганных групп вдоль балки Вольная (большинство их раскопано Вильянской экспедицией в 1968 и 1969 гг.). К югу от Запорожья — это курганные группы у г. Никополь, в устье Базавлука, Подпольной (у Марьяновского, Кута и др.), на левом берегу — у Первомасвки, и также могильники в уроч. Солоха у с. Великая Знаменка (1961 г.), у пос. Днепрорудный (1963 г.), у Любимовки и Архангельской Слободы (1968, 1969 гг.) Запорожской обл. Новые громадные по объему материалы Каховской, Херсонской, Запорожской и других экспедиций в этом разделе публикуются по мере их кратких публикаций.

Данные дореволюционных раскопок использованы в тех случаях, когда удавалось определить культурную принадлежность погребений.

Абсолютное большинство погребений эпохи поздней бронзы составляют впускные в насыпи, возведенные еще в эпоху энеолита и ранней бронзы. Среди расположенных на плато ранних курганов

нов (часто с впускными погребениями эпохи поздней бронзы) изредка встречаются курганы эпохи поздней бронзы. В частности, в Кичкасе только один курган (8, группа 1) сооружен над погребением в срубе<sup>1</sup>. К сабатиновскому времени относятся отдельные курганы близ Вильноулановки и Вильногрушевки Запорожской обл.<sup>2</sup>; у с. Каменка Софийского р-на<sup>3</sup> и у с. Стрюковка Томаковского р-на Днепропетровской обл.<sup>4</sup>, несколько курганов в Каховском и Скадовском р-нах Херсонской обл.<sup>5</sup> и др.

Судя по данным раскопок 1961—1963 гг. в южных приморских районах Херсонской обл., курганы с основными погребениями эпохи поздней бронзы составляют значительно большую часть, чем в Приднепровской полосе (девять из 56 раскопанных курганов)<sup>6</sup>. В ряде случаев с погребениями культуры многоваликовой керамики и позднейшими связями досыпки курганов (курган 26 Кичкас, участок А; курган 2 в Вильниинской группе и др.).

<sup>1</sup> Смолічев П. Археологічні розкопки на горі Діпрельстану, в с. Кічкас Запорізької округи у вересні — жовтні 1927 р.—Збірник ДКІАМ, с. 182—183.

<sup>2</sup> Брагченко С. Н. Погребения срубной культуры.—Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье, с. 12.

<sup>3</sup> Бондарь Н. Н., Антощенко Б. А., Васильченко С. А. и др. Работы Каменской экспедиции Киевского университета.—АО 1976 г., с. 270.

<sup>4</sup> Вадюкминов Г. Л., Загребельный А. Н., Черненко Е. В. Раскопки в Томаковском районе Днепропетровской области.—АО 1973 г., с. 274; Вадюкминов Г. Л., Сытинский В. А. Раскопки курганов в Днепропетровской области.—АО 1974 г. М., 1975, с. 277.

<sup>5</sup> Ласков А. М., Кубышев А. П., Болгарик Ю. В. и др. Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1970 г.—Архив ИА АН УССР, ф. э. № 5751, с. 57—59; Черненко Е. В., Симоненко А. В. Курганный комплекс Широкого П.—КЮХ. К., 1977, с. 17, 24, 30, 33.

<sup>6</sup> Ласков А. М. Раскопки курганов на юге Херсонщины, с. 7, 15.

За последние годы, благодаря широким исследованиям в связи с орошением удаленных от больших рек безводных степей, на Левобережье обнаружены курганные группы с основными погребениями начала эпохи поздней бронзы. Это прежде всего могильники у с. Верхняя Маевка Днепропетровской обл. на водоразделе между р. Кильчень, Чаплинка и Днепр, где обнаружено несколько могильников с основными погребениями в срубах, южнее — у с. Афанасьевка близ Синельниково — раскопано четыре кургана<sup>7</sup>, у с. Балка — шесть, а на землях совхоза им. Суворова (с. Большая Белозерка) — семь курганов<sup>8</sup>. В одном случае курганный могильник начала поздней бронзы открыт на правом берегу Днепра у с. Орехово Солонянского р-на (исследованы пять курганов)<sup>9</sup>. Эти курганные группы расположены на плато, обычно состоят из трех — шести курганов, которые нередко примыкают к одиночным и группам более ранних курганов. Насыпи, как правило, невысокие — от 0,6 до 1,6 м, изредка до 4,5 м.

Известны несколько отдельных курганов белозерского времени — это много раз упоминавшиеся в литературе Широкий курган у с. Малая Лепетиха, Лукьяновский курган около Каховки. Три курганных могильника белозерского времени раскопаны на землях совхоза «Степной» в Каменско-Днепровском р-не Запорожской обл., где открыто 13 курганов, расположенных по краю плато двумя рядами под углом. Шесть из них едва заметны, не превышают

<sup>7</sup> Антощенко Б. А., Васильченко С. А., Пироро М. С. и др. Раскопки курганов у с. Афанасьевка Днепропетровской области.—АО 1976 г., с. 261.

<sup>8</sup> Бодянский В. Д., Ляшко С. Н., Отрощенко В. В. и др. Исследование первобытного отряда Запорожской экспедиции.—АО 1973 г., с. 250.

<sup>9</sup> Козловский А. А., Пустовалов С. Ж., Телегин Д. Я. и др. Раскопки курганов на Днепропетровщине.—АО 1976 г., с. 307.

0,7 м; насыпи остальных поднимаются от 0,9 до 3,2 м<sup>10</sup>. Еще шесть курганов в двух группах раскопаны И. Д. Ратнером под Каланчаком в 1962—1964 гг.\* Эти курганы размещались на сравнительно удаленных от воды участках степи, часто на водоразделах.

Несмотря на эти открытия, по-прежнему наиболее многочисленную группу составляют погребения в насыпях более ранних курганов. Они исследованы на плато и высоких коренных берегах, а также в пойме Днепра и его притоков. Часть курганов с впускными погребениями эпохи поздней бронзы находилась на низких участках поймы, что заливались каждый год (с. Марьянское), другая — только в большие разливы, как курганы у с. Первомаевка близ Верхнего Рогачика. Попутно необходимо отметить, что курганы с впускными погребениями времени поздней бронзы, расположенные в пойме и на невысоких возвышенностях надпойменных террас, наблюдались и на реках Молочная и Ингул.

Поскольку ямы рядовых впускных погребений, как правило, неглубокие, часто менее 1 м, то в процессе многократной распахки курганов сотни погребений эпохи поздней бронзы оказались уничтоженными. Вследствие этого всякие подсчеты изученных погребений относительны. Так, например, в Кичкаских курганах (раскопки 1928—1931 гг.) из общего количества учтенных погребений поздней бронзы в насыпях оказалось около 90%. На Правобережье Каховского водохранилища, где исследованы курганные могильники проводились в 50-е годы, когда насыпи были распаханы тракторами в значительно большей мере, соотношение погребений в насыпи и ниже древнего

<sup>10</sup> Отрощенко В. В. Новый курганный могильник белозерского времени.—Скифский мир. К., 1975, с. 193.

\* Не опубликованы. Материалы хранятся в Херсонском музее.

горизонта заметно изменилось в пользу более глубоких захоронений, которые составили уже 31%, а погребения в насыпи — 69% всех открытых здесь погребений поздней бронзы.

Еще меньшая разница между количеством погребений в насыпях (56%) и материке (44%) оказалась в Вильнянском могильнике, исследования которого проведены в 1968—1969 гг., когда насыпи были почти полностью уничтожены и от многих курганов остались лишь пятна.

*Грунтовые могильники.* В эпоху поздней бронзы наряду с курганным обрядом погребений в Степном Поднепровье был распространен обычай хоронить умерших в грунтовых могильниках. По наличию или отсутствию каменных сооружений над погребениями эти могильники можно объединить по формальным признакам: 1) могильники под каменными захладами, т. е. перекрытые плоскими или куполообразными вымостками из камней. К ним отнесены и отдельные погребения в ямах, перекрытые камнями, размещенные между курганами; 2) грунтовые могильники без применения камня; 3) могильники с погребениями обоих видов под захладами и просто в грунтовых ямах.

Бескурганные могильники и погребения эпохи поздней бронзы под каменными захладами еще 20 лет назад представлялись особенностью исключительно Днепровского Надпорожья, где известно более 20 местонахождений таких могильников и погребений, относящихся к поздней бронзе, включая и отдельные погребения среди курганов<sup>11</sup>. В настоящее время такие могильники исследованы и в районе Каховского водохранилища — Осокоровка<sup>12</sup>, Зо-

<sup>11</sup> Лагодовська О. Кам'яні захладки Надпорожжя, с. 159—173.

<sup>12</sup> Рибалова В. Д. Могильник эпохи бронзы в с. Осокоровка.—АП, 1960, т. 9, с. 5—13.

лота Балка<sup>13</sup>, Михайловка<sup>14</sup>, Змеевка<sup>15</sup>, Гавриловка<sup>16</sup>. По разведкам и сборам известен такой могильник у с. Любимовка<sup>17</sup>. А. М. Лесков раскопал несколько погребений в разрушившемся Васильевском могильнике, Большой грунтовой могильник белозерского времени исследовал А. В. Бодянский у с. Верхняя Хортица близ Запорожья\*.

Всего в Поднепровье известно около 40 местонахождений каменных закладов и кромлехов. При этом погребения или инвентарь позднего периода бронзы обнаружены примерно в 25 могильниках. Почти всегда погребения позднего периода бронзы, как и в курганах, являются впускными в заклады, сооруженные над погребениями энеолитического времени. В пользу мнения о вторичном использовании некоторых закладов в эпоху поздней бронзы, по-видимому, свидетельствует и размещение этих погребений не в центре заклада, а на периферии. Такое явление наблюдалось в закладе № 2 на мысе балки Таволжаная<sup>18</sup>, в могильнике у с. Осокоровка<sup>19</sup>, в закладе № 10 у Кичкаса<sup>20</sup> (могильник XV по А. Добровольскому).

<sup>13</sup> Добровольский А. В. Розкопки ділянок А і Г та могильника Золотобалківського поселення.— АП, т. 9, с. 164—165.

<sup>14</sup> Лагодовская Е. Ф. Отчет о раскопках Михайловского поселения в 1954 г.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 2770, с. 48—22.

<sup>15</sup> Бураков А. В. Указ. соч., с. 35—36.

<sup>16</sup> Сымонович Э. А. Отчет о работах на могильнике и поселении у овчарни совхоза «Приднєпровський» в 1954 г.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 2263, с. 30—33.

<sup>17</sup> Телегин Д. Я. Отчет о работе разведывательного отряда Никопольско-Гавриловской археологической экспедиции 1953 г.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 2048, с. 11—12.

\* Оба могильника не опубликованы, потому их данные нами не учитываются.

<sup>18</sup> Бодянский О. В. Щоденник археологічних дослідів на Нижньому Дніпрі та Дніпро-них порогах в 1951 р.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 1433, с. 67—71.

<sup>19</sup> Рыбалова В. Д. Указ. соч., с. 5—13.

<sup>20</sup> Смолічев П. Археологічні дослідження територію Дніпрельстану в Кичкасі 1931 р.—

Из всех исследованных бескурганых могильников только в кромлехе у с. Подпорожное (правый берег балки Осокоровка) в центре оказалось четыре скорченных погребения в отдельных ямах с керамикой срубного типа<sup>21</sup>. Под небольшими закладами, как правило, находится по одному, в больших — от одного до четырех-пяти погребений эпохи поздней бронзы, помещенных обычно в неглубокие ямы.

Всего нами собраны материалы о 76 погребениях эпохи поздней бронзы в каменных закладах (из них 49 исследованы в Надпорожье и 27 — в бассейне Каховского моря). Из этого числа 16 погребений находились в каменных ящиках. Важно отметить, что 14 из них приходится на Надпорожье, что составляет 1/3 исследованных здесь погребений в закладах.

Грунтовые могильники без применения камня составляют наименее изученную группу. Они известны по очень небольшим раскопкам в Надпорожье — это два погребения, обнаруженные П. И. Смоличевым на о. Похильный в 1928 г., открытые А. В. Бодянским могильники у Стрильчей Скелю и у парников в с. Волошское, на Игрени (Подкова) 2 и 3 и один могильник, исследованный Е. В. Махно у хут. Компанийцы южнее Кременчуга на левом берегу Днепра. В трех пунктах, из которых Игрень 8 и уроч. Дурна Скеля исследованы А. В. Добровольским, а могильник у бойни с. Волошское — А. В. Бодянским, наряду с грунтовыми могилами без каменных перекрытий обнаружено по одному каменному ящику. Их относим к группе бескурганых могильников смешанного типа. Во всех этих восьми могильниках открыто лишь 44 погребения, большинство которых

Архив ИА АН УССР, Фонд Смоличева, № 71, с. 19—21.

<sup>21</sup> Лагодовська О. Кам'яні закладки Надпорожжя, с. 161.

оказались частично или полностью разрушенными.

**Топография бескурганых могильников.** Грунтовые могильники без закладов и могильники с каменными закладами обычно располагаются на надпойменных лессовых террасах Днепра, на высоте 8—15 м над уровнем реки. Чаще всего они занимают мысы балок Гадюча у с. Привольное, Ключникова у с. Марьевка, балки Авраамова у с. Августинівка, Донская у с. Войсковое, Осокоровка близ хут. Подпорожний, мысы, образованные притоками Днепра — р. Вильнянка, а также острова на высоте надпойменных террас — Сурской, Виноградный.

Исключение составляют могильники в уроч. Круглик близ с. Федоровка, могильники у с. Михайловка и Любимовка, которые расположены на высоких участках берега и на мысах плато, возвышающихся на 26—60 м над уровнем реки. На плато находились и отдельные грунтовые могилы под каменными закладами, открытые среди курганов участка А у с. Вознесенка (теперь — Запорожье). Грунтовые могильники без камня расположены все в очень низких местах.

Таким образом, топография бескурганых могильников отчасти совпадает с погребениями в курганах, но пока они больше известны по берегам Днепра, вблизи от воды и поселений.

Для сооружения кромлехов, закладов и ящиков использовали местные породы гранита, кварцита, известняка песчаника и т. д. Форма каменных закладов различна — округлые, овальные. Некоторые из них, как заклад в балке Флашмачка, выложенные из красного и серого гранита, чередующегося с белым кварцитом, выглядят особенно живописно и свидетельствуют о том, что предназначались они для внешнего обозначения погребений. Эти сооружения, созданные еще в энеолите, четко выделялись на поверхности в течение мно-

гих столетий, что явилось одной из причин многократного использования их различными племенами и способствовало сохранению традиции возводить их вплоть до эпохи железа. Кроме «утилитарного» назначения — сохранять на мысных местах погребения предков, со племенников, сама форма кромлеха и закладов, их расположение в представлении древних, безусловно, имели свой определенный магический смысл. Часть закладов без признаков погребений, как справедливо считали Е. Ф. Лагодовская, А. В. Добровольский, являлись культовыми сооружениями.

Среди погребений позднего периода бронзы как в курганах, так и в грунтовых могильниках выделяем следующие культурно-хронологические группы погребений: культуры многоваликовой керамики; срубные; сабашиновские; белозерские. В основу выделения этих групп взят прежде всего инвентарь, который по возможности коррелируется обрядом (степень скорченности, ориентация, устройство могилы и т. п.).

При этом допускается возможность ошибки, так как, во-первых, в результате контактов вещи одной культуры могут попасть в погребения другой; во-вторых, у синхронных культур возможны заимствования и подражания; в-третьих, некоторые черты обряда и инвентарь существуют продолжительное время как этнографическая особенность.

Погребения культуры многоваликовой керамики. В настоящее время в Поднепровье довольно четко определяется группа погребений культуры многоваликовой керамики, которые впервые выделены в начале 60-х годов С. С. Березанской<sup>22</sup>, затем дополнены исследованиями С. П. Братченка, И. А. Пислария и др. Эти погребения

<sup>22</sup> Березанская С. С. О погребениях культуры многоваликовой керамики.— МАН, 1962, вып. 4, с. 1—15.



бония обнаружены в курганах и грунтовых могильниках, в том числе и под каменными вымостками. В кургане, как правило, они являются впускными и располагаются вблизи от центра, чаще в западной и южной полах. Иногда над ними совершали досыпки курганов. Единичны случаи основных погребений. В курганах обычно впущены одно-два, редко пять-шесть погребений, причем с разными погребальными сооружениями. Их сопровождали остроресберные с прямой или расширяющейся кверху шейкой и баночные сосуды, орнаментированные налепными гладкими или с ромбическими отпечатками пальцев валиками, прочерченными узорами в виде деревца и треугольников, расположенных в верхней части сосуда либо покрывающих всю поверхность. Нередко на одном сосуде применяется разная техника — налепные валики и прочерченный орнамент. Иногда валики замещаются рядами защипов. Часто характерные ромбические вмятины размещаются только по краю венчика.

По подсчетам С. Н. Братченка, на поселениях культуры многоваликовой керамики, в частности в Бабино III, половина сосудов не орнаментирована<sup>23</sup>. Безусловно, неорнаментированные сосуды сопровождали и погребения этой культуры, но поскольку они мало отличаются от срубных, то исследователи курганов обычно относят эти погребения либо к периоду поздней бронзы, либо к срубной культуре.

Из другого инвентаря в этих погребениях встречены кремневые отщепы, иногда кремневые наконечники стрел и сравнительно часто — костяные пряжки с одним или двумя отверстиями. Их до недавнего времени считали принадлежностью и даже признаком срубных

памятников в Северном Причерноморье. Только материалы последних лет позволили исследователям связать распространение здесь пряжек с культурой многоваликовой керамики. Действительно наличие уплощенной пряжки с двумя отверстиями в слое Бабино III, Каменке, находки их при таких же погребениях в подбоях, как и с посудой культуры многоваликовой керамики (Калфа, Бабенково и др.) свидетельствуют об их принадлежности к этой культуре. Ограничивать же период их существования временем культуры многоваликовой керамики, как считает В. В. Отрощенко<sup>24</sup>, не позволяют и погребения с признаками поздней бронзы, и находка такой пряжки в слое сабакинского поселения у с. Степовое на Южном Буге. Из 35 учтенных нами уцелевших погребений с пряжками восемь оказались в катакомбах и подбоях, два — в плоских могильниках, остальные впускные в курганы, в их числе в срубе и каменном ящике. По ориентации эти погребения распределяются следующим образом: десять (т. е. более 1/4) ориентированы на юго-восток, семь — на восток, шесть — на северо-восток, семь — на юг и юго-запад и всего четыре погребения — на запад и север.

Зафиксировано несколько видов погребальных сооружений культуры многоваликовой керамики: ямы с подбоями и небольшие катакомбы, прямоугольные и овальные ямы, каменные ящики и срубы. *Погребения в ямах с подбоями и в катакомбах.* В разных могильниках Поднепровья среди впускных в курганы погребений встречены погребения в типично скорченной позе, но в необычных для поздней бронзы могилах — в ямах с подбоями и в катакомбах. Два таких

<sup>24</sup> Отрощенко В. В. О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы. Ужгород, 1978, с. 34—35.

погребения открыты на юге Херсонской обл. у с. Бабенково<sup>25</sup>.

В кургане 4 (п. 6) оказалась прямоугольная яма с подбоем. Погребенный был положен на левом боку головой на восток — юго-восток. Сильно поджатые в коленях ноги образуют прямой угол с корпусом. Левая рука слегка согнута в локте, кисть ее под газом, кисть правой направлена к локтю левой. На плечевой кости левой руки стоял остроресберный сосуд с высоким венчиком в виде раструба. По краю венчика сделаны насечки, на изгибах шейки и ребра прочерчены имитирующие расчлененный валик полосы с рядом углублений между ними.

В этой же курганной группе обнаружена еще одна овальная яма с подбоем (к. 2, п. 6), в которой находилось скорченное захоронение на левом боку, ориентированное головой к юго-востоку. Кисти рук лежали у лица, левая нога — под прямым, правая — под тупым углом к корпусу. Выше колен сохранилась костяная пряжка с двумя отверстиями.

В курганной группе Солоха близ Большой Знаменки (к. 3, п. 7) в неглубокой яме с подбоем (1,3×0,8) оказалось ориентированное головой на юг скорченное на левом боку погребение с кистями рук у головы. Ноги, согнутые в коленях под острым углом, образовывали прямой угол с корпусом. Между бедренными костями найдена овальная костяная пряжка<sup>26</sup>.

Абсолютно такое же погребение раскопано на р. Вильнянка у с. Вольная Грушевка (к. 2, п. 5). Только пряжка отличается наличием небольшого вы-

ступа сбоку (рис. 16, 6, 12). В кургане рядом (к. 1, п. 11) захоронение совершено в подбое, на правом боку, головой к юго-востоку, кисть левой руки у лица, правой — возле колен, где находился баночный сосудик<sup>27</sup>.

Заслуживают внимания некоторые погребения в катакомбах или подбоях, сопровождаемые кремневыми отщепами. В их числе в Первомаевке (к. 3, п. 5) : скорченное на левом боку, головой к востоку, левая рука вытянута, на о локте находилась кисть согнутой правой руки. На черепе сохранились следы расправленного медного предмета, у та за — кремневый отщеп, около черепна трубчатые кости быка<sup>28</sup>.

Погребения в небольших катакомбах и подбоях встречаются не так уж редко. Но поскольку они безынварны, то определить их время и культурную принадлежность можно лишь предположительно. Более того, при раскопках неглубоких катакомб шахты в насыпи часто не прослеживаются, поэтому возможно, что часть так называемых овальных ям как раз и является остатками этих сооружений. Видимо, к их числу относится погребение у с. Белозерка (к. 21, слой 5) в яме «в форме сердца» с двумя погребенными и высоким остроресберным сосудом, украшенным прочерченными елочками (рис. 16, 9)<sup>29</sup>.

На Ингуле и Южном Буге также известны подобные захоронения в ямах с подбоями и в катакомбах. Одним из наиболее интересных по инвентарю

<sup>27</sup> Телегин Д. Я., Братченко С. И., Смирнов С. В. Вильногрушевская курганная группа. — Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье, с. 103—109, рис. 3, 12, 13; 6, 3, 1.

<sup>28</sup> Галльська В. А., Ковпаненко Г. Т., Петровська В. О. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомайівка. — АП, т. 9, с. 132.

<sup>29</sup> Скадовский Г. Л. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы. — Труды VIII АС, 1887, с. 3, с. 133.

<sup>25</sup> Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э. Симферополь, 1969, с. 94, рис. 33, 8, 34, 35; с. 108, рис. 43, 4, 9.

<sup>26</sup> Граков В. Н., Мелюков А. И. Отчет о работе Западно-Скифской экспедиции 1961 г. — Архив ИА АН УССР, ф. э. № 3735, с. 48.

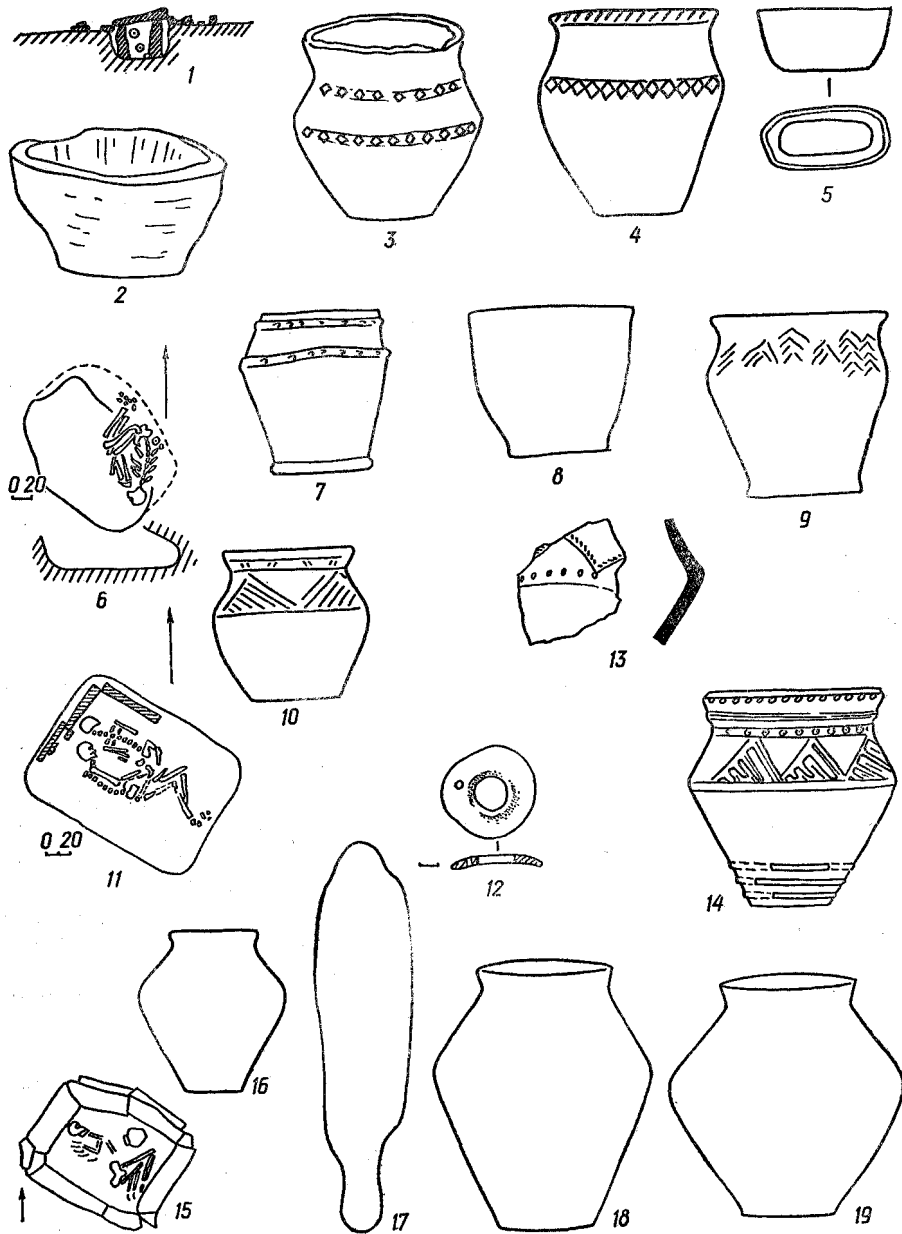


Рис. 16. План и инвентарь погребений культуры многоваликовой керамики:

1 — каменный заклад на о-ве Таволжаный; 2 — погребение 2 на о-ве Похилый; 3 — погребение 1 на о-ве Похилый; 4 — о-в Таволжаный; 5 — балка Жучий; 6, 12 — Вильногрушевка, курган 2, погребение 5; 7, 8 — группа Серко (1946), курган 3, погребение 3; 9, 10 — Белозерка, курган 24; 11 — Вильногрушевка, курган 2, погребение 8; 13, 14 — Кичкас II, курган 11; 15—17 — Кривой Рог, ЮГОК, курган 1, погребение 1; 18 — Солоха, курган 3, погребение 14; 19 — Солоха, курган 3, погребение 1.

бение 5; 7, 8 — группа Серко (1946), курган 3, погребение 3; 9, 10 — Белозерка, курган 24; 11 — Вильногрушевка, курган 2, погребение 8; 13, 14 — Кичкас II, курган 11; 15—17 — Кривой Рог, ЮГОК, курган 1, погребение 1; 18 — Солоха, курган 3, погребение 14; 19 — Солоха, курган 3, погребение 1.

является погребение в бескурганном могильнике у ст. Калфы на Днестре<sup>30</sup>.

Комплекс этого погребения, как и сосуд из Бабенкова, дает основание отнести перечисленные погребения к культуре многоваликовой керамики.

В нескольких случаях прослежена стратиграфия подбойных погребений в подбоях и катакомбах по отношению к срубным. В этом плане особый интерес представляют наблюдения Запорожской экспедиции у с. Большая Белозерка. На землях совхоза им. Ю. Гагарина был раскопан курган, в котором оказалось три погребения в ямах с подбоями. При скорченных захоронениях, ориентированных головой на юго-восток и северо-восток, найдены костяные пряжки, а в заполнении одной из могил — обломок сосуда с многоваликовой орнаментацией. Стратиграфически они предшествовали впускным скорченным захоронениям в ямах, ориентированных к востоку и северо-востоку, с сосудами срубного типа<sup>31</sup>.

Выделение поздних погребений в катакомбах намечалось в ряде работ, но культурная интерпретация этих памятников давалась разная. Впервые выделивший эти погребения А. В. Дворниченко считал их позднесрубными<sup>32</sup>. Позднесрубным временем определяет Вольногрушевские погребения в подбоях и С. Н. Братченко<sup>33</sup>. Исследователи А. А. Щепинский и Е. Н. Черепанова

<sup>30</sup> Чеботаренко Г. Ф. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре. — КСИА АН СССР, 1965, вып. 105, с. 102—107, рис. 22; 23, 4, 6, 7; 24, 4.

<sup>31</sup> Болтрик Ю. В., Болдин Я. И., Никитенко М. М. и др. Исследование курганных могильников в Запорожской обл. — АО 1977 г. М., 1978, с. 199—300.

<sup>32</sup> Дворниченко В. В. Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье. — Сб. докл. на IX и X ВАСК. М., 1968, с. 5—15.

<sup>33</sup> Братченко С. Н. Погребение срубной культуры. с. 15.

погребения из Бабенкова отнесли к культуре многоваликовой керамики<sup>34</sup>. Так же определены нами аналогичные погребения в Поднепровье<sup>35</sup>. В пользу принадлежности их к культуре многоваликовой керамики свидетельствует инвентарь — пряжки и сосуды, а также стратиграфическое положение их между погребениями катакомбной культуры и срубными.

Более затруднительно определение погребений с баночными неорнаментированными сосудами, которые могут относиться уже к более позднему времени.

Сравнительно многочисленную группу погребений, сопровождаемых сосудами культуры многоваликовой керамики, составляют погребения в простых ямах, впускные в насыпи либо совершенные на уровне древнего горизонта, в ряде случаев, вероятно, с досыпкой курганов ямного времени, а также в бескурганном могильнике, под каменными закладами и в грунтовых ямах. Часть этих погребений оказалась в каменных ящиках и срубках.

Одним из наиболее ранних погребений, по-видимому, является погребение из могилы 11 (Кичкас II). По отчету В. А. Гринченко, в центре каменной закладки диаметром 6 м, сложенной из двух рядов камней, обнаружен ограбленный каменный ящик, около которого сохранились два обломка остророберного сосуда срубного типа (рис. 10, 13) и обломок кремня, а на дне земля, перемешанная с охрой. По-видимому, при сооружении каменного ящика было разрушено более раннее погребение в вытянутом положении, головой к северо-востоку, около которого обнаружен ребристый горшок с шейкой в виде раструба, украшенный палочными,

<sup>34</sup> Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Указ. соч., с. 52—53.

<sup>35</sup> Шарафутдинова И. Н. Племени Степного Поднепровья в эпоху поздней бронзы, с. 41.

треугольными в сечении валиками (рис. 16, 14)<sup>36</sup>.

Погребение с сосудом подобной формы, но с прочерченным орнаментом обнаружено в 1932 г. в кургане при впадении р. Шиянка в Самару (к. 1, п. 16). Захоронение совершено в «овальной яме», впущенной в материк, в сильно скорченном положении, на левом боку, головой к востоку. Горшочек стоял у подбородка<sup>37</sup>. К этой группе относим и грунтовое погребение на 8-й Игреновской стоянке — скорченное на правом боку, с небольшим остросереберным сосудом у колен. Вблизи — группа больших кампей и кучка костей крупного рогатого животного, включая челюсть и рога быка.

К ранним, по-видимому, принадлежат еще два грунтовых, скорченных на левом боку погребения, открытых на о-ве Похилый. Около одного из них, ориентированного головой к востоку, найден асимметричный желтоглиняный сосуд, украшенный по изгибу шейки и ребру палочными валиками с ромбическими вмятинами и насечками по венчику (рис. 16, 3), у головы второго, ориентированного к северу, стояла слабообожженная мисочка желтой глины (рис. 16, 2)<sup>38</sup>.

К северу ориентировано и погребение № 22 в бескурганном могильнике на о-ве Виноградный. Кисти — перед лицом, ноги образуют прямой угол в коленях и тупой — с позвоночником. У таза — круглая костяная пряжка, украшенная вокруг отверстия и по краю на-

сечками (рис. 17, 6)<sup>39</sup>. По-видимому, к культуре многоваликовой керамики относится еще ряд погребений этого могильника, в частности погребения 33—35 в каменных ящиках с баночными сосудами (рис. 17, 1, 2; 18).

Часть ранних погребений сопровождалась довольно большими остросереберными неорнаментированными горшками с сильно расширенным реберчатым корпусом, прямым или расширяющимся в виде раструба венчиком и сравнительно небольшим дном. Два погребения с такими сосудами впущены в курган 3 у Солохи (в этом же кургане находилось и упомянутое выше погребение в катакомбе). Одно из них (3) оказалось разрушенным, другое (14) — скорченное на правом боку, ориентированное головой к югу, сосуд стоял у ног (рис. 16, 18, 19)<sup>40</sup>.

Подобные сосуды происходят из погребения в каменном ящике у Кривого Рога<sup>41</sup>. Покойник был положен на левом боку с согнутыми в коленях ногами, слегка согнутая в локте левая рука вытянута вдоль туловища. Кисть правой руки — у локтя левой. Погребение ориентировано головой на северо-запад. У колен лежал остросереберный с прямой шейкой сосуд. В ящике найден маленький бронзовый нож (8,5 см) с листовидным двусторонним лезвием, слегка расширяющимся посредине и со слабо намеченным перехватом у основания. Рукоятка короткая с расплюснуто-закругленным краем (рис. 16, 15—17). Нож подобного типа найден в Новомолчановке (к. 1, п. 3) близ Ерусла-

<sup>36</sup> Гринченко В. А. Щоденник розкопок на правому березі Дніпра, від с. Кічкас до порога Вільного р. 1928.— Архив ІА АН УССР, ВУАК/Дн., № 29, с. 9—12.

<sup>37</sup> Звіт за археологічними дослідженнями терену антропогенія Дніпра від р. Сури до р. Самари в 1931—1932 рр.— Архив ІА АН УССР, ВУАК/Дн., № 145.

<sup>38</sup> Смолицев П. І. Стація неолітичної доби на о. Похилому біля порогу Вільного.— Архив ІА АН УССР, ВУАК/Дн., № 24, с. 63—65.

<sup>39</sup> Добровольський А. Опис поховань на о-ві Виноградному.— ІА АН УССР, ф. ВУАК/Дн., № 616.

<sup>40</sup> Граков В. Н., Мелюкова А. И. Отчет о работе Западно-Скифской экспедиции 1961 г.— Архив ІА АН УССР, ф. э. № 3735, с. 46, 58.

<sup>41</sup> Крилова Л. П. Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964—1966 р.— В кн.: Наш край. Дніпропетровськ, 1971, с. 28.

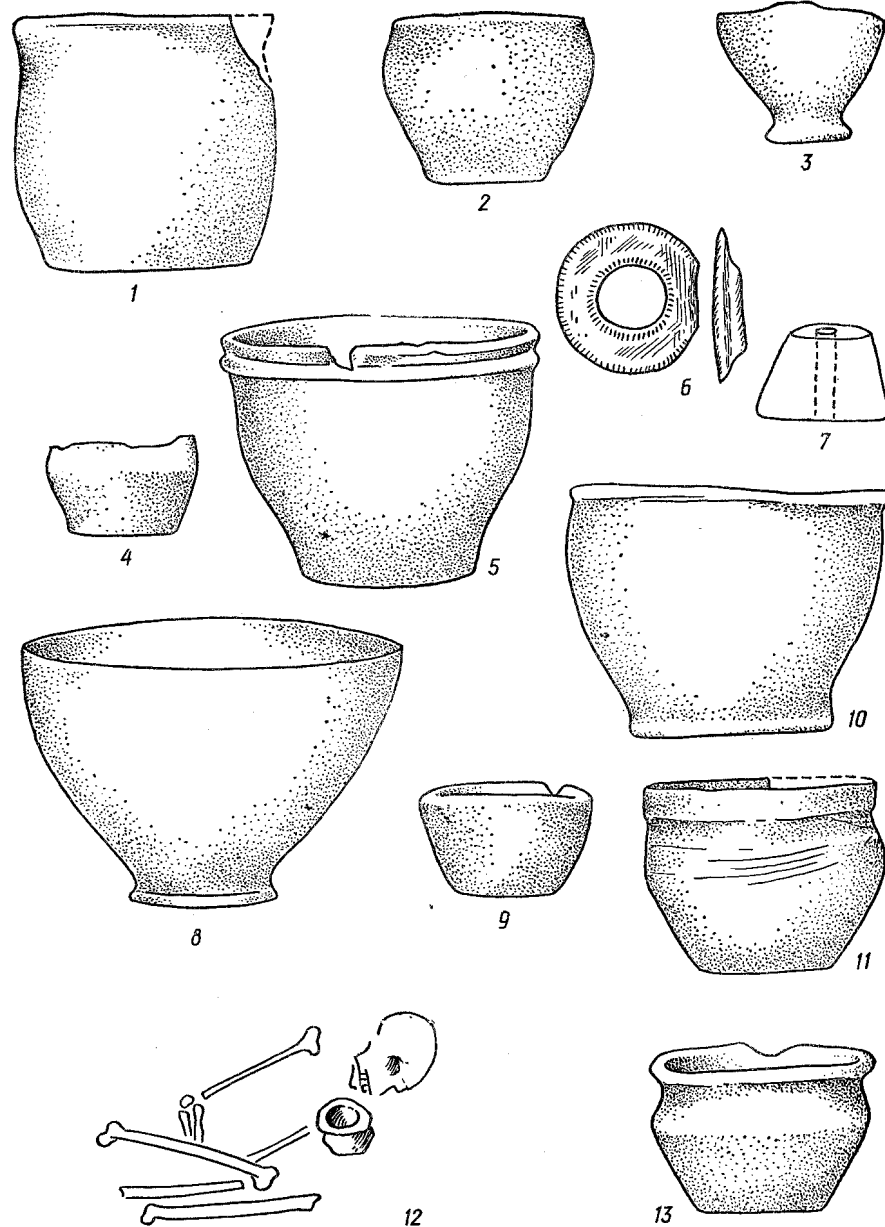


Рис. 17. Инвентарь погребений из могильника на о-ве Виноградный:

1 — погребение 33; 2 — погребение 34; 3 — погребение 37; 4 — погребение 38; 5 — погребение 29; 6 — погребение 22; 7 — погребение 10; 8 — погребение 6; 9, 11 — погребение 52; 10 — погребение 76; 12, 13 — погребение 73.

на в Нижнем Поволжье<sup>42</sup>. Близкий по форме нож происходит из Непринского могильника срубной культуры в Куйбышевской обл.<sup>43</sup> Такое же впускное, скорченное на левом боку, ориентированное на запад погребение в каменном ящике с большим острореберным горшком с шейкой в виде раструба, как в указанных каменных ящиках, обнаружил В. И. Никитин в 1973 г. в Широуванской могиле вблизи г. Снигиревка. Здесь же сохранились деревянная чаша с медной оковкой и костяная пряжка с одним отверстием<sup>44</sup>.

К этой группе относится и разрушенное погребение в каменном ящике из слободки Романовка<sup>45</sup>. Интересно отметить погребение с большим реберчатым горшком и невысоким венчиком в виде раструба, открытое в Приазовье у с. Орловское, близ г. Жданова (к. 2, п. 11). Положение и ориентация погребенного совершенно такие же, как и в каменном ящике у Кривого Рога. Сосуд стоял слева у груди. Над этим погребением находилось более позднее (п. 10) с сосудом в виде срезанного конуса<sup>46</sup>. Еще несколько погребений с сосудами культуры многоваликовой керамики известны в междуречье Орели и Самары. Среди них особый интерес представляет погребение в срубе у с. Спасское (кург. гр. XIV, к. 8) с двумя сосудами, один

<sup>42</sup> Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, 1960, № 78, с. 130, 151, рис. 35, 4.

<sup>43</sup> Васильев И. Б. Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области.— В кн.: Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975, с. 24, 31.

<sup>44</sup> Никитин В. И. Работы Николаевского краеведческого музея.— АО, 1973 г., с. 317.

<sup>45</sup> Добровольский А. В. Раскопки кургана в предместье Одессы. Слободка Романовка.— ЮОИД, 1915, т. 32, с. 124, 142.

<sup>46</sup> Клименко В. Ф. Раскопки курганов у с. Орловское Приморского р-на г. Жданова Донецкой обл.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 8213. В публикации это погребение отнесено к срубной культуре. См.: АО 1976 г., с. 305.

из которых по форме и расположению орнамента близок к сосуду из Кичкаса (могила 11)<sup>47</sup>.

И. А. Писларию удалось выделить на Северском Донце среди погребений в срубах ранние, относящиеся к культуре многоваликовой керамики. Для них характерна западная либо северо-западная ориентация. Как правило, погребения безынвентарные либо сопровождаются пряжками с одним отверстием<sup>48</sup>. Еще раньше погребения культуры многоваликовой керамики в срубах были выделены Н. К. Качаловой в группе Ильменских курганов<sup>49</sup>. В Поднепровье также встречаются подобные отдельные погребения в срубах. Это впускное парное захоронение в срубе (рис. 16, 11) без инвентаря в уже упоминавшемся кургане близ Вильногрушевки (к. 2, п. 8)<sup>50</sup> и погребение в группе «Солоха» с двумя круглыми пряжками с одним отверстием<sup>51</sup>. В обоих случаях покойники положены головами к северо-западу. Такие погребения открыты у сел Веселое, Новоподкряж, Цветки и др.<sup>52</sup>

В Поднепровье выделяется группа по-

<sup>47</sup> Ковальова И. Ф., Волковой С. С. Майвский локальный вариант..., рис. 10, 17, 18; рис. 12, 6; Ковалева И. Ф., Волковой С. С. Новые памятники маевского типа срубной культуры.— В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976, с. 57—58.

<sup>48</sup> Писларий И. П. О двух культурно-хронологических группах погребений в срубах бассейна Северского Донца.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. ИА АН СССР и АН УССР, посвящ. 250-летию АН СССР. К., 1975, т. 1, с. 89.

<sup>49</sup> Качалова Н. К. Ильменские курганы.— АСГЭ, 1970, № 12, с. 32—33.

<sup>50</sup> Братченко С. Н. Погребения срубной культуры, с. 15.

<sup>51</sup> Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Указ. соч., с. 52.

<sup>52</sup> Ковалева И. Ф., Волковой С. С. Новые памятники маевского типа срубной культуры, с. 62; Чернявская Н. В. Погребения культуры многоваликовой керамики в Днепровском Левобережье.— Курганные древности Степного Поднепровья. 1979, вып. 3, с. 88—94.



Рис. 18. Погребения в каменных ящиках из могильника на о-ве Виноградный: 1 — общий вид погребений 33—35; 2 — погребение 35.

гробеиш с сосулами, в которых как бы сочетаются черты срубной и многоваликовой керамики, их относим к поздней группе погребений культуры многоваликовой керамики. Ввиду особого интереса этих погребений и их инвентаря подробнее остановимся на условиях этих находок. Одно из них — основное в кургане, раскопанном А. А. Спицыным у с. Башмачки<sup>53</sup>. В могиле со следами дерева (возможно, остатки сруба) погребенный был положен на левом боку с поднятыми в коленях ногами и согнутыми в локтях руками, головой на восток. Перед лицом стоял острореберный сосуд низких пропорций, орнаментированный гладкими горизонтальными валиками. В погребении обнаружены следы охры.

В 1930 г. в кургане у с. Кичкас (Майдан А, к. 26, п. 3)<sup>54</sup> исследована массивная гробница (1,60×1,20 м по внутренним измерениям), сооруженная в юго-западной полё, на расстоянии 17 м от центра кургана на уровне древнего горизонта, в основании насыпи над погребениями ямной культуры. По-видимому, курган был досыпан над этой гробницей, после чего приобрел удлиненную форму. Погребение совершено на левом боку, головой на запад — северо-запад, руки были прижаты к груди, ноги согнуты под прямым углом к корпусу. Два камня прижимали их ко дну ящика. За спиной у пояса сохранились остатки наутственной пищи — обломки костей крупного рогатого животного и плоский нож-кинжал. У головы под западной стенкой стояли три сосуда: один маленький в виде плошки с расчесами и два подлощенных остро-



Рис. 19. Инвентарь погребения 3 кургана 26 на участке А Днепростроя:

1 — бронзовый нож; 2 — обломок ножа; 3—5 — сосуды.

реберных, у которых по венчику, по ребру и между ними четко выделились три тонких гладких валика, т. е. сосуды совершенно аналогичны находке из Башмачки. Нож плоский, двусторонний, листовидной формы, почти равноширокий вдоль всего лезвия, с едва заметным сужением у черенка и заостренным концом, кончик которого обломан. Черенок длиной 4,5 см ровный и узкий. Длина лезвия 14,5 см<sup>2</sup>. Кроме того, в гробнице найдены незначительный фрагмент рукоятки второго ножа и кремневый отщеп (рис. 19), с северной

стороны на камне около ящика положена челюсть коровы.

Последние два погребения, видимо, следует относить к группе поздних погребений культуры многоваликовой керамики, как и большинство впускных погребений с биконическими сосулами вытянутых пропорций. К их числу принадлежат и погребения в основном с юго-восточной, южной и юго-западной ориентацией из Белозерских курганов, откуда известны и характерные сосуды (к. 24, 38). По-видимому, к этой группе принадлежит и скорченное на правом боку захоронение, ориентированное головой к востоку у балки Гадючая, при котором находился высокий биконический сосуд с примесью толченых раковин в глине, украшенный прочерченными треугольниками (Привольное, к. 5, п. 6)<sup>55</sup>.

К поздним, по-видимому, относится и погребение в грунтовом могильнике в балке Жучая с пряжкой и овальной плошкой (рис. 16, 5). Такая же плошка найдена и на Вовнижском поселении.

Таким образом, погребения с многоваликовой керамикой встречены в Поднепровье от Верхнеднепровска до устья Днепра как в курганах, так и в каменных закладах и в бескурганых могильниках.

По устройству могил имеются погребения в срубе (Башмачка, Солоха, Вильногрушевка), в каменных ящиках (Кичкас, Слободка, Романовка, Кривой Рог) и в ямах в насыпях курганов, а также в подбоях. Известны курганы с разными погребальными сооружениями культуры многоваликовой керамики (Солоха, к. 3, Вильногрушевка, к. 2). Во всех случаях, когда сохранились скелеты, установлено, что погребения были одиночными, за исключением двух

парных в скорщенном положении на левом или правом боку (погребения на правом боку составляют около 2/5 уцелевших погребений). Ноги часто образуют прямой угол с корпусом. Одна рука нередко бывает протянута к коленным либо на груди, другая согнута, кисти у подбородка. Изредка обе кисти у колен, чаще — перед лицом. Ориентация неустойчива, но среди ранних погребений значительный процент ориентированных к северо-западу и западу, в поздних — южная с отклонением к востоку и западу, хотя в обеих группах имеется погребение с восточной и северо-восточной ориентацией. Изредка в погребениях в небольшом количестве встречается охра.

К культуре многоваликовой керамики относятся, видимо, и некоторые погребения со следами кремации. В частности, у пос. Днепрорудный (к. 18, п. 5) обнаружен обожженный скелет в скорщенном положении на левом боку, головой к востоку, перекрыт золой. При нем находилась костяная пряжка<sup>56</sup>. Аналогичное погребение открыто в Кичкасе II (к. 7, п. 1). Под слоем пепла и угля толщиной 15 см и размером 1,25×1 м, что соответствует размеру погребальной ямы, находился обгоревший скелет на левом боку, ориентированный черепом на восток. Ноги образовывали прямой угол в коленях и такой же с корпусом. Одна рука была направлена к ногам, а вторая, согнутая в локте, к сосуду, стоявшему перед грудью. Сосуд слабореберчатый с расходящимся венчиком, как в сосудах культуры многоваликовой керамики<sup>57</sup>. В насыпях курганов с погребениями культуры многоваликовой керамики нередко на разных уровнях встречались обломки, а

<sup>53</sup> Спицын А. А. Раскопки, проведенные в 1907 г. близ дер. Башмачки. — ИАК, 1901, вып. 1, с. 69—70, рис. 1.

<sup>54</sup> Щоденик та журнал розкопки та дослідів на терені Дніпрозаводу з 28 жовтня по 20 серпня 1930 р. — Архив ИА АН УССР, ВУАК/Дц., № 76, с. 20, рис. 40.

<sup>55</sup> Стадовский Г. Л. Указ. соч., с. 114—148; Ковар П. Звіт про наукові археологічні дослідіння на території Дніпрельстану. — Архив ИА АН УССР, ВУАК/Дц., № 19, с. 10.

<sup>56</sup> Елагина Н. Г., Шкурко А. И. Отчет Скифской экспедиции МГУ за 1964 г. — Архив ИА АН УССР, ф. а. № 4404, с. 23.

<sup>57</sup> Гринченко В. А. Щоденик розкопок на правому березі Дніпра від с. Кічкаса до порога Вільного р. 1928, с. 21.

иногда и целые сосуды, характерные для поселений, и следы кострищ, свидетельствующие об обычаях поминок. Уместно отметить, что большие сосуды с палевными валиками ни разу не найдены в ямах при погребениях, но неоднократно обнаружены в целом или разбитом виде в насыпи курганов, на месте тризны.

Погребения срубной культуры, предсабаатиновского и раннесабаатиновского времени.

Материалы новых раскопок позволяют выделить в Поднепровье пласт погребений срубной культуры, которые размещаются после погребений культуры многоваликовой керамики и раньше погребений сабаатиновского времени. Первым обратил внимание на наличие этих памятников в Поднепровье А. М. Лесков, назвав их раннесрубными<sup>58</sup>. Не решая пока вопроса о месте их в хронологической шкале срубных культур, требующего специальных исследований, отметим лишь их досабаатиновский возраст.

Эти погребения основные и впускные в древние курганы, порой с досышкой насыпи. Для них характерна небольшая скорченность: на левом боку, ориентация восточная и северо-восточная, ноги чаще всего под прямым углом к позвоночнику, пятки на некотором расстоянии от таза. Кисти рук перед грудью или перед лицом, но нередко одна, реже обе у колен. Они сопровождаются широко открытыми сосудами горизонтальных пропорций с выделенным ребром, расположенным примерно на середине высоты, иногда чуть ближе к верху сосуда. Диаметр венчика обычно равен или больше высоты сосуда. Орнамент располагается выше ребра, чаще всего это композиции из зигзагов и треугольников, направленных вершинами вниз, реже вверх либо в разные стороны —

<sup>58</sup> Лесков А. М. Раскопки курганов на юге Херсонщины., с. 15—17.

вверх и вниз, встречается изредка меандр. Распространены веревочный орнамент, прочерченные линии и зубчатый штамп. Вторую группу посуды составляют баночные конической формы, в основном неорнаментированные. Характерны также бронзовые ножи, листовидные, так называемые пламевидные и со слабо намеченной выемкой и ромбовидным расширением в основании.

Предсабаатиновские погребения срубной культуры на этой территории мало отличаются от раннесабаатиновских. По устройству могил это погребения в ямах, иногда с остатками перекрытия, в каменных ящиках и срубах. Наряду с обычными ингумированными захоронениями известно несколько случаев кремации.

Погребения в простых ямах наиболее распространены в Степи. Несколько таких погребений исследованы в Каховском р-не. Это основное погребение в кургане 3 первой курганной группы у с. Красный Подол. В небольшой прямоугольной яме, окруженной материковым выкидом и рвом из несомкнутых канавок, находились останки погребенного на левом боку, ориентированного головой к востоку. При нем конусовидная банка и листовидный нож с расплюснутым краем черепка<sup>59</sup>. У с. Софиевка (к. 23) Ю. А. Шилов исследовал два погребения — впускные в курганной культуры. Оба ориентированы на северо-восток, ноги положены под прямым углом к корпусу. В погребении 1 найден острорыберный сосуд, украшенный оттисками веревочки, образующей углы между параллельными линиями, в погребении 2 широкооткрытый неорнаментированный сосуд с закругленным ребром и остатки заупокойной пищи, с ножом пламевидной формы с

<sup>59</sup> Кубышев А. И., Шилов Ю. А., Чекамова Г. И. и др. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 6996, с. 21—22.

удлиненной слабовыраженной шейкой и едва намеченным ромбическим расширением в основании лезвия<sup>60</sup>.

В других случаях это довольно просторные ямы, перекрытые деревом и камышом, или деревом и корой, или травой, как погребение в кургане у с. Богдановка Херсонской обл. Могила впускная почти в центр древнего кургана. Погребенный положен на левом боку, головой к северо-востоку, при нем найдена охра, низкий острорыберный сосуд с оттянутым валиком по ребру и такой же, как в Софиевке, нож. На перекрытии из дерева и камыша — остатки кострища и кости животных<sup>61</sup>.

Важно отметить, что в этом же кургане оказалось два кремированных захоронения. Более раннее из них (7) находилось в большой яме (2,8×1,9×1,45 м). Около сожженных костей найден фрагмент грубой острорыберной миски с оттисками шнура. Его перекрывало погребение (4), сопровождавшееся архаичным сосудом с округленным ребром. Удлиненная верхняя часть сосуда выполнена горизонтальными прочерченными линиями, от которых на корпус спускаются треугольники (композиция, обычная для сосудов катакомбной культуры этой территории).

К этой же ранней группе, видимо, относятся основное и впускные погребения кургана 3 группы «Рясные курганы» у с. Балка<sup>62</sup>. В. В. Отрощенко отмечает раннее, досабаатиновское время и основных погребений кургана 4 этой группы, и кургана 8 группы «Носа-

<sup>60</sup> Тереножкин А. И., Кубышев А. И., Ильинская В. А. и др. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции 1973 г.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 6996, с. 109, 110.

<sup>61</sup> Кубышев А. И., Шилов Ю. А., Чекамова Г. И. и др. Отчет о раскопках курганов., с. 6.

<sup>62</sup> Отрощенко В. В., Савовский И. И., Томашевский В. А. Курганная группа Рясные могилы у с. Балки.— В кн.: Курганные могилы Рясные Могилы и Носаки, с. 27—31.

ки»<sup>63</sup>. Последнее отмечаются значительными размерами могильных ям — 2,6—1,65×1,8—1,2 м и глубиной 1,5 м.

По-видимому, к ранним относятся и некоторые погребения из раскопок в Скадовском р-не (Широкое III, к. 13, п. 3; к. 18, п. 4 и др.)<sup>64</sup>. Прослежены случаи досыпки курганов над некоторыми из впускных погребений.

Относительно ранние погребения с инвентарем срубной культуры известны в каменных ящиках как в курганах, так и в плоских могильниках. Едва ли по самым архаичным в этой группе является впускное погребение у с. Маринское (5/9). В небольшом ящике (1,32×0,93 м), сложенном из шести плит, покойник был уложен на спину, ориентирован на юго-восток. У плеча — сосуд с закругленным ребром, орнаментированный оттисками палочки, обмотанной ниткой<sup>65</sup>.

Не так давно у с. Орехово Солонянского р-на экспедиция под руководством Д. Я. Телегина исследовала курган с основным и единственным погребением в каменном ящике, помещенном в большую яму (2,75×2,12×1,5 м). Пожилой человек был положен на левый бок, головой на юго-восток. Ноги образовывали прямой угол с корпусом, руки — перед лицом. Около головы находились бронзовое шильце с деревянной рукояткой, глиняный сосуд с закругленным ребром, украшенный редко встречающимся орнаментом в виде прочерченных горизонтальных линий и верти-

<sup>63</sup> Отрощенко В. В. Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки, с. 13. В последнее время В. Отрощенко определяет эти погребения как раннесабаатиновские.

<sup>64</sup> Черненко Е. В., Симоненко А. В. Курганная группа Широкое 3.— КЮХ, с. 21—22, 31, рис. 6, 9, 12.

<sup>65</sup> Березовец Д. Т., Покровська Е. Ф., Фурманська А. І. Курганы эпохи бронзы поблизу с. Мар'янське.— АП, т. 9, с. 122, рис. 24.

кальных проложенных полос между ними<sup>66</sup>. У плеча — деревянная чаша, окованная фигурными медными пластинками. В этой же группе оказалось два трупосожжения, по-видимому, саба-тиновского времени.

К досабатиновскому времени относим и погребение в большой гробнице (1,8×1,2 м) Долгой Могилой у Александрополя. Погребенный был положен в скорченной позе, головой к востоку, рядом найдены кость лошади и три сосуда. Выше в насыпи этого же кургана находилось погребение в срубе в такой же позе. При нем оказались бронзовый нож с плоским ромбическим перекрестием и низкая плошка<sup>67</sup>.

Положение погребенного, наличие охры, сосуд и наконечник, нож со слабонамеченным ромбовидным расширением позволяют включать в эту группу каменный ящик из кургана 27 (п. 12) у с. Вильна Украина<sup>68</sup>.

Отдельные остроредерные сосуды (рис. 20, 16, 17) известны в каменных закладах Надпорожья, в частности в закладе и каменном ящике на р. Ворона, которые Е. Ф. Лагодовская считала ритуальными, поскольку скелеты не были обнаружены<sup>69</sup>. Возможно, что к этой группе следует отнести и погребения в каменных ящиках (скелеты в них тоже не сохранились) под каменным закладом 10 в Кичкасе (группа XV) (рис. 20, 7, 8), а также погребение в закладе 3 у хут. Орлов. Оно сопровождалось простенной баночкой, украшенной оттисками веревочки, и бронзовым височным кольцом с расплющен-

ными загнутыми концами (рис. 20, 12, 13)<sup>70</sup>.

**Погребения в срубах.** На территории Степного Поднепровья до недавнего времени было известно не более десяти срубов — Кичкас I, Соленое, Александрополь, Малые Копани и некоторые другие. За последние годы отдельные погребения предсаба-тиновского и саба-тиновского этапов в срубах открыты почти во всех крупных степных могильниках: три — вблизи Голой Пристани, несколько — в Каховском р-не у с. Раздольное, Красный Подол, Вильна Украина и др., несколько в разных районах Запорожской и Днепропетровской обл. Но и сейчас они не превышают 2% общего количества погребений периода поздней бронзы, исследованных в степи. Иная картина наблюдается в пограничье с Лесостепью, в междуречье левых притоков Днепра — Орели и Самары, где обнаружены курганные могильники с основными и впускными погребениями в срубах. Это преимущественно овальные в плане курганы, вытянутые чаще в широтном направлении. Большой диаметр их колеблется от 26 до 65 м, высота — от 0,7 до 1,5 м, а самого высокого 4,3 м. Здесь открыто уже около сотни погребений, выделенных исследователями в особый маевский тип (рис. 21). Примерно половина этих погребений совершена в срубах<sup>71</sup>. В ряде курганов маевской группы отмечена досыпка и над впускными погребениями. Случаи досыпок курганов над погребениями предсаба-тиновского и саба-тиновского времени, в результате чего курганы приобретают удлиненную

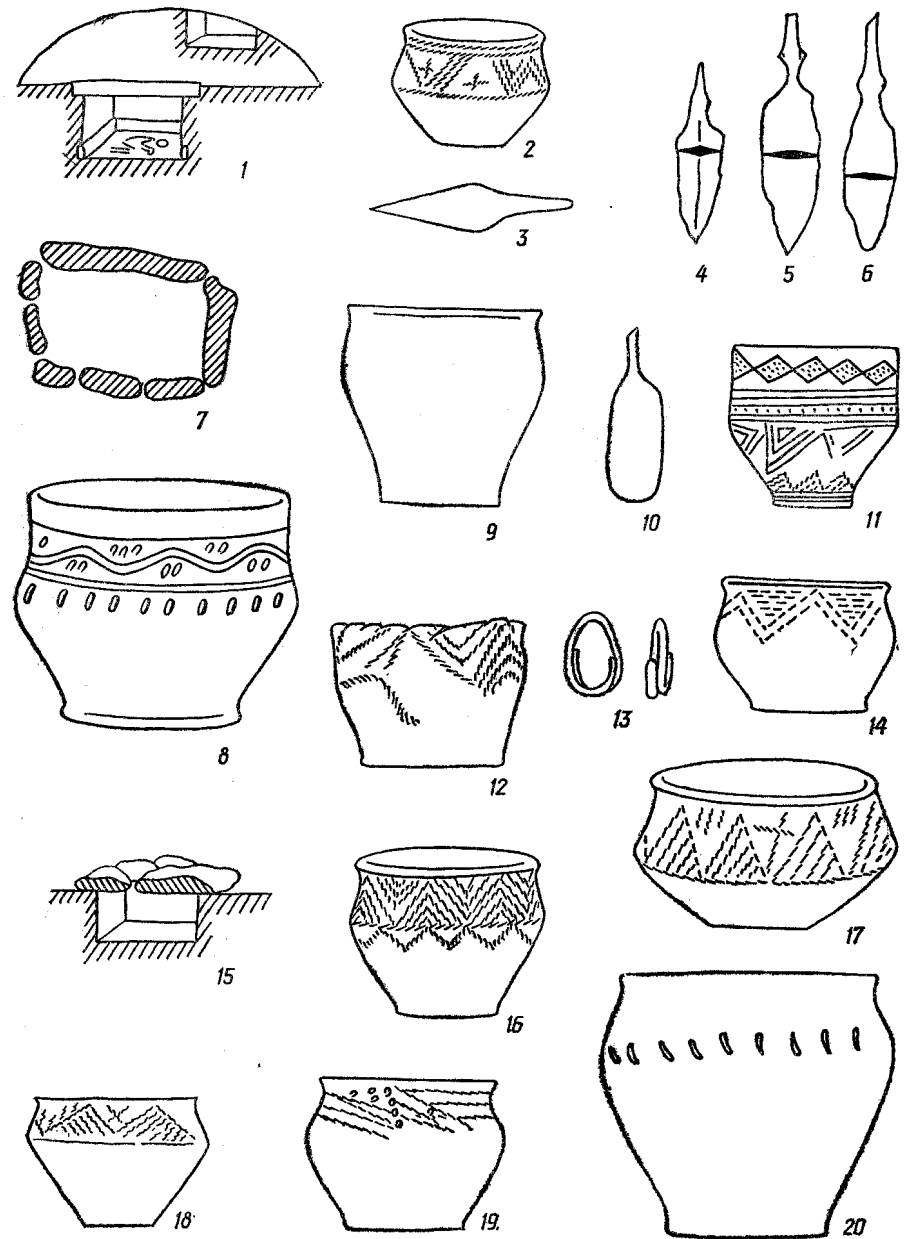


Рис. 20. Инвентарь срубных погребений предсаба-тиновского и раннесабатиновского времени:

1 — схематический план погребений в кургане; 2, 3 — Красный Перекоп, курган 2, погребение 3; 4 — Красный Перекоп, курган 27, погребение 1; 5 — Вильна Украина, курган 27, погребение 12; 6 — Красный Перекоп, курган 3, погребение 2; 7, 8 — Кичкас, группа 15, заклад 10; 9, 10 — Красный Перекоп, курган 3, погребение 1; 11 — Кичкас II, курган 7, погребение С; 12, 13 — хут. Орлов, заклад 3; 14 — Первомаевка, курган 7, погребение 1; 15 — заклад на р. Ворона; 16 — Заповитное (совхоз «Степной»), курган 15, погребение 2; 17, 18 — Компанийцы, погребение 19.

<sup>66</sup> Козловский А. А., Пустоголов С. Ж., Телесни Д. Я. и др. Указ. соч., с. 307.

<sup>67</sup> ДГС, вып. 1, с. 26—28.

<sup>68</sup> Ласков А. М., Кубышев А. И., Болтин Ю. В. и др. Указ. соч., с. 58.

<sup>69</sup> Ласков А. М. Die skythischen Kurgane.— Antiko Welt, 1974, sonder Nummer, abb. 26, 2.

<sup>70</sup> Лаводовська О. Кам'яні закладки Надпорожжя.— АП, 1949, т. 2, с. 174—175.

<sup>70</sup> Бодянский О. В. Щоденник археологічних дослідів на Нижньому Дніпрі в 1951 р., с. 64.

<sup>71</sup> Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Марина З. П. и др. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье Орели и Самары.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977, с. 8—91.

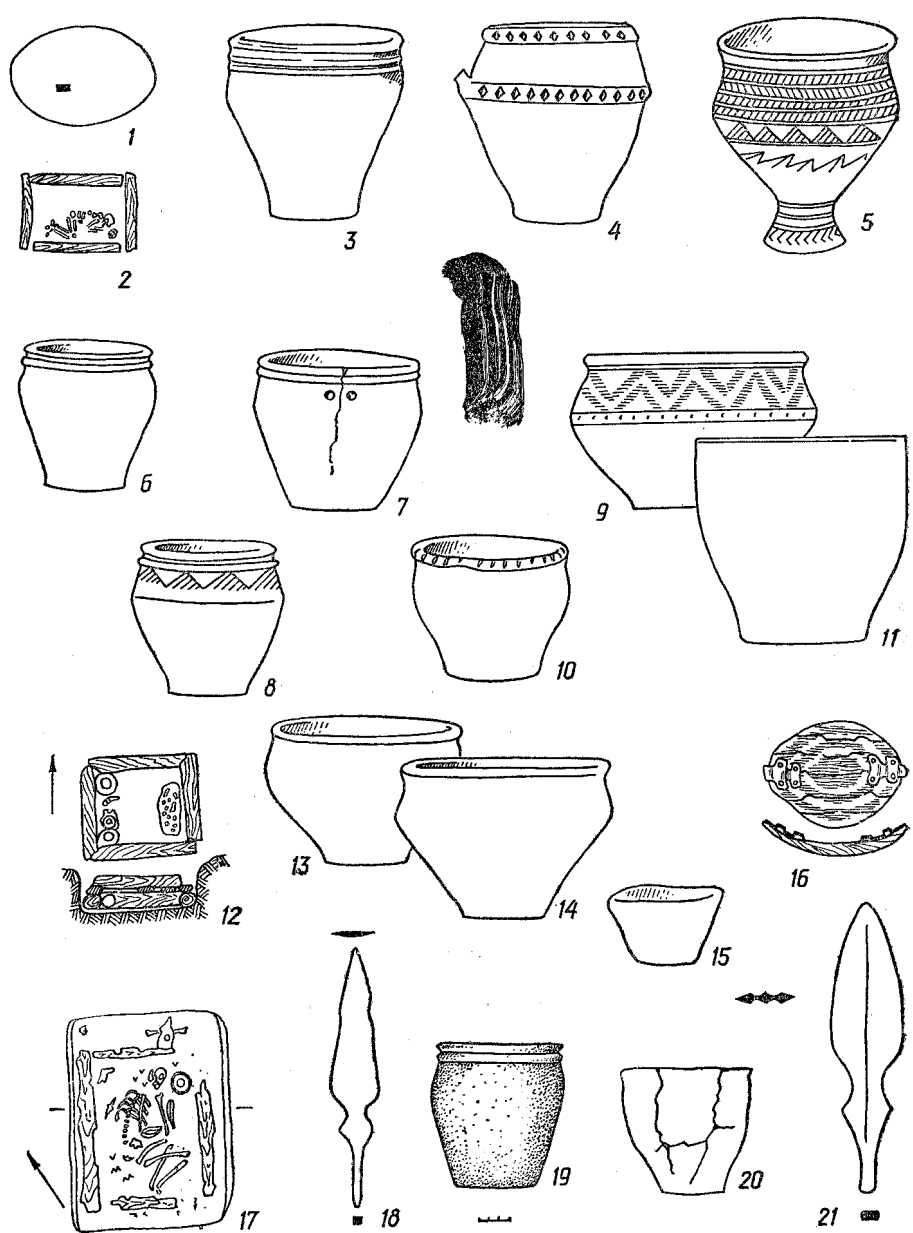


Рис. 21. Схематический план погребений и инвентарь из могильников у с. Верхняя Маевка и Новоподрязж (по И. Ковалевой и С. Волкобой). Верхняя Маевка: 1—3 — группа II, курган 6, погребение 1; 4 — группа V, курган 2, погребение 1; 5 — группа II, курган 3, погребение 1; 6—8 — группа IV, курган 4, погребение 1; 9—11 — группа III, курган 3, погребение 1; 12—16 — группа V, курган 2, погребение 5. Новоподрязж: 17—19 — группа VII, курган 1, погребение 1; 20, 21 — группа VIII, курган 2, погребение 2.

формы, основательно проанализированы В. В. Отроценко<sup>72</sup>.

В свете этих исследований представляется вероятным, что и Долгая Могила близ Александрополя была досыпана после совершения погребений в срубе либо в каменном ящике. В общей оценке длинных курганов необходимо иметь в виду, что именно в этих курганах в Поднепровье встречаются также погребения с посудой культуры многовалиновой керамики (Кичкас, участок А, и, 28; Кичкас II, к. 7; Долгая могила в Александрополе, к. 3 группы Солоха и, наконец, Маевские курганы).

Устройство срубов. Прослежены дубовые срубы в один-два венца (Малые Копани, Верхняя Маевка), редко — в три венца (Соленое, Красный Подол). Высота лучше сохранившихся срубов составляла 0,4—0,55 м. Использовали чаще подтесанные плахи, иногда полукруглые. Углы соединяли в подтесанные пазы, при этом в одних срубах в местах связи концы бревен заходили за края не менее чем на 10 см, в других они соединялись встык посредством откосин. Для основных погребений у Верхней Маевки выкапывали довольно глубокие ямы, нередко более 3 м от древней поверхности. Размеры их различны (2,1—1,6×1,9—1,1 м). Срубы соответственно несколько меньше. При этом перекрытие находилось на глубине 0,4—0,5 м ниже древней поверхности. Как правило, перекрывали срубы плотным накатом в один либо два ряда. Такого же типа накаты в виде двух рядов плах, положенных вдоль и поперек ямы, встречаются и в более южных

срубах, как, в частности, в погребении 13, к. 11 в группе «Острая Могила» около с. Широкое<sup>73</sup>. Накат перекрывали корой, тростником, травой. В нескольких случаях на накате прослежены следы глиняной обмазки. Сверху в яму нередко бросали оставшееся дерево, иногда необработанные части ствола с ветками.

Встречаются деревянные сооружения и других конструкций типа склепа. Так, в одном из погребений Долгой Могилы у Александрополя под стенами ямы были вбиты столбы-сваи диаметром 18 см и высотой 90 см (глубина ямы)<sup>74</sup>. В некоторых погребениях стены ям обшиты вертикально поставленными планками (с. Вильна Украина, совхоз «Красный перекоп», к. 2)<sup>75</sup>; в других — горизонтально положенными плахами (Широкое, группа «Острая Могила», к. 11, п. 5)<sup>76</sup> или планками (Заповитне, совхоз «Степовой», к. 15, п. 2)<sup>77</sup>. В этих случаях перекрытие поддерживали опорные столбы, размещенные в углах ямы.

В кургане совхоза «Коминтерн» близ Голый Пристани обнаружено два погребения в глубоких ямах, стенки которых на высоту 10—20 см были обставлены положенными на ребро плахами, толщина которых 4—4,5 см, ширина 10 см. Такие же плахи перекрывали сооружение сверху. В одной яме под северной стенкой прослежены два вертикальных столба, поднимающиеся над ямой, очевидно, поддерживающие перекрытие в виде односкатной крыши<sup>78</sup>. Подобным

<sup>73</sup> Ольговский С. Я., Полин С. В. Курганная группа «Острая Могила». — КЮХ, с. 43, табл. XII, 3.

<sup>74</sup> ДГС, т. 1, с. 26—28.

<sup>75</sup> Лесков А. М., Кубышев А. И., Болтрик Ю. В. и др. Указ. соч., с. 57.

<sup>76</sup> Ольговский С. Я., Полин С. В. Указ. соч., с. 41, табл. XII, 2.

<sup>77</sup> Отроценко В. В. Указ. соч., с. 175, рис. 2.

<sup>78</sup> Федорова-Давыдова Э. А. Раскопки курганов в Голопристанском р-не в 1962 г. — Па-

<sup>72</sup> Отроценко В. В. Конструктивные особенности длинных курганов Нижнего Поднепровья. — В кн: Открытия молодых археологов. К., 1976, ч. 1, с. 16—18; Отроценко В. В. Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья. — Энеолит и бронзовый век Украины. К., 1975, с. 185—186.



образом устроено перекрытие в виде щита над основным погребением в кургане 3 у с. Орехово, но опиралось оно на край ямы и на ступеньку.

Пол, по крайней мере некоторых срубов, был выстлан деревом. В частности, следы такого деревянного пола прослежены в кичкасском срубе. Во многих погребениях на полу, как и поверх перекрытия, сохранились следы коры. Следы истлевшей подстилки из коры березы или соломы на дне сруба отмечены Д. И. Эварницким в Морозовой Могиле близ Новомосковска<sup>79</sup>. Изредка дно срубов посыпали мелом.

Из других деталей устройства срубов только в кургане Кичкас I исследователям удалось проследить, что сруб был разделен бревном по диагонали на два отделения, в каждом из которых находилось по погребенному.

За исключением этого парного захоронения, во всех остальных срубах обнаружено по одному погребенному. Все в скорченном положении на левом (единичные на правом) боку, руки, как правило, согнуты в локтях, кисти — перед грудью или у лица, ноги сильно согнуты в коленях, образуют прямой либо острый угол с корпусом. Ориентация преобладает восточная с отклонениями к северо-востоку и юго-востоку. В нескольких срубах и склепах оказалось сожжение (Верхняя Маевка, Котовка, Заповитне и др.).

Инвентарь представлен теми же категориями вещей, что и в других погребениях — в каменных ящиках и простых ямах, но во многих случаях отличается сравнительно большим набором вещей. Сосуды (их бывает от одного до трех, среди них деревянные блюда и чаши) обычно ставили перед лицом либо у колен, реже у головы и за спи-

мятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР, с. 49.

<sup>79</sup> Эварницкий Д. И. Курганы у р. Орель Екатеринославской губ.— Труды VIII АС, 1937, т. 3, с. 329.

ной. Во многих случаях сосуды размещали на накате. На дне сруба часто сохраняются остатки жертвенных животных, ребра, челюсти астрагалы, коровы, коня, овцы. С остатками мяса в ряде погребений оказались ножи листовидные и с более или менее четко выраженным перекрестием (Александрополь, Заповитне, Красный Подол, Вильна Украина и др.) Иногда ноги и черепа животных размещены по углам сруба либо на накате и в насыпи, на месте тризны и костров. В ряде случаев отмечены остатки костра непосредственно на накате. Во многих курганах, особенно маевской группы, в насыпи встречены специальные площадки с остатками тризны, черепами лошадей и прочее, костями животных, следами кострищ.

В целом на территории Нижнего Поднепровья погребения в срубах являются отнюдь не правилом, а скорее исключением. Устройство могил, их размеры, использование ограниченного в степях материала — дерева, набор вещей (глиняные, преимущественно островерберные сосуды, тщательно изготовленные, с богатой орнаментацией, деревянные чаши и блюда с металлическими оковками, бронзовые ножи, тризна, наконец, сооружение насыпи над основным погребением в кургане или досыпки над впускными) позволяют выделять погребения в срубах, как и часть погребений в каменных ящиках, из массы обычных рядовых погребений.

Для определения хронологического места ранних погребений важны металлические изделия. Если листовидные ножи с прямым черепком бытуют долго (они известны в комплексах кладов и поселений сабатиновского времени Поднепровья), то ножи с выделенным плоским ромбовидным расширением и перехватом, тем более только с намечающимся перехватом, ни разу не встречены ни на поселениях, ни в комплексах литейных форм сабатиновского вре-

мени этой территории и находят аналогии в комплексах развитой срубной культуры Донеччины — Рубцы, Янохино, Усово Озеро и др., а также в абашевских комплексах, что указывает на их досабатиновский возраст. Этому не противоречат и деревянные сосуды с металлическими оковками, появление которых относится к культуре многоваликовой керамики (Шированская могила)<sup>80</sup>, а бронзовые пластины для оковки сосудов, как уже отмечено в печати, входят в состав Бородинского клада и нескольких погребений срубной культуры в Поволжье — Быково I, Кременская I<sup>81</sup>. В Поднепровье они употреблялись и в сабатиновское время, о чем свидетельствуют не только погребения, но и находки бронзовых обкладок в комплексе Лобойковского клада<sup>82</sup>.

Особое место занимают погребения по р. Орель и Кильчени, выделяемые исследователями в маевский тип на основании ряда признаков<sup>83</sup>. С нашей точки зрения, они выделяются прежде всего концентрацией значительного количества срубов, являющихся здесь ведущим типом погребального сооружения, и относительной пышностью ритуала — это и само сооружение, и ритуальные площадки, и жертвоприношение животных, и др. Погребения во все или частью этих признаков встречаются на всей территории Нижнего Поднепровья как в срубах, так и в каменных гробницах. При этом они оставляют небольшой процент погребений, оставленных по-видимому, привилегированной частью древних коллективов. Погребения маевского типа для территории Приорелья явля-

<sup>80</sup> Никитин В. В. Указ. соч., с. 317.

<sup>81</sup> Огрощенко В. В. Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балка, 1938.

<sup>82</sup> Черных Е. Н. Древняя металлообработка Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 272.

<sup>83</sup> Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Маршак В. П. и др. Указ. соч., с. 83—85.

ются не столько социальным, сколько этнографическим показателем, хотя здесь есть и более простые захоронения с баночными и островерберными сосудами, выделяемыми исследователями как раннесрубные. Исследователи маевских курганов совершенно справедливо отмечают сложность обряда и керамического инвентаря, включающего элементы как культуры многоваликовой керамики (рис. 21, 3, 4), так и раннесрубные (рис. 21, 9) и андроновские (рис. 21, 5), и датируют их концом XVI—XV вв. На наш взгляд, сосуды позднемноговаликового типа из этих погребений совпадают с посудой поселения у с. Вовниги (рис. 29, 6, 9, 10), другие находят аналогии в комплексах поселений раннесабатиновского времени на Днепре (Михайловка, уроч. Криница) (рис. 35, 1, 2). Поэтому считаем возможным синхронизировать маевские погребения с вовнижскими и раннесабатиновскими памятниками.

Погребения сабатиновского времени. К этой группе отнесем погребения, которые сопровождаются широкооткрытыми сосудами с ровными или слабо профилированными стенками, иногда слабо выделенными высокорасположенными плечиками, низкими площадками и небольшими приземистыми горшками с закругленными стенками, украшенными под венчиком гладким или расчлененным валиком, а также сосудами этих же форм, но без орнамента. Особенно часто в погребениях встречаются невысокие сосуды в форме срезанного конуса. Эти погребения представлены в курганах и бескурганых могильниках.

Погребения в курганах встречаются как основные, так и впускные. Чаще размещаются в центре или в южной половине кургана, реже в северо-восточном секторе, почти не встречаются в северо-западном. Количество погребений в одном кургане от одного до пяти — десяти. Иногда они образуют

печетки ряды. Над некоторыми погребениями прослеживаются досыпки, в этом случае насыпь нередко приобретает удлиненную форму. Ямы в насыпях, если они не заложены камнями, как правило, не прослеживаются, ямы, углубленные ниже древней поверхности — обычно прямоугольные в плане, реже — овалы. Размеры их колеблются в пределах 1,2—1,7×0,5—1,3 м. В единичных погребениях оказались ямы, приближающиеся по форме к квадрату. В частности, впускная яма размером 1,2×1,4 м открыта в кургане 2 на о-ве Хортица. В ней оказалось захоронение женщины (?) с двумя детьми<sup>84</sup>. Квадратной формы ямы открыты в кургане 11-й группы «Острая Могила»<sup>85</sup>, почти квадратные ямы с заплечиками — у с. Нововладимировка<sup>86</sup> и др. Длина их стен составляет 1,4—1,6 м. Изредка, в основном для больших срубов, выкапывали ямы длиной до 2 м и более при глубине до 2,5—3 м.

Деревянные конструкции — срубы, перекрытия в виде двойного или одинарного наката, столбовые перекрытия — такие же, как и в предыдущий период. В значительной мере они связаны с основными погребениями в степных, удаленных от рек курганах.

Особенностью Надпорожья является широкое использование камня для погребальных сооружений, в наиболее частых случаях это каменные вымостки или заклады, в других — несколько каменных плит, перекрывающих яму с погребением, в третьих — это каменные гробницы или каменные ящики и в ряде случаев — кромлехи.

Каменные заклады в кургане над впускными погребениями эпохи поздней

<sup>84</sup> Каминский Ф. Т. Археологические раскопки на территории г. Запорожья в 1937 г.— Архив ИА АН УССР, ф. ИИМК, № 103.

<sup>85</sup> Ольговский С. Я., Полин С. В. Курганная группа «Острая могила». — КЮХ, с. 43.

<sup>86</sup> Фаборова-Давыдова Э. А. Указ. соч., с. 44—46.

бронзы бывают овалы, прямоугольные, иногда приближающиеся в плане к квадрату, при этом даже в одном кургане двух абсолютно одинаковых закладов не встречалось. Так, например, в кургане 3 могильника Кичкас II под каменной вымосткой в прямоугольной с закругленными углами яме оказалось женское погребение на левом боку, ориентированное к востоку — северо-востоку. У головы — удлиненно-конусовидной формы сосуд со слегка «стянутым» венчиком, орнаментированный у края венчика и у дна налпными валиками с насечками<sup>87</sup>. В этом же кургане находилось еще три погребения, из которых два с сосудами. Из них погребение «б» под вымосткой из 33 камней, в том же положении с руками у лица, но ориентированное головой к юго-востоку. У ног сосуд удлиненно-конусовидной формы, но без орнамента. По-видимому, к этому же времени относится и погребение, скорченное на левом боку, ориентированное на восток — северо-восток, перекрытое овалыной в плане каменной вымосткой. В насыпи в каменном ящике оказался сосуд в виде срезанного конуса с небольшой закрайкой у дна. Скелет не сохранился. По-видимому, все четыре погребения относятся к одной культурно-хронологической группе.

В большинстве погребений каменные скопления в курганах соответствуют форме и размеру ямы, которую они заполняли. В частности, у с. Привольное в кургане 3 погребения 2 и 3 заложены каменными холмиками размером 1,2×0,9 и 1,7×1,4 м. При этом в первом случае было положено 33, а во втором — 31 камень<sup>88</sup>, что совпадает с количеством камней в погребениях А и Б, кур-

<sup>87</sup> Гамченко С. С. Мої археологічні досліді р. 1928.— Архив ИА АН УССР, ф. Гамченко № 88, с. 10, 42—48.

<sup>88</sup> Гринченко В. Щоденник археологічних дослідів р. 1929.— Архив ИА УССР, ВУАК/Дн., № 53, с. 17—20.

ган 3 могильника Кичкас II. Может быть, в данном случае указанное число камней соответствует количеству родственников, присутствовавших на похоронах и бросивших свой камень (горсть земли) в могилу.

Как и в древнеямыных погребениях, известные погребения, перекрытые одной плитой (Вовниги, к. 1, п. 6)<sup>89</sup>, иногда большой плитой и несколькими маленькими камнями (Кичкас VI, к. 3, п. В)<sup>90</sup>. Имеется также значительная группа погребений, в которых обнаружено по несколько камней, перекрывавших лишь часть скелета (Вовниги 1931 г., п. 5)<sup>91</sup>. В некоторых случаях на ноги или у головы погребенного клали лишь по одному камню.

В курганах Надпорожья погребения, полностью или частично заложены камнями, а также в каменных ящиках составляют немногим менее половины всех учтенных здесь погребений позднего периода бронзы.

В курганах Нижнего Поднепровья погребения под каменными закладами или с отдельными камнями в погребениях встречаются сравнительно реже и составляют от 10 до 19% изученных погребений сабатиновского времени.

В грунтовых могильниках почти всегда погребения были под небольшими закладами, заложены камнями. В тех случаях, когда очертания ям удавалось проследить, установлено, что это были четырехугольные, с закругленными краями ямы глубиной 0,2—0,4 м от поверхности — о-в Сурской (I, 1; II, 4); балки Башмачка, Тягинка у с. Алексеевка, Дихайловка. Некоторые ямы были выдолблены в скале до глубины 0,3—0,5 м (Золотая Балка, 1955, 1/4; 1955, 5/6).

<sup>89</sup> Добровольский А. Розкопки могили в Вовниги.— Архив ИА АН УССР, ВУАК/Дн., № 87, с. 6.

<sup>90</sup> Смолицев П. Щоденник розкопів р. 1928.— Архив ИА АН УССР, ВУАК/Дн., № 24, с. 17—18.

<sup>91</sup> Добровольский А. Указ. соч., с. 5.

Изредка встречаются ямы под закладами глубиной до 1—1,30 м (Золотая Балка, 1951, п. 1; Гавриловка, п. 58, 75; Змеевка, п. 9). В одном случае (Гавриловка, п. 50) дно ямы было вымазано зеленой глиной. Никаких других деталей «благоустройства» могил проследить не удалось. В местах, где грунт был твердым, скалистым, покойником клали просто на скалу (о-в Сурской, п. 3).

Значительную часть погребений, синхронных сабатиновским поселениям, представляют погребения в каменных ящиках, расположенных как в курганах, так и в грунтовых могильниках, последние часто перекрыты каменными вымостками. Уже экспедицией Днепростроя, главным образом в Кичкасской группе, исследовано не менее 15 погребений позднего периода бронзы в каменных ящиках. Вильнянская экспедиция Института археологии АН УССР в 1968—1969 гг. на левом берегу р. Вильнянка открыла еще 30 каменных ящиков в курганах, которые относятся к сабатиновскому времени. Кроме того, в различное время в Надпорожье открыто около 15 погребений поздней бронзы в каменных гробницах под закладами и в плоских могильниках. Таким образом, в настоящее время в Надпорожье известно около 60 погребений в каменных ящиках, что составляет около 1/3 всех изученных здесь погребений сабатиновского времени. Относительно меньше погребений в каменных ящиках известно на территории Нижнего Поднепровья, в частности в районе Каховского водохранилища. Из хорошо документированных раскопок последних лет в Нижнем Поднепровье к сабатиновскому времени могут быть отнесены каменные ящики у пос. Днепрорудный Васильевского р-на Запорожской обл. (к. 3, п. 1; к. 9, п. 5; к. 10, п. 1 и 2)<sup>92</sup>, у

<sup>92</sup> Елагина Н. Г., Шкурко А. И. Указ. соч., с. 4—7, 9, рис. 13—15; Елагина Н. Г., Шкур-

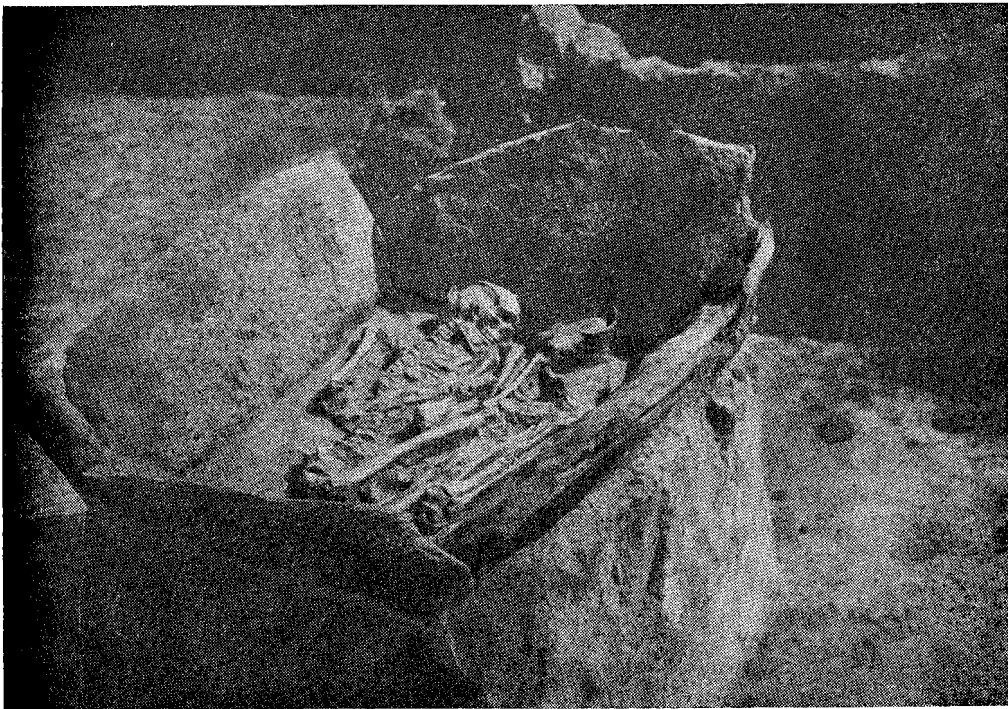


Рис. 22. Погребение в кургане у Гадочьей балки близ с. Привольное.

с. Любимовка близ Каховки (к. 27, п. 4) и у с. Вильна Украина (земли совхоза «Красный перекоп» — к. 17, п. 5; к. 13, п. 1)<sup>93</sup>, ряд погребений у с. Балка<sup>94</sup> и др. Погребения в каменных ящиках чаще бывают впускными в более ранние насыпи. Однако известны и основные погребения (Кичкас II, к. 1; Кичкас VII, к. 2; Вильногрушевка, к. 11, 14; Вильнянская группа, к. 14 и некоторые другие). Иногда с погребениями

в каменных ящиках связаны насыпки курганов и сооружения кромехов (Вильнянская группа, хут. Подпорожный, к. 2 и др.).

Наиболее распространенными являлись ящики прямоугольной формы, соответствующие форме и размерам прямоугольной ямы. Для их сооружения употребляли подпрямоугольные необработанные либо грубообработанные плиты. При этом, как правило, каждая торцовая стена состояла из одной плиты, продольные — из одной, чаще — из двух относительно подогнанных, поставленных на ребро плит. С внешней стороны их поддерживали меньшие плиты. Небольшие камни заполняли также промежутки в углах на месте соединения больших плит. В нескольких случаях исследователям удалось установить, что эти плиты были вкопаны в сне-

циально врытые ниже дна гробницы канавки, соответствующие толщине плит. Расстояние между стенкой ямы и плитой заполнялось землей. Кверху плиты обычно немного расходятся, так что размер гробницы вверху несколько превышает основание (рис. 22).

Основную по численности группу составляют ящики, длина которых колеблется от 1 до 1,6 м, ширина 0,6—1,3 м, высота 0,4—0,5 м.

Открыты совсем небольшие каменные ящики, предназначенные, по-видимому, для детских погребений (0,7×0,9×0,5—0,55 м при высоте 0,3—0,5 м). К этой группе, в частности, относятся оба каменных ящика из кургана 1, Кичкас II<sup>95</sup> и миниатюрный ящичек в могиле № 7 на участке А Днепростроя<sup>96</sup>.

Известно несколько больших гробниц (длиной до 2 м). В частности, к ним относятся погребение 1 в кургане 2 Вильнянской группы и погребение 1 в кургане 11 близ с. Вильногрушевка. По устройству большие гробницы не отличаются от обычных, за исключением погребения 1 в кургане 11, которая отличалась не только размерами (1,95×1,45×0,8 м), но и конструктивно. Основу стен ее составляли четыре гранитные плиты, поставленные на ребро. Все пространство между этими плитами заполнено камнями разной формы меньшего размера. Часть камней подпирала большие плиты с внешней стороны, над плитами торцовых стен мелкие камни образовывали три ряда кладки<sup>97</sup>. Таким образом, в определенной мере стены гробницы напоминали кладки стен жилищ и других сооружений на сабатиновских поселениях.

<sup>95</sup> Добровольский А. Звіт за археологічні дослід., 1927 р.—Збірник ДКАМ, с. 96—97.

<sup>96</sup> Смолічев П. Щоденник розкопів на Дніпроваводбуді 1930 р.—Архів ІА АН УРСР, ВУАК/Дн., № 74, рис. 6, 7.

<sup>97</sup> Телегин Д. Я., Брагченко С. Н., Смирнов С. В. Вильногрушевская курганная группа в Надпорожье, с. 116—118.

Особо отличается почти квадратный каменный ящик (2×2,1 м), открытый в кургане 1 у с. Балка с остатками трех последовательных сожжений<sup>98</sup>.

В Кичкасе II (к. 3) оказался каменный ящик неправильно шестиугольной формы, сложенный из шести плит, перекрытый двумя полукруглыми плитами, окруженными небольшими камнями<sup>99</sup>.

Второй многоугольный спаружи и овальный изнутри ящик открыт также в могильнике Кичкас II, в совершенно уникальном сооружении в виде аллеи длиной 11 м, образованной двумя параллельными рядами камней, расположенных примерно в 2 м друг от друга, и соединяющей два кургана (7 и 7а) с кромехами энеолитического времени и впускными погребениями эпохи поздней бронзы. Посредине, где эта аллея несколько расширялась, оказался неправильной формы семиугольный в плане ящик, состоящий из 16 небольших необработанных плит, поставленных на торец под стенками неглубокой ямы. Размер его 1,1×1 м. На дне находился небольшой горшок со слабо намеченным ребром, по которому нанесен ряд треугольных отпечатков (рис. 24, 25)<sup>100</sup>.

Как правило, каменные ящики перекрывали несколькими каменными плитами, часто двумя-тремя, из которых одна бывает крупнее остальных (иногда до 1,5—1,7 м). В отдельных случаях ящик, перекрытый большой плитой или несколькими плитами, забрасывали еще камнями меньшего размера.

В кургане 1 (Кичкас VII) исследованы два погребения в каменных ящиках овальной формы, соответствующих форме ям, в одном случае обставленных де-

<sup>98</sup> Отроценко В. В. Погребения с труносожжениями у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья, с. 178.

<sup>99</sup> Гамченко С. С. Указ. соч., с. 42—46.

<sup>100</sup> Гринченко В. Розкопки могильника на Кичкасі, с. 26—27.

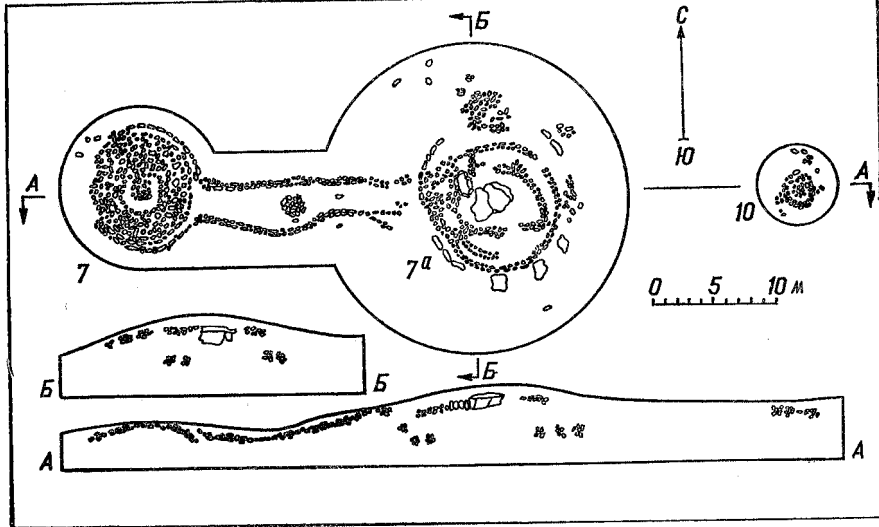


Рис. 23. План и разрез курганов 7 и 7а в могильнике Кичкас II.

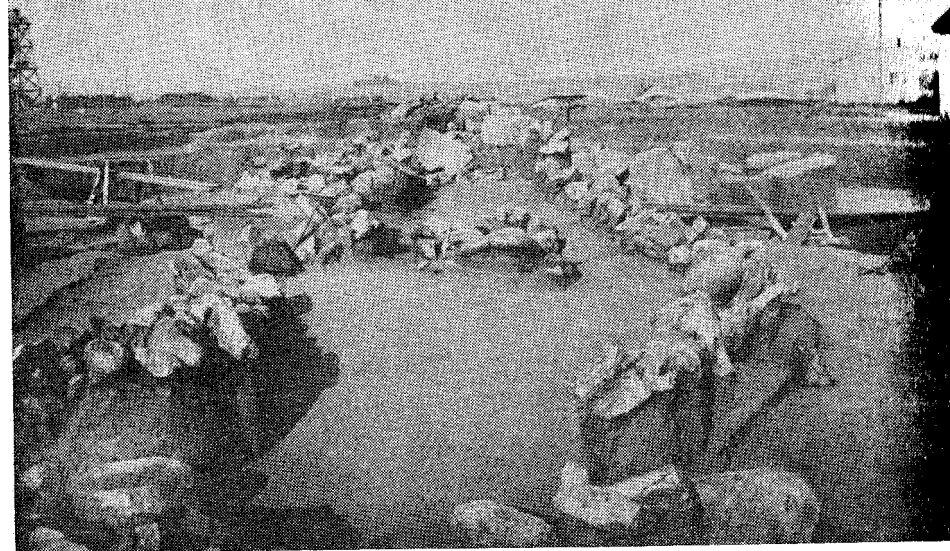


Рис. 24. Общий вид на аллею между курганами 7 и 7а в могильнике Кичкас II.

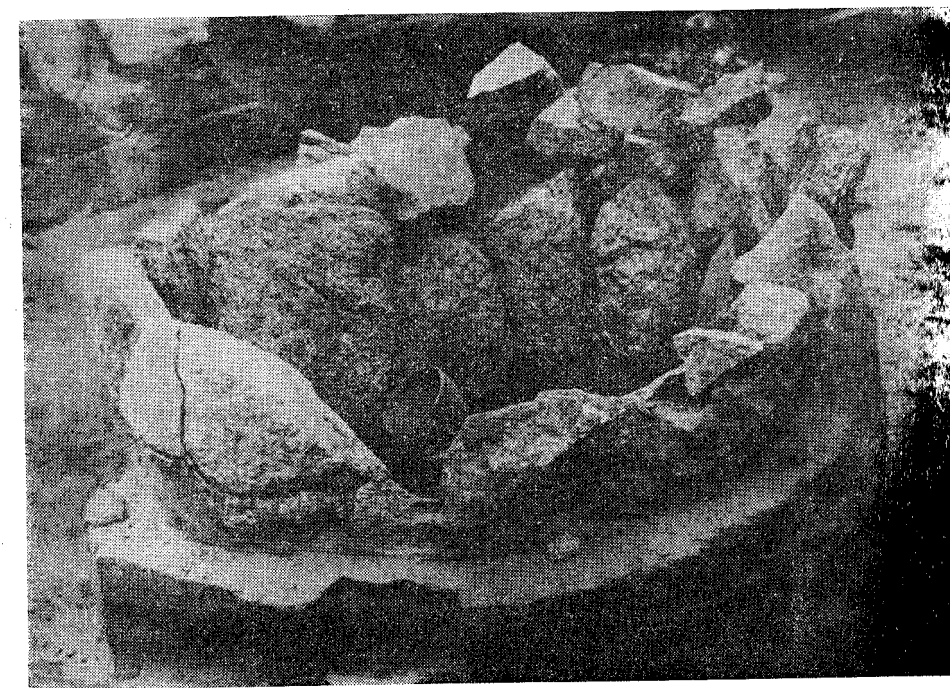


Рис. 25. Каменный ящик в аллее между курганами 7 и 7а в могильнике Кичкас II.

ситью, в другом — двенадцать плотно подогнанными плитами. Размер их  $1,37 \times 0,9$  и  $1,45 \times 0,8$  м<sup>101</sup>. Сверху ящики были заложены небольшими камнями. Перекрытие одного из них П. Смоличев предположительно реконструировал в виде ложного уступчатого свода. В балке Гадючая (гр. III у с. Привольного в Надпорожье) стены погребальной камеры ( $1,5 \times 1,2 \times 0,8$  м) были сложены из мелких камней, а перекрытие из плоских плит, возможно, было купольным. К моменту раскопок сохранился каменный холмик размером  $3,1 \times 2,7$  м и высотой 0,9 м с просевшей серединой<sup>102</sup>.

Каменные гробницы под закладами размещались либо на уровне древней поверхности, либо в небольших, неглубоких ямах (Михайловка, заклад 3)<sup>103</sup>.

По размерам и устройству они почти не отличаются от обычных прямоугольных ящиков в курганах. Поскольку они мало или совсем не углублены, то, чтобы не расплылись, их нередко укрепляли двумя-тремя рядами небольших камней, расположенных вокруг стен. Сверху ящики перекрывали двумя-тремя плитами, а чаще закладывали небольшими камнями так, чтобы ящик оказался в центре заклада, если он сооружался на пустом месте. Ящики, впущенные в ранние заклады, часто располагались и на краю вымостки (Кичкас XI, 10)<sup>104</sup>. Пол в ящиках обычно земляной и только изредка бывает вымощен камнем. В частности, в каменном ящике близ кургана 4 на участке II Днепростроя на дне положена большая плита ( $0,7 \times 0,6 \times 0,03$  м)<sup>105</sup>, в балке

<sup>101</sup> Смоличев П. Археологічні розкопки на території Дніпрельстану..., с. 204—205.

<sup>102</sup> Сап'ян Ф. Звіт про розкопки 1928 р.—Архив ИА АН УССР, ВУАК/Дн., № 21, с. 33—34.

<sup>103</sup> Лаводовская Е. Ф. Отчет о раскопках первого Михайловского поселения, с. 20—22.

<sup>104</sup> Смоличев П. Археологічні дослідження території Дніпрельстану в Кичкасі 1931 р., с. 19—21.

<sup>105</sup> Гринченко В. А. Щоденник розкопок 1930 р.—Архив ИА АН УССР, ВУАК/Дн., № 73, с. 18—19.

пустинной пол ящика вымощен тремя крупными и тремя мелкими камнями<sup>106</sup>.

Каменные гробницы в эпоху поздней бронзы распространены на довольно большой территории Приазово-Причерноморских степей от Северского Донца до Дуная. Но только в Поднепровье и окрестностях Днепра и Днестра обычай укрывать каменные гробницы, крошки и каменные перекрытия могил имеет древние традиции, сохранившиеся эпохи энеолита — от памятников типа Черного слоя Михайловки, кеми-обинской и древнеямной культур. Попутно отметим, что на территории, занятой южной культурой, в Поволжье этот обычай не известен ни срубным племенам, ни их предшественникам.

**Положение погребенных.** Захоронения преимущественно одиночные. Преобладает сильно изогнутое положение на левом боку, погребения на правом боку не превышают 10%. Ноги согнуты под острым углом в коленях и под острым углом к корпусу. Единичны случаи сгибания скорченности ног. Руки обычно согнуты в локтях, кисти рук — у лица либо перед грудью, иногда положение различное: кисть одной — у лица, вторая — перед грудью или у колен. Ориентация преобладает восточная с отклонением к северо- и юго-востоку. Единичные случаи ориентации северной, северо-западной, западной и юго-западной.

В одном случае на участке А Днепропетровск, между курганами, случайно обнаружено погребение в грунтовой яме под камнями (могила № 30). Погребенный находился в сидячем положении лицом на юго-запад. Сзади стоял горшок с напечатанным расчлененным насечками валиком под венчиком и прочерченным орнаментом на плечиках.

<sup>106</sup> *Бодянский О. В.* Відчит за археологічні дані 1951 р.— Архив ИА АН УССР, ф. э. 196, с. 43—44.

Отдельные погребения совершены на спине с согнутыми в коленях ногами (Михайловка, заклад 1; Гавриловка, п. 50) либо в вытянутом положении (о-в Виноградный, п. 29).

Парные погребения встречаются редко (Кичкас А, к. 2, п. а; Марьинское, к. 2, п. 3; Усть-Каменка, к. 1, п. 10—11). В двух первых случаях погребенные положены одинаково на левом боку, в третьем — лицом друг к другу.

В нескольких погребениях вместо черепов стояли сосуды (Кичкас I, к. 11; Алешки, 1903, к. 1, п. 3). Вместе с тем известны отдельные захоронения черепов (Игрень, к. 1; Привольное, к. 5, п. 4 и др.). В ряде погребений отсутствовали кисти рук, однако трудно определить, связано ли это с особым ритуалом или объясняется просто плохой сохранностью погребений.

Известны случаи расчлененных захоронений. Так, в Усть-Каменке (к. 1, п. 2) несколько детских костей рук и ног были сложены в кучу, сверху которой находился разбитый череп, а рядом сосуд в форме срезанного конуса. Вторичным было и основное погребение (к. 4, гр. «Острая могила» у с. Широкого)<sup>107</sup>.

Отдельные захоронения совершены по обряду кремации. Из них к сабатиновскому времени относим упомянутое выше погребение с сожжением на месте захоронения в группе «Рясные могилы» (к. 1, п. 1—3 у с. Балка)<sup>108</sup>; два сожжения, совершенные на уровне древнего горизонта у с. Орехово Днепропетровской обл. (к. 2, п. 1; к. 4); одно в насыпи у хут. Хмельницкий южнее Никополя (к. 2, п. 1)<sup>109</sup>. К этому же времени относим и погребение у Днепро-

<sup>107</sup> *Ольговский С. Я., Полин С. В.* Указ. соч., с. 39, 41.

<sup>108</sup> *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением..., с. 178—180.

<sup>109</sup> *Костюченко И. И.* Могилиники эпохи бронзы поблизу хут. Хмельницкого.— АП, т. 9, с. 91, табл. 1, I.

петровского (п. 5, к. 18) с обожженным скелетом в скорченном положении на левом боку, головой к востоку, перекрытое золистой прослойкой, и сожжение в каменном ящике из балки Капустина близ с. Петрово-Свистуново в Надпорожье. Среди каменных закладов, расположенных на левом мысе балки, обнаружен каменный ящик, на дне которого находились оплакованная глина, кальцинированные кости человека, сажа. Следы огня заметны и на сеньках гробницы. По всей вероятности, сожжение произведено в гробнице. Хотя инвентаря в ней не оказалось, но по размерам и устройству ящика А. В. Бодянский, исследовавший это погребение, относит его к поздней бронзе<sup>110</sup>.

Открыто также несколько погребений с сожжениями на стороне у с. Широкого (группа «Острая могила», к. 11, п. 4)<sup>111</sup>, у с. Бабенково (к. 1, п. 27) на юге Херсонской обл., у с. Танковое близ Краснопереконьска (к. 9, п. 2)<sup>112</sup> и др.

В целом погребения с сожжениями составляют не более 1%. Появление этого обряда в Поднепровье, как отмечают исследователи, связано со срубно-андроновскими проникновениями и влияниями<sup>113</sup>, хотя некоторые проявления этого обряда могут быть объяснены и другими связями. Так, погребения 18, 19 у хут. Компанийцы, где сосуды использованы в качестве урн, очень близки к бескурганному сожжению в восточно-тишинецкой культуры (Вишенки, Новая Украинка и др.)<sup>114</sup> и, возможно,

<sup>110</sup> *Бодянский О.* Указ. соч., с. 43—44.

<sup>111</sup> *Ольговский С. Я., Полин С. В.* Указ. соч., с. 44.

<sup>112</sup> *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Указ. соч., с. 54, 89—91.

<sup>113</sup> Там же, с. 55; *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением..., с. 185; *Ковальченко И. Ф., Волковой С. С.* Масвский локальный вариант..., с. 21.

<sup>114</sup> *Мазно Е. В., Шарафутдинова И. Н.* Указ. соч., с. 76; *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. К., 1972, с. 88—71.

объясняются контактами с северными соседями.

**Инвентарь.** Кроме керамики в погребениях встречаются костяные пряжки с двумя отверстиями, чаще овальные, с выступающим бортиком вокруг большого центрального отверстия. Большинство находок оказалось в области пояса. В нескольких погребениях такие пряжки найдены вместе с баночными сосудами.

В трех погребениях находились костяные пряслица (Михайловка, заклад 1; Виноградный (рис. 17, 7), п. 10; Гадюча балка у с. Привольное, заклад 9). В двух обнаружены костяные рукоятки из полой внутри кости, украшенные резьбой (Привольное, балка Криничка, к. 6; Вильногрушевка, к. 8, п. 2). Находки из другого материала в могилах встречаются крайне редко. Из каменных изделий интересна находка булавы сферической формы (участок А Днепропетровск, к. 3, п. е). На исследуемой территории булавы обычны в погребениях катакомбной культуры. В Поволжье они достаточно распространены в памятниках срубной культуры, в частности в группе Быково I (к. 1, п. 1)<sup>115</sup>, в Бережновка II и др., где датируются в пределах II тысячелетия до н. э.

Металлические изделия в погребениях встречаются довольно редко — это пилюля, иглы, ножи. Бронзовые иглы с ушком найдены в Бабенково (к. 1, п. 5), Широком (гр. III, к. 19, п. 1)<sup>116</sup>, в Верхней Маевке (гр. II, к. 3, п. 2). В одном погребении (Кичкас, гр. XVI, к. 1) у левого виска сохранилось серебряное колечко, диаметр которого 1,6—

<sup>115</sup> *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78, с. 173—174, рис. 1, 5; *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.— Там же, с. 152—153.

<sup>116</sup> *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Указ. соч., с. 77, рис. 24, II; *Черненко Е. В.* Курганный тип Широкого III.— КЮХ, с. 33, рис. 6, I.

1,7 см. За последнее десятилетие в курганных погребениях найден ряд ножей, пока еще не опубликованных. С сосудами сабатиновского времени известны листовидные ножи (Красный Перекоп, к. 3, п. 1) и Новокаменка (к. 3, п. 5) около Каховки. Возможно, в сабатиновское время продолжают бывать и некоторые виды ножей с четко выраженным ромбическим расширением на рукояти.

Достаточно часты в погребениях находки астроголов овцы (по три — у Нижнего Рогачика, к. 1, п. 8 и в п. 76 на о-ве Виноградный, восемь — в п. 5 в балке Жучая, 28 — в каменном ящике в балке Круглик у с. Федоровка и т. п.) или быка (Кичкас II, к. 7, п. а). Иногда астроголы бывают просверлены, как в Золотой Балке (1955, заклады 1 и 4).

В нескольких погребениях оказались речные раковины (гр. «Серко», 1945, к. 2, п. 1; Никопольстрой, 1938—1939, к. 1, п. 5; Гавриловка, к. 1, п. 10 и др.)

Охра в погребениях встречается сравнительно редко (не более 6% могил), всегда в незначительном количестве, обычно на черепе, кистях или ступнях.

Около 10% погребений содержали остатки напуганной пищи, положенной перед лицом, у головы, реже — за спиной или у ног. Чаще всего определяются кости и черепа овцы, коня, быка, редко — козы. Черепа крупных домашних животных нередко находят на перекрытиях, в насыпях, на месте тризны на уровне древнего горизонта. Черепа быка найдены на Игрени (к. 1 и могильник Игрень 8 в балке Жучей).

Погребения белозерского времени. Самую позднюю группу составляют погребения, в которых обнаружены тонкостенные сосуды типа кубков и черпаков, горшки с низко расположенным валиком, ножи-кинжалы с параллельными лезвиями, височные S-овидные кольца и некоторые другие предметы.

Это основные погребения в грунтовых ямах под курганами, впускные в насыпях более ранних курганов и главным образом в бескурганных могильниках. Основные погребения в больших грунтовых ямах отличаются не только размерами (3—3,20×2,75×3 м), но и устройством ям, а также инвентарем, как правило, более богатым и характерным. Насыпи обычно небольшие, в настоящее время от них чаще сохраняются лишь пятна.

Одно из таких погребений исследовано в 1924 г. В. И. Гошкевичем у с. Лукьяновка близ Каховки. В центре небольшого кургана высотой около 1 м оказалась просторная прямоугольная яма (3,1×2,75×1 м), перекрытая накатом из сосновых колод. В ней находилось погребение молодой женщины в вытянутом положении на спине, с согнутыми в коленях ногами, ориентированное головой к востоку. Сохранились ожерелье из янтарных и синих пастовых бусин, бронзовая смычковая фибула, четыре бронзовые ворварки и маленький горшочек приплюснуто-грушевидного профиля, украшенный по корпусу налепами<sup>117</sup> (рис. 26, 6—9).

Основным оказалось погребение 2 в кургане 6 близ Первомаевки. Под центром небольшой, сильно распаханной насыпи обнаружена яма (3×2,7, глубиной 0,7 м) с остатками погребения в скорченном положении на левом боку, головой ориентированного к югу. Ноги были согнуты под прямым углом к туловищу, руки согнуты в локтях, кисти — перед лицом. За спиной была положена напуганная пища, от которой сохранились ребра быка и небольшой бронзовый нож-кинжал с параллельным лезвием.

В первомаевской группе курганов обнаружено еще 12 впускных погребений, относящихся к этому времени.

<sup>117</sup> Фабрициус I. ЛХМ, 1927, вып. 8, с. 8—9, рис. 6, 7.

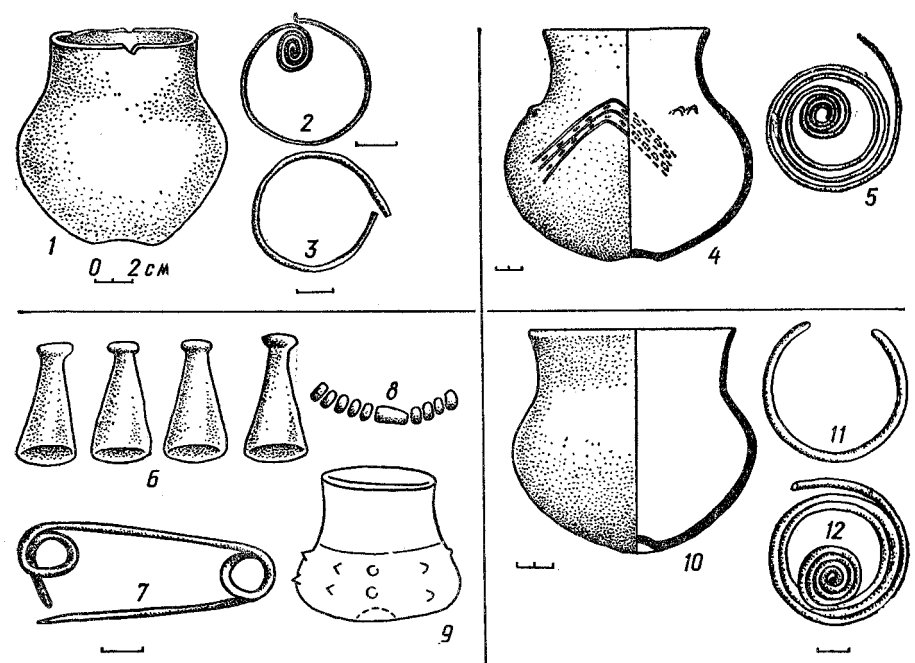


Рис. 26. Инвентарь погребений:

1—3 — Кичкас, участок А, погребение 35; 4, 5 — Компанийцы, погребение 1; 6—9 — Лукьяновка; 10—12 — Игрень.

Несколько из них были впущены в курган 2<sup>118</sup>. Для них характерны юго-западная и южная ориентация, скорченное положение на правом и левом боках, но встречаются и с завалом на грудь (п. 4), и на спине, с ногами, упавшими влево (5). Часто кисти одной руки находилась у таза. При трех скелетах не оказалось черепов. Инвентарь: цилиндрический кубок, грушевидный сосуд, кухонный сосуд с валиком на плечиках, бусы из кости, камня, спиралька из проволоочки, астрагалы. Таким образом, эти погребения составляют небольшую могильник.

На участке А Днепростроя под едва заметной насыпью (могила 35) П. Смо-

личев обнаружил скорченное погребение на левом боку, ориентированное головой на восток. Левая рука согнута в локте, кисть — на правой половине груди. Ниже бедренных костей — раздвоенный сосуд грушевидной формы с выемкой посредине приплюснутого донышка. У черепа — височные кольца. У одного обломанные концы слезной заходят друг за друга, у второго интентриальный конец скручен в спираль из четырех витков, наружный обломок (рис. 26, 2, 3). В разных местах этого могильника найдено несколько сосудов по-видимому, из разрушенных погребений, в том числе кубок низких пропорций и высокий грушевидный с проглаженными косыми линиями на корпусе<sup>119</sup>.

<sup>118</sup> Іллінська В. А., Кошпащенко Г. Т., Петровська Е. О. Розкопки поблизу Первомаївки. — АП, т. 9, с. 138.

<sup>119</sup> Смолічев П. Наукові дослідження території Дніпрозаводбуду 1930 р., с. 31, 57.

Сложная конструкция погребальной камеры прослежена Н. И. Веселовским в кургане Широкий близ с. Малая Лепетиха. Под насыпью в 9,6 м высотой обнаружена почти квадратная яма (3,04×3,09×3,21 м) глубиной около 2 м. Выкопанные вдоль стенок канавки шириной 0,25 м окружали возвышающуюся площадку. По углам сохранились два углубления как бы от столбов, хоть и без следов дерева. В одном из них найден бронзовый нож с параллельными лезвиями. В восточной части площадки оказались разбросанные кости человека и железный кинжал с бронзовым насадом и круглым упором. Яму перекрывал накат из больших бревен (длиной до 15 м). Очевидно, на уровне древнего горизонта вокруг этой могилы был сооружен кромлех.

В южной части кургана рядом с кладкой кромлеха оказалась квадратная яма тоже большого размера со сторонами по 4,25 м и глубиной 0,7 м. Стены ее обставлены обгорелыми деревянными плахами. К сожалению, больше ничего в этой яме не обнаружено<sup>120</sup>.

Прекрасный могильник из 13 курганов высотой от 0,7 до 3,2 м исследован Запорожской экспедицией на землях совхоза «Степной» близ Каменки-Днепровской в 1972 г.<sup>121</sup> В них оказалось 14 погребений с разнообразным устройством могил. Различаются большие ямы от 3,65×3,2 до 2,3×2,4 м со сложными конструкциями с широкими канавками вдоль стен и возвышающейся площадкой по центру. Как отмечает В. В. Отрощенко, над этой площадкой сооружали специальный навес на четырех столбах. Стены ям на всю высоту были обставлены досками, вкопанными в специальные канавки. Площадки перекрывали плетеными циновками и настилом

<sup>120</sup> Сообщения ИГАИМК, 1926, т. 1, с. 200—202.

<sup>121</sup> Отрощенко В. В. Новый курганный могильник белозерского времени. — В кн.: Скифский мир. К., 1975, с. 193—206.

из тщательно обработанных досок. Ямы были перекрыты накатом из длинных бревен, концы которых далеко заходили за края ямы. В некоторых накат опирался на поперечные балки. Под накатом и на нем сохранились камышевые циновки. Устройство этих ям напоминает и дополняет наши представления о Широком кургане.

В меньших курганах малые ямы устроены проще, хотя в ряде случаев сохраняют детали устройства больших — возвышающиеся площадки и углубленные канавки с ямами для столбов, поддерживающих навес, и пр. Перекрытие их обычно состояло из деревянных планок и циновки или просто из камыша. К сожалению, почти все могилы оказались ограбленными. Сохранившиеся захоронения свидетельствуют о южной ориентации, скорченном положении погребенных на левом и правом боках, кисти перед лицом. Инвентарь, оставшийся после грабителей, составляют лощенные кубки с высокими шейками, обломок кухонного горшка, использованного в качестве жаровни, колоколовидные подвески, браслет с заходящими концами, булавка со свернутой головкой, арочная фибула, разнообразные бусы и кинжал с железным лезвием и бронзовой рукоятью. В. В. Отрощенко с основанием считает, что это могильник родоплеменной знати.

Еще два могильника (шесть курганов) исследованы И. Д. Ратнером в 1962 г. у пос. Каланчак на Херсонщине. Материал не опубликован, находится в Херсонском музее. В 1963 г. близ Каланчака в разрушенном кургане обнаружено около десяти погребений в вытянутом положении, головой к западу. При одном из них найден цилиндрический сосуд, при другом — бронзовый кинжал с параллельными лезвиями<sup>122</sup>.

<sup>122</sup> Щепинский А. А., Черепанова Е. И. Северное Присивашье, с. 55—56.

Отдельные \* впускные погребения в кубками неоднократно встречались в курганах. В частности, в 1928 г. в балке Гадючая близ с. Привольное в каменном закладе обнаружено скорченное на правом боку погребение, ориентированное на северо-запад. При нем низкий кубок, украшенный группами проглаженных линий<sup>123</sup>.

В могильнике Кичкас II (к. 9, п. д.) при плохо сохранившемся костяке, ориентированном на восток, около черепа находился грушевидный сосуд с насечками по выступу. Представляет большой интерес в этом кургане и погребение С, тоже впускное, скорченное на левом боку, головой к юго-востоку. За спиной находился железный предмет, видимо, нож<sup>124</sup>.

К числу поздних погребений принадлежит и погребение 10 в к. 3 (1939 г.) на Никопольском курганном поле. В длинной узкой яме похоронена женщина в вытянутом положении, головой на запад — северо-запад. У головы стоял сосуд вытянутых пропорций с рядом пальцевых отпечатков на корпусе<sup>125</sup>.

К белозерскому времени относится и ряд погребений в грунтовых могильниках. В их числе могильник в балке Круглик у с. Федоровка, где часть погребений заложена камнями. А. В. Бодянский собрал здесь коллекцию черпачков, но только в одном случае удалось установить, что погребение было вытянутым и ориентированным на юго-запад<sup>126</sup>. Грунтовый могильник этого времени открыт А. В. Бодянским у с. Марников с. Волошское. Исследованы три погребения. От первого, детского,

<sup>123</sup> Гринченко В. Д. Щоденник розкопів на правому березі Дніпра..., с. 38.

<sup>124</sup> Сапьян Ф. Указ. соч., с. 4.

<sup>125</sup> Кривцова-Гракова О. А. Погребения бронзового века..., с. 30, рис. 15, 5.

<sup>126</sup> Бодянский О. В. Розкопки Мар'ївського Федорівського могильників у Надпоріжжі. — АП, 1956, т. 6, с. 181—182.

сохранились только череп и небольшой черпачок с петельчатой ручкой. Можно предполагать, что скелет ориентирован на юго-запад. В нескольких метрах от него находились остатки второго, тоже разрушенного погребения, возможно, в вытянутом положении, ориентированного головой на запад. Вблизи от лицевых костей черепа стоял черпачок<sup>127</sup>.

В 50—60-е годы А. В. Бодянский открыл несколько погребений на п-ове Игрень. Одно находилось к северу от старого кладбища. Погребенный был положен на спину с подогнутыми ногами, головой к западу. У головы поставлен небольшой черпак. Этот пункт им обозначен Подкова 2<sup>128</sup>.

В 200 м к югу от этого погребения в 1954 г. им доисследованы два разрушенных погребения, при одном из которых найдены черпачок и два S-овидных кольца из бронзовой проволоки<sup>129</sup>. Позже А. В. Бодянский передал еще кубок и два височных кольца из следующего разрушавшегося здесь погребения (Подкова 3) (рис. 26, 10—11). Из одиночных грунтовых погребений этого времени нельзя не назвать сильно скорченное погребение, ориентированное к югу, под каменным закладом в Золотой Балке<sup>130</sup>. Около него найдены спиральная подвеска, кольцо из пластинки и пуговица с петлей.

По-видимому, к этому времени относятся еще два погребения из бескурганного могильника на о-ве Виноградный.

<sup>127</sup> Бодянский О. В. Щоденник археологічних розвідкових дослідів в Надпоріжжі на 1954 р. — Архив ИА АН УССР, ф. з. № 2180, с. 59—70.

<sup>128</sup> Бодянский О. В. Коротке повідомлення за археологічні дослідів в Надпоріжжі на 1950 р. — Архив ИА АН УССР, ф. з. № 1149, с. 14.

<sup>129</sup> Бодянский О. В. Щоденник археологічних розвідкових дослідів у Надпоріжжі на 1954 р., с. 154—155.

<sup>130</sup> Добровольський А. В. Розкопки ділянок А, Г та могильника Золотобалківського поселення, с. 165, табл. 5.

Это погребение 29, вытянутое на спине, кисти рук — в области таза, ориентировано на юг — юго-запад. В сосуде с валиком у венчика оказался обломок челюсти животного. Погребение 76 тоже в вытянутом положении на спине, ориентировано головой к северо-западу и с широко открытым слабо профилированным горшком около головы (рис. 17, 5)<sup>131</sup>. Возможно, что к этому же времени относится и погребение в каменном ящике вблизи кургана 4 на участке А Днепростроя. Сохранились челюсть коня, бронзовая подвеска-колечко диаметром 1,7 см, пластинка, скрученная в трубочку, и слабо профилированный горшочек с орнаментом в виде зигзага на низких плечиках<sup>132</sup>.

В Днепрорыве лучше других известен грунтовый могильник в Компанийцах. Е. В. Махно открыла здесь 17 погребений белозерского времени<sup>133</sup>. Песчаная почва и неглубокое залегание погребений позволили проследить остатки костей только в девяти случаях. Все сохранившиеся погребения скорчены на правом боку. Ориентация различна — от северной и северо-западной до южной. Инвентарь: одиннадцать кубков и черпаков, три кухонных сосуда, пара височных колец (рис. 26, 4, 5, 27). Необходимо отметить, что единственное погребение с пожом, оселком и сосудом находилось под едва заметной насыпью.

Открытый и исследованный в 60-е годы А. В. Бодянским большой бескурганый могильник на левом берегу Днепра у пос. Верхняя Хортица еще не опубликован.

К этому кругу принадлежит полностью исследованный могильник у

с. Широко под Скадовском (130 погребений), раскопки которого в 1961—1963 гг. провел А. М. Лесков. Памятник замечателен культурным и хронологическим единством при обилии и разнообразии инвентаря, представляющего все типы вещей, открытых в описанных могильниках<sup>134</sup>.

В отличие от предыдущих в этой, наиболее поздней группе погребений заметно преобладает южная, юго-западная и западная ориентация погребенных, хотя встречаются погребения, ориентированные к северо-западу, северо-востоку и востоку. Наряду со скорченным положением (чаще на правом боку) имеется ряд захоронений на спине в вытянутом положении. Преобладают погребения в плоских могильниках и под небольшими насыпями, редко впускные в древние курганы. По-видимому, только для знатных и особо почетных членов общества сооружали отдельные курганы и курганные могильники.

Керамический инвентарь представлен в основном столовой посудой, известной как по поселению Сабатиновка, так и в более поздних комплексах — Змеевка, Ушкала II, Деревивка, балка Демская и др. Материал из Компанийцев почти полностью совпадает с керамикой из Деревивки. Очень редко в могилу ставили кухонную посуду. Горшки, украшенные валиком на плечиках, встречаются в считанных погребениях (Первомаевка, к. 5, п. 1; Днепрорудный, к. 2, п. 10; Кичкас II, к. 1; Степной, к. 10, п. 2). В последнем могильнике это единственная находка фрагмента кухонного сосуда, использованного в качестве жаровни. Немного находок и баночных горшков. В частности, по подсчетам А. М. Лескова, в Широчанском могильнике оказалось

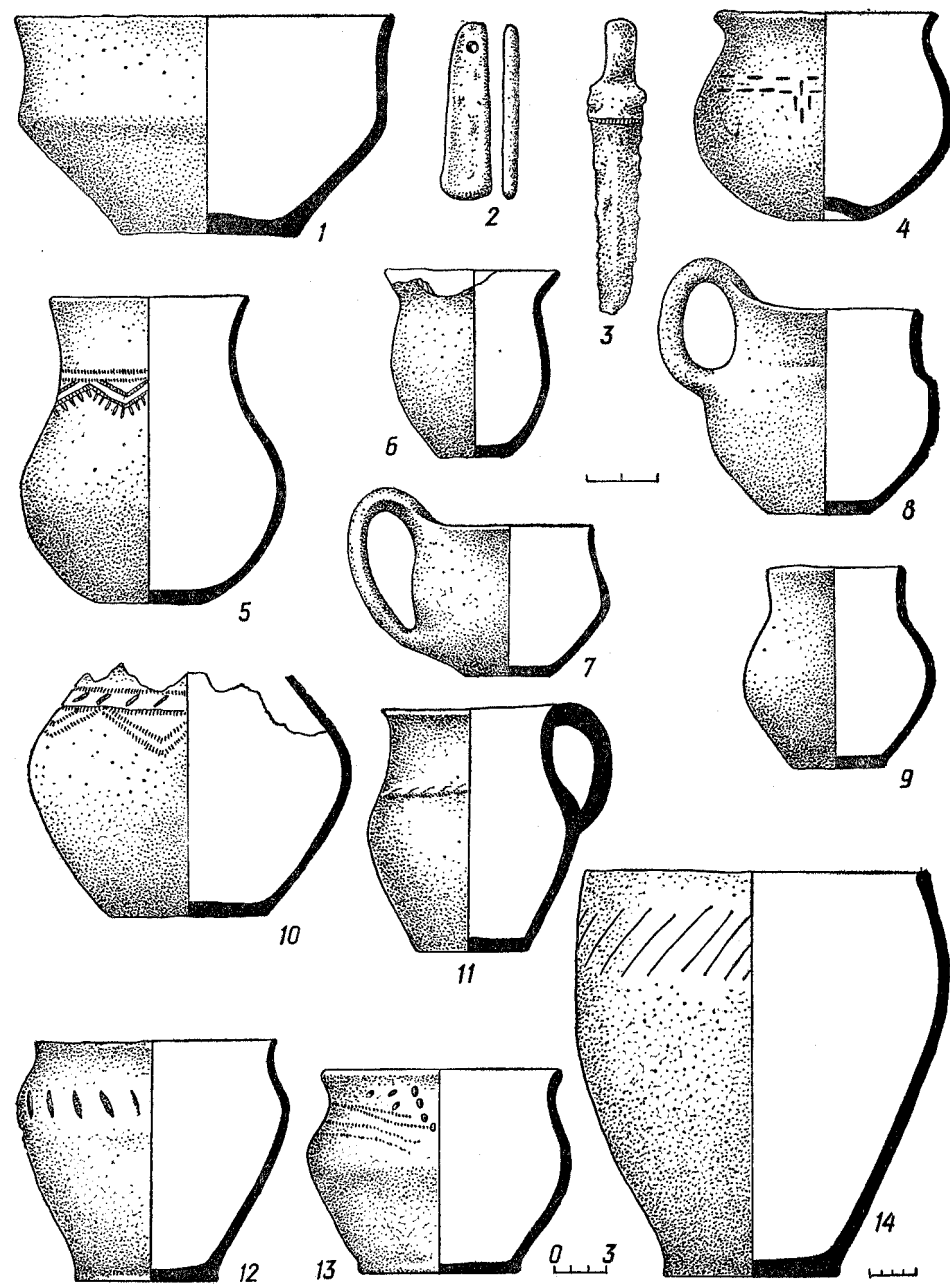


Рис. 27. Инвентарь погребений у хут. Компанийцы:

1-3 — погребение 8; 4 — погребение 3; 5-7 — погребение 6; 8, 9 — погребение 10; 10 — погребение 2; 11 — погребение 9; 12 — погребение 19; 13 — погребение 18; 14 — погребение 7.

<sup>131</sup> Добровольский А. В. Опис поховань на о-ві Виноградному.— Архив ИА АН УССР, ВУАК/Дн., № 61-6.

<sup>132</sup> Гринченко В. А. Щоденник розкопок на Дніпрозаводбуді 1930 р., с. 18—19.

<sup>133</sup> Махно Е. В., Шарафудінова І. М. Указ. соч., с. 60—70.

<sup>134</sup> Лесков А. М. Предскифський період в степях Северного Причорномор'я.— МІА, 1971, № 116, с. 76; Лесков А. М. Предскифський період на Юге України, с. 21—22.



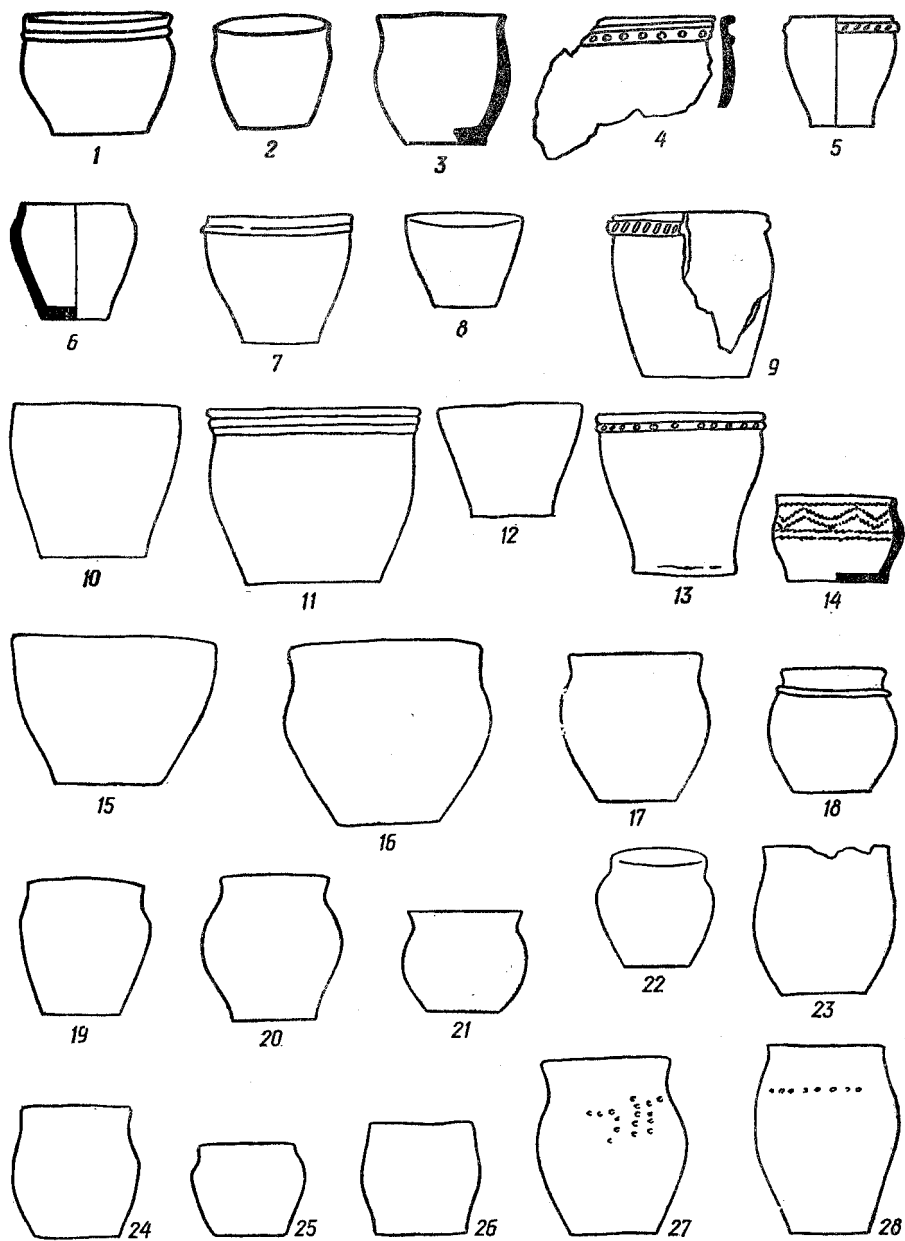


Рис. 28. Кухонная посуда из сабаатиновских погребений (1—16) и белозерского могильника у с. Широкое (17—28):

1, 2 — Гавриловка, погребение 76; 3, 4 — Гавриловка, погребения 7, 10; 5, 6 — Широкое, курган 4, погребение 2; 7, 8 — Красный Перекоп, курган 17, погребение 5; 9, 10 — Новочерноморье, курган 12, погребение 3; 11, 12 — Новочерноморье, курган 8, погребение 3; 13, 14 — Томаковка; 15, 16 — Вильянка, курган 17, погребение 8; 17—28 — Широкое.

67 столовых сосудов и 15 простых, кухонных (рис. 28, 17—28)<sup>135</sup>.

Кинжалы с параллельными лезвиями также позволяют синхронизировать эти погребения с поселениями Деревка, Змеевка, Кишинев и мастерскими у Завадовки и Кардашинки, что неоднократно отмечали А. И. Мелюкова, А. И. Тереножкин, А. М. Лесков и другие исследователи.

Височные кольца из погребений Игрени, Кичкаса и Компанийцев аналогичны находкам на познесабатиновских поселениях у хут. Гай<sup>136</sup>, в белогрудовском зольнике в Собковке, в могильнике у с. Белый Камень<sup>137</sup> и других памятниках, которые датируются XII—IX вв. до н. э.

Исключительный интерес в связи с рассмотренными погребениями представляют погребения в курганах и бескурганых могильниках Румынии (Стоканы, Валя Лупулуй и Холбок), сопровождаемых баночными сосудами и черпаками с петельчатыми ручками. Черпаки по форме и петельчатым ручкам без выступа очень близки, с одной стороны, таким же сосудам из поселений и могильников культуры Ноа — в Трушешти-Цугуета, Старых Бедражих и, с другой — посуде сабаатиновских поселений — Сабаатиновка, Анатолевка и бескурганых могильников Поднепровья — Федоровка, Волошское, Компанийцы, Широкое. Если названные памятники культуры Ноа датируются XIII—XII вв. до н. э., то рассмотренная группа погребений и могильников — не ранее XI в. до н. э. Следовательно, и обряд и инвентарь

испытали значительное влияние культуры Ноа.

Погребения на поселениях составляют отдельную группу, связанную с особыми культурами и обрядами. В зависимости от места и условий захоронения различаются погребения, расположенные: под основаниями стен и внутри жилищ либо непосредственно примыкающие к постройкам; на незастроенных участках между жилищами; в групповых могильниках, примыкающих к поселению.

На поселении Вовниги, в уроч. Сколи Диденка, на площади многокамерного сооружения, между помещениями 2 и 4 обнаружена каменная вымостка, перекрывавшая два прямоугольных ящика. В одном из них находились остатки человека в сильно скорченном положении, ориентированного головой к востоку, в другом — череп собаки<sup>138</sup>.

На о-ве Дубовый к обширному двухкамерному помещению примыкала каменная вымостка, перекрывавшая захоронение в скорченном положении с баночным сосудом такого же типа, как и находки из слоя поселения<sup>139</sup>.

В обоих случаях погребальные сооружения конструктивно связаны с жилищными постройками, что свидетельствует об их одновременности.

В Змеевке под стенами многократного сооружения (раскоп 3) оказалось два погребения. Одно — под фундаментом южной (внешней) стены помещения 3, совершенно на спине, согнутое в коленях ноги упали в разные стороны, локти сильно отведены от корпуса. Кистей и ступней нет. От черепа, ориентированного на юг — юго-запад, сохранилась только нижняя часть. Другое находилось у северного угла помещения 4 этого же комплекса, с наружной

<sup>135</sup> Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века на Юге Украины, с. 22.

<sup>136</sup> Телегин Д. Я., Махно Е. В., Шарафугдина И. Н. Указ. соч., с. 21—24.

<sup>137</sup> Березанская С. С., Тигенко Г. Т. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. — Археологія, т. 9, с. 125, рис. 3, 4; Макаревич М. Л. Археологічні дослідження в с. Білий Камінь. — В кн.: Трипільська культура. К., 1941, с. 466, рис. 28.

<sup>138</sup> Спаский І. Ю. Розкопки кам'яного спорудження коло скелі Діденка, с. 6—7.

<sup>139</sup> Яворницький Д. І. Коротко звіт про археологічні праці в 1931 р. — Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК/Д., № 127, с. 4.

сторони. Пожилой человек небольшого роста был положен на правом боку, головой к востоку. Колени касались подбородка. Кисти и ступни поломаны, возможно, умышленно. Еще одно скорченное погребение находилось под северной стеной небольшого помещения на раскопе 2<sup>140</sup>. Эти погребения совершены до постройки сооружений и, вероятно, являются строительной жертвой.

Далеким отголоском жертвоприношений, по-видимому, являются легенды, связанные с закладкой и сооружением позднесредневековых крепостей.

Известны погребения внутри жилищ. Такое скорченное на правом боку погребение, ориентированное на восток — северо-восток, обнаружено в восточной камере на о-ве Хортица. У ног погребенного находились кости овцы, а за спиной в 0,5 м от скелета — два обломка неорнаментированных стенок сосуда<sup>141</sup>. Последние, вероятнее всего, попали с заполнения помещения. По наблюдениям П. Смолечева, погребение совершено позже сооружения жилища, по трудно установить, было ли оно обитаемо в момент захоронения.

Погребения в жилищах сабатиновских поселений известны и на соседних территориях, в частности, нам приходилось исследовать такие захоронения в Новорозановке на Ингуле и в Степном на Южном Буге. Судя по уровню залегания костей, жизнь в этих жилищах после совершения погребений была прекращена. В этнографии подобные случаи известны, в частности у чукчей.

В жилище 1 нижнего слоя Ушкалки в глинобитном полу около очага обнаружены обломки черепа человека<sup>142</sup>. Возможно, это остатки ритуального за-

хоронения черепа, связанного с культом домашнего очага.

Отдельные погребения встречаются на незастроенной площади поселений, между жилищами. В. А. Ильинская открыла одно такое погребение в Ушкалке. В небольшой прямоугольной яме с закругленными углами оказалось сильно скорченное захоронение на левом боку, головой к востоку. Кисти — у лица. Против груди — три астрагала коня, у затылка — горшок со слабо выраженным ребром<sup>143</sup>.

На территории Украины обычай совершать захоронения под стенами и полом жилищ достаточно древний и широко распространен. Ингумированные и кремированные погребения в жилищах и на поселениях неоднократно отмечались исследователями трипольской культуры. По мнению С. Н. Бибикова, в этом древнем обряде заключается идея возрождения, обратимости и плодородия<sup>144</sup>. Он достаточно широко распространен у племен эпохи средней и поздней бронзы, в частности в оставшихся памятниках абашевской общности. Так, на Шиловском поселении под Воронежем найдены погребения мужчины, ребенка и собаки (подобно вонижской находке). О культовом характере этих погребений свидетельствует их размещение возле святилища<sup>145</sup>.

Культовые погребения кальцинированных костей, совершенные в ямах под полом до постройки или во время постройки жилищ, прослежены С. С. Березанской в Пустынке<sup>146</sup>.

<sup>143</sup> Ильинская В. А. Отчет о работе Ушкальского отряда Николапольско-Гавриловской экспедиции ИА АН УССР.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 2383, с. 6.

<sup>144</sup> Бибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днепре.— МИА, 1953, № 38, с. 198.

<sup>145</sup> Прагин А. Д. Поселение абашевской общности. Воронеж, 1976, с. 23.

<sup>146</sup> Березанская С. С. Пустынка — поселение эпохи бронзы на Днепре, с. 85—86.

Таким образом, перечисленные погребения отличаются между собой по способу захоронения, по размещению на поселении и в помещении, по времени совершения захоронения в сравнении с сооружением и функционированием жилища, свидетельствуют о сложности идеологических представлений и многообразии связанных с ними обрядов у древнего населения.

В исключительно редких случаях могильники удается непосредственно связать с определенными поселениями. Поэтому особый интерес вызывает исследование могильника у с. Змеевка, который располагался за западной окраиной поселения и отделен от него полукруглой каменной стеной (раскоп 3)<sup>147</sup>. Вскрыта часть площади, окруженная ртвой стеной, где обнаружено шесть каменных вымоستков и два кромлеха, в которых оказалось два захоронения черепов и пять погребений.

Датировка погребений затруднена, так как все они безынвентарны. Лишь под одной небольшой каменной вымошкой без следов погребения на материке найден обломок обычной для поселения глиняной крышки, на основании чего все погребения этого могильника отнесены А. В. Бураковым к периоду поздней бронзы. С нашей точки зрения, эти погребения разновременны. Из них погребения 7, 9 и 10, ориентированные к западу и юго-западу, с кистями рук у колен, вероятнее всего, относятся к культуре многоваликовой керамики. При этом погребение является впускным в кромлех с захоронением черепа, посыпанного охрой (п. 12), т. е. захоронение черепов предшествует этим погребениям.

К периоду поздней бронзы, вероятно всего, относятся и погребения 2, скорченные на правом боку, с кистями рук перед лицом, ориентированные головой к северо-востоку.

<sup>147</sup> Бураков А. В. Указ. соч., с. 32—36.

Для выделения древних культурно-этнических общностей немаловажное значение имеют данные антропологии. К сожалению, антропологический материал изучен не на всей территории Северного Причерноморья. В частности, пока не обработаны новые материалы Северского Донца, очень скудно представлено степное междуречье Днестра и Днепра, полностью отсутствуют материалы по лесостепной части Украины в эпоху поздней бронзы и особенно важные для данной темы материалы по культуре многоваликовой керамики, непосредственно предшествующей сабатиновским памятникам.

На этом фоне территория Степного Поднепровья в эпоху поздней бронзы представляется сравнительно лучшей, по все же недостаточно исследованной<sup>148</sup>.

Антропологический материал из Поднепровья\* (Вильнянская группа, Волненская гора, Марьинское, хут. Хмольницкий, Усть-Каменка, Золотая Балка и др.), дополненный находками из Приазовья (Новофилипповка, Троицкое), юга Николаевской, Одесской и Херсонской областей, представлен примерно 70 скелетами, из которых наибольшая серия (21) происходит из Вильнянского могильника. На основании анализа этого материала С. И. Крүц пришел к выводу, что антропологический состав населения Степной Украины в конце эпохи бронзы в основном однороден и характеризуется резко долихокрапным черепом с узким и средневысоким лицом. Эти признаки позволяют относить его к средиземноморскому типу боль-

<sup>148</sup> Крүц С. И. Антропологическое обследование населения срубной культуры территории Украины.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины, с. 222—231.

\* Ввиду небольших серий черепов на отдельных могильниках и курганных группах находки из Поднепровья и прилегающих к нему степей С. И. Крүц рассматривает вместе и без выделения территориальных и хронологических групп (в пределах поздней бронзы). Исключившие составляет могильник у Широкого,

ной европеоидной расы. Как отмечают исследователи (Дебец, Великанова), слишком широкая распространенность этого антропологического типа и слабая его дифференциация затрудняют выделение отдельных этнических групп древнего поселения, принадлежащего к данному типу. И тем не менее по общим антропологическим признакам единая серия черепов Украины значительно отличается от Нижнего Поволжья и в то же время ближе стоит к Среднему Поволжью, хотя и от последнего отличается большей грацильностью.

По сравнению с предшествующим населением данной территории намечается резкое отличие от катакомбного в целом и в то же время большее сходство с кеми-обинским населением, некоторыми группами ямной культурно-исторической общности (юго-западная группа, Приморский район) и катакомбной культуры в Приднепровье, что, возможно, свидетельствует о какой-то преемственности антропологического типа на указанной территории от ранней бронзы.

В то же время С. И. Круз отмечает близость черепов из степной Украины и носителей шнуговой керамики Западной Европы.

Это наблюдение созвучно предположению С. Н. Братченка об определенной близости культуры многоваликовой керамики со средневропейскими культурами шнуговой керамики и вывод о возможности участия культур шнуговой керамики Правобережной Украины и Прикарпатья в сложении культуры многоваликовой керамики<sup>149</sup>.

Сравнивая антропологические данные могильников поздней бронзы Поднепровья и культуры Ноа, прежде всего необходимо учесть разнородность антропологического типа на территории куль-

туры Ноа<sup>150</sup>. Так, в Трансильвании (могильники Клуж, Морешты) значительную часть населения составлял брахицефалический альпийский тип<sup>151</sup>, в то время как в Прутско-Днестровском междуречье господствует долихокраний тип. При этом население, оставшееся могильники в Трушештах и Старых Бедражках, как пишет И. С. Великанова, можно считать протоевропейским, не воспринявшим никаких местных традиций<sup>152</sup>. Небольшие серии черепов из могильников Пробата и Дойны, как и из могильника Балинтешт, относящегося к переходному времени от Монтеору к Ноа, отличаются большей грацильностью, обусловленной элементами средиземноморского типа, сохранившегося от средней бронзы.

Таким образом, пришлый восточный компонент проявляется в восточной части культуры Ноа и затухает к западу. Не исключено, что он связан с пришлым восточным населением не только эпохи поздней, но и ранней бронзы, представленной в Румынии группой скорченных окрашенных погребений<sup>153</sup>.

<sup>150</sup> Некрасова О. К., Кристеску М. Л. К изучению антропологических типов румынского неолита и начала палеометаллической эпохи.—Советская антропология, 1959, № 2, с. 53—57; Florescu A. C. Sur les problemes..., p. 145—146.

<sup>151</sup> Cristescu M. Contribuție la studiul antropologie ar unor schelete de la sfârșitul bronzului (cultura Noua) și începutul epocii fierului din Moldova.—AM, 1961, № 1, p. 145—146; Некрасова О. К. К изучению антропологического состава населения бронзового века восточной части.—В кн.: Современная антропология. М., 1964, с. 278.

<sup>152</sup> Великанова М. С. Население Прутско-Днестровского междуречья в эпоху бронзы по антропологическим данным.—СЭ, 1970, № 2, с. 88—90.

<sup>153</sup> Зирра В. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР.—МИА Юго-Запада СССР и РНР; Марперт Н. Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке.—КСИА АН СССР, вып. 105; Смирнова Г. И. Новый могильник культуры

Серии подобных черепов из могильников у Старых Бедражей и у Калфы, по определению М. С. Великановой, несколько расходятся с материалами, собранными в работе С. И. Круз по Северному Причерноморью и оказываются более близкими к срубным черепам Нижнего Поволжья.

Могильники у с. Широкого, по определению Г. П. Зиневич и С. И. Круз, принадлежат европеоидному долихокранному населению с узким средневропейским, резко профилированным лицом и сильно выступающим носом, т. е. с признаками средиземноморского типа<sup>154</sup>.

Отмечается определенное сходство с черепами культуры Ноа из Трушешт и Пробата и удивительная близость между женскими черепами из Широкого и Дойны, однако последняя серия, к со-

Ноа у с. Старые Бедражки на Пруте.—АСРЭ, 1969, вып. 11, с. 62—63.

<sup>154</sup> Зиневич Г. П., Круз С. И. Антропологическая характеристика давнего населения территории Украины. К., 1968, с. 84—89.

жалению, очень малочисленна. По сумме антропологических признаков серии черепов из могильника у с. Широкого близка древнейшим черепам из Херсонщины и особенно серии черепов поздней бронзы из Вильнянского могильника. Это позволяет исследователям предполагать, что существует преемственность антропологического типа в Северо-Западном Причерноморье от древнейшей культуры.

В целом, насколько можно судить по имеющимся в настоящее время материалам, с одной стороны, наблюдается преемственность между антропологическим типом населения поздней бронзы Степного Поднепровья и частью местного древнейшего населения, сохранившегося в Поднепровье (возможно, и на каких-нибудь других территориях) и в катакомбное время. С другой близость приднепровских черепов средневожским срубным сериям, учитывая и археологический материал, не исключает возможности участия средневожского срубного компонента в формировании культуры поздней бронзы.

<sup>149</sup> Братченко С. Н. К вопросу о сложении бибинской культуры, с. 32—42.

## ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Керамика. При выделении культурно-хронологических групп памятников для выяснения их взаимоотношений и связей с соседними культурами решающее значение имеет керамика как один из наиболее выразительных признаков археологической культуры.

Керамика Степного Поднепровья периода поздней бронзы в настоящее время представлена целыми сосудами из погребений, большим количеством обломков и развалов сосудов, полученных при исследовании поселений. Последние в ряде случаев удалось реставрировать полностью или реконструировать частично. В результате мы располагаем достаточно полным ассортиментом глиняной посуды этого времени.

Посуду в эпоху бронзы изготавливали на каждом поселении и, вероятно, в каждом хозяйстве. Глина всегда находилась поблизости. В глиняную массу добавляли песок, реже — толченую известь или толченые раковины, раздробленный известняк или ракушечник, а также шамот. Обнаруженные в керамике Чикаловского поселения круглые железисто-марганцевые включения (горошины диаметром от 2—3 до 6 мм), по-видимому, входили в состав местных глин.

Посуду изготавливали от руки ленточным способом. Чтобы дно во время изготовления сосуда не приставало к подставке, подставку иногда посыпали просеянной половиной или же покрывали куском ткани, оттиски которых иногда сохраняются после обжига. До обжига поверхность готового сосуда более или менее тщательно заглаживалась смоченным в воде куском ткани, пучком травы или просто рукой, как это известно по этнографическим данным<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> *Пещерова Е. М.* Гончарное производство Средней Азии.— Труды ИЭ АН СССР, 1969, т. 42, с. 39.

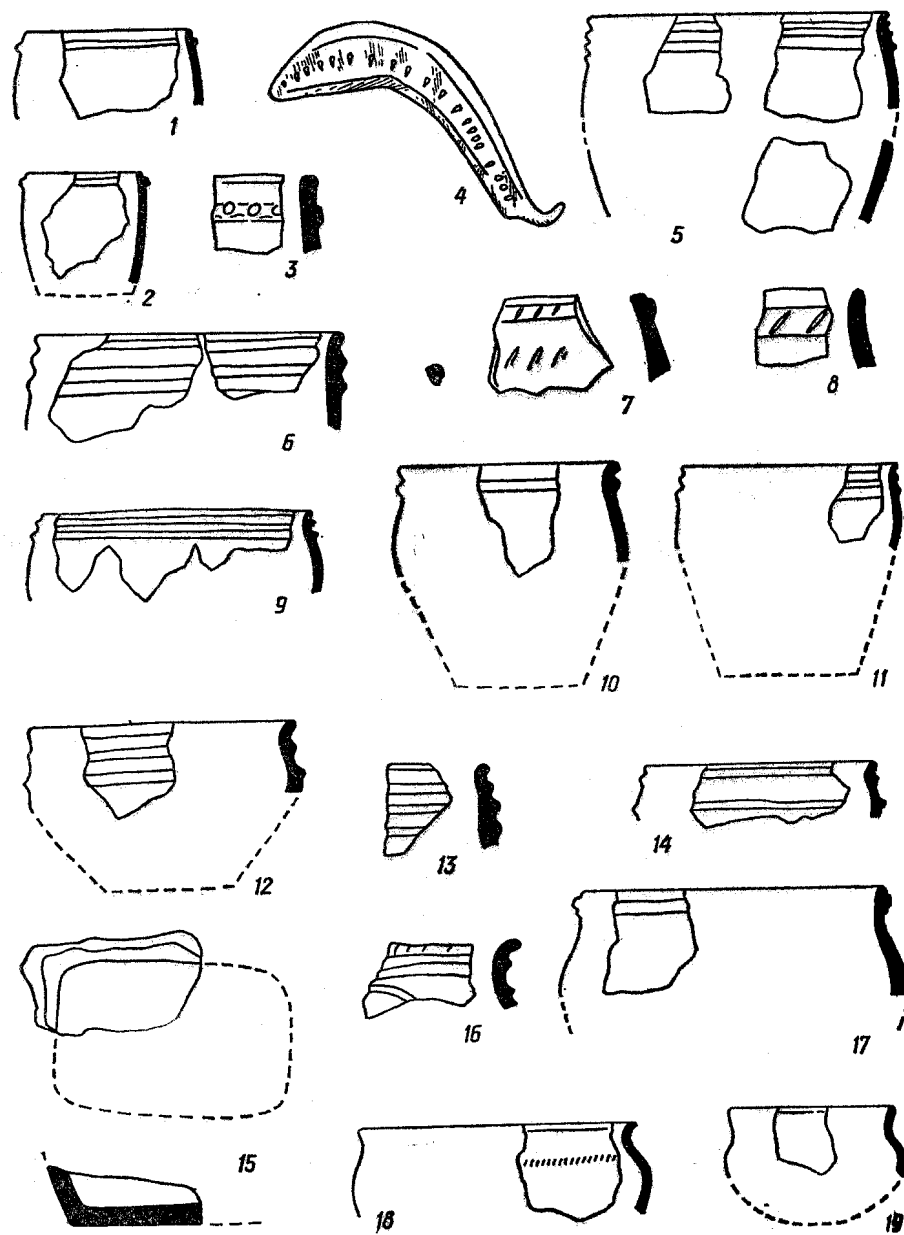


Рис. 29. Керамика и бронзовый серп из поселения уроч. Скала Диденко (у с. Цовниги).

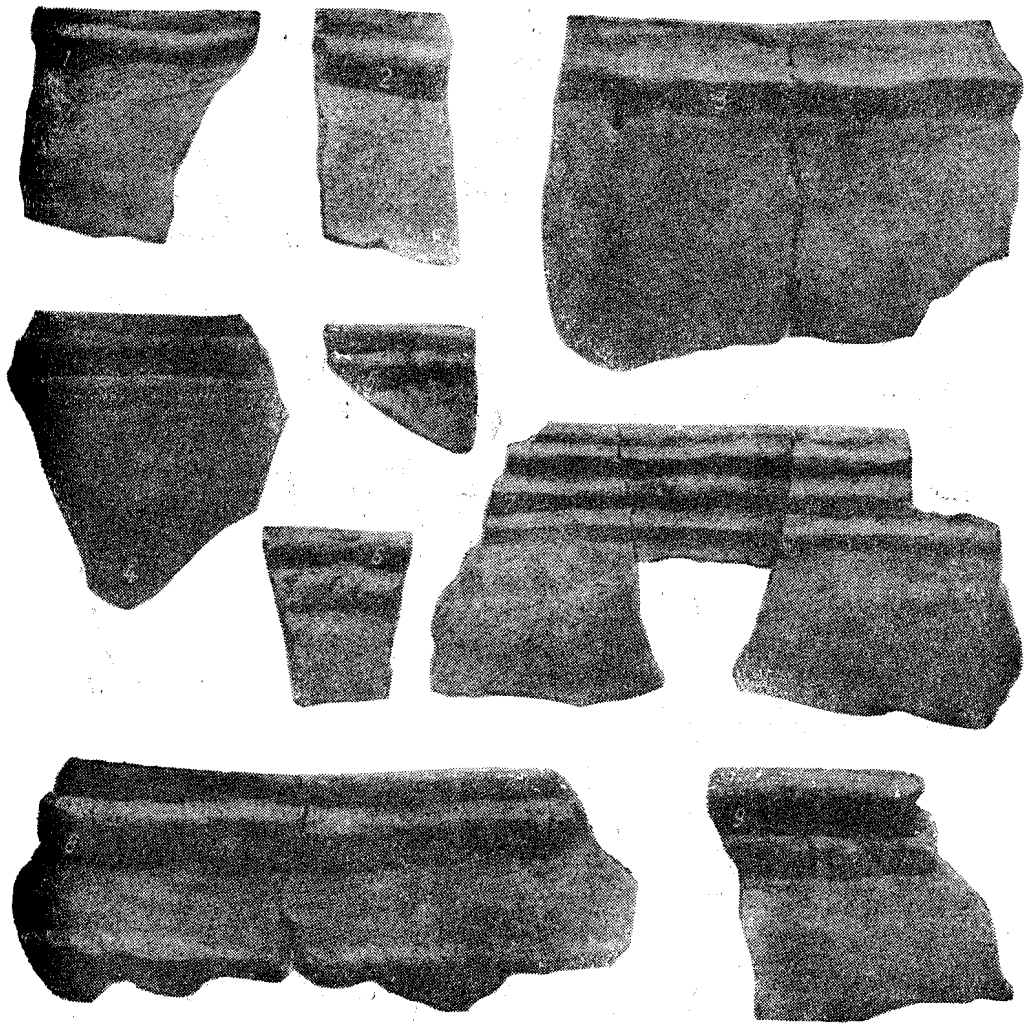


Рис. 30. Керамика из поселения уроч. Скала Диденко (у с. Вовниги).

Часть сосудов покрывали ангобом, т. е. разведенной в воде жидкой глиной. По технике обработки различаются сосуды с относительно грубо обработанной поверхностью и тщательно заглаженные, нередко лощеные. Обжигали посуду, по-видимому, в открытых очагах, так как обжиг посуды неравномерный, пятнистый. Специальных гончарных почв пока не обнаружено, хотя температура обжига составляла 700—800°. По цвету

керамика серо- или серовато-коричневая. Обжиг неравномерный, пятнами, в изломе черепки черные, иногда двух- и трехслойные. Лишь среди столовой посуды имеются лощеные сосуды — серовано-черные и с желтой поверхностью.

По назначению, исходя из размера, формы, глиняной массы, обработки поверхности, всю керамику можно разделить на грубую толстостенную (кухон-

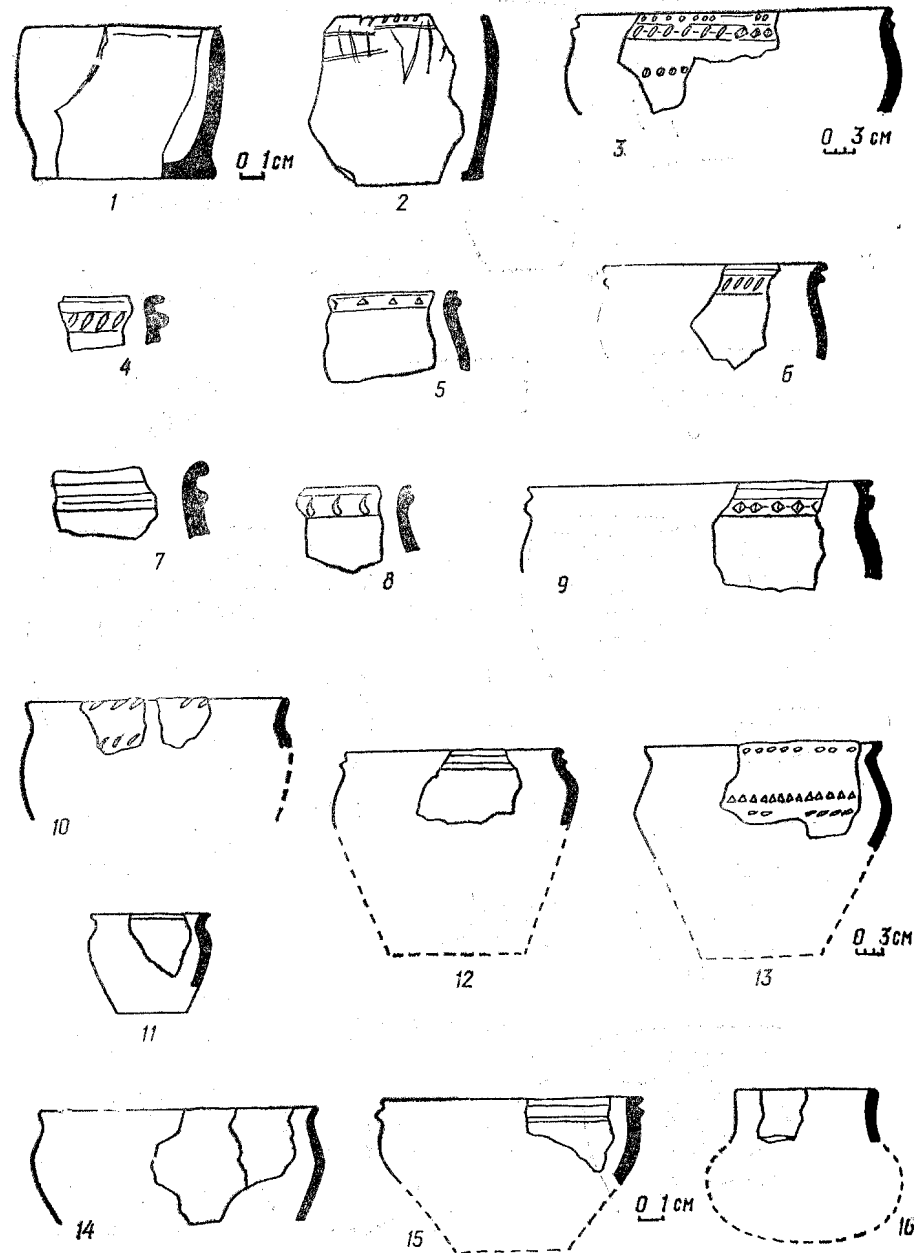


Рис. 31. Основные формы посуды из поселения на о-ве Хортица.

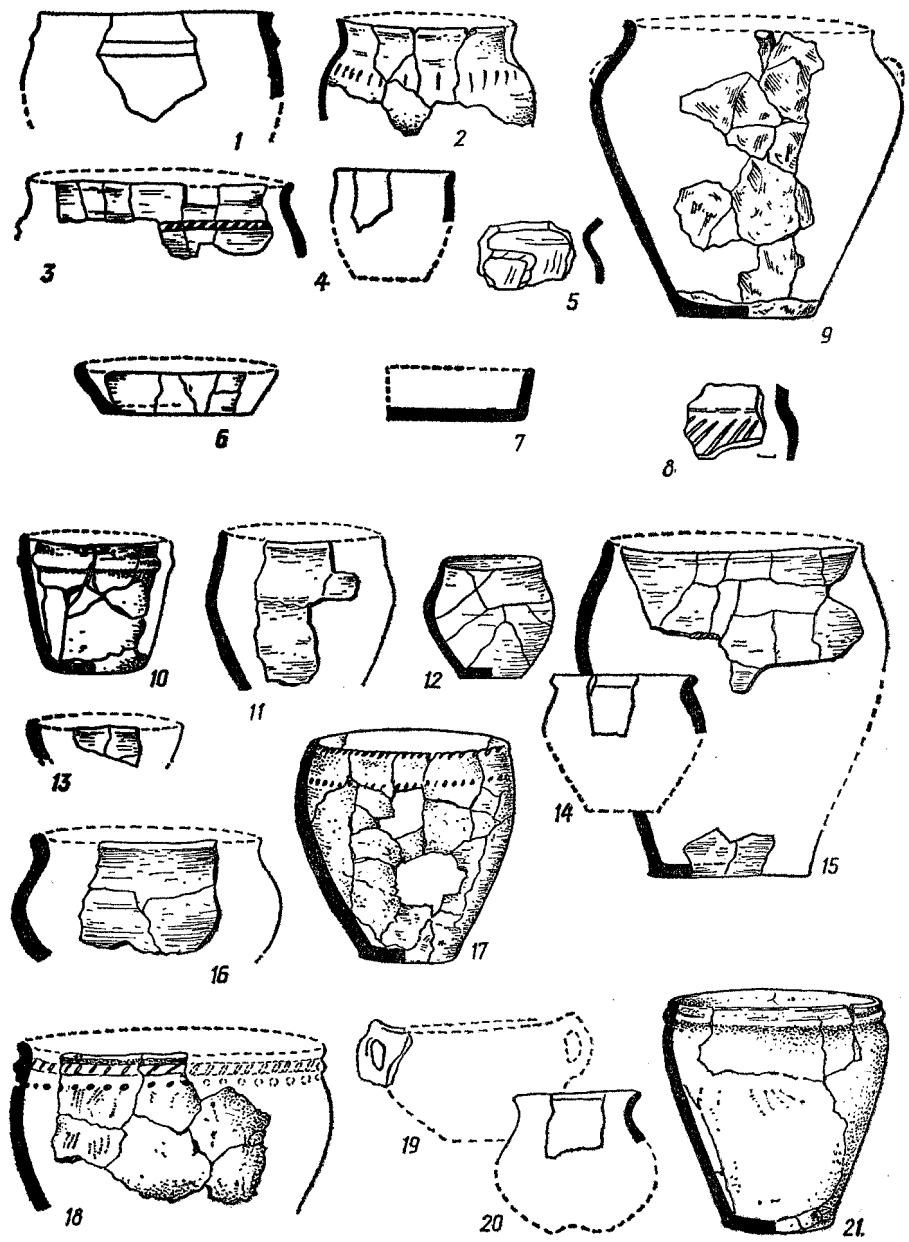


Рис. 32. Керамика из поселения Ушкалка:  
 1-9 — из верхнего слоя (Ушкалка II); 10-21 — из нижнего слоя (Ушкалка I).

ную), тонкостенную (столовую) посуду и большие сосуды для хранения запасов.

**Кухонная посуда.** Основную часть керамики на всех поселениях составляет кухонная посуда, которая включает баночные сосуды, горшки с выпуклым корпусом, острореберные сосуды и сковороды.

**Баночные сосуды с нерасчлененным профилем.** Наиболее простую форму имеют банки с прямыми, нерасчлененными стенками, которые чуть сужаются ко дну. Диаметр дна обычно незначительно уступает диаметру венчика. Край венчика ровно срезан или округлен, часто образует снаружи бортик (характерная черта именно сабашиновской керамики). Различаются банки сравнительно тонкостенные (0,6—0,7 см), небольших размеров с диаметром 10—14 см и крупные сосуды, диаметр которых достигает 20—30 см при толщине стенок 1,0—1,2 см. Большинство сосудов не орнаментировано. В орнаменте преобладают прочерченные узоры и налепной валик двух видов: уплощенный, нередко с пальцево-ногтевыми отпечатками, и треугольный, высокий. Банки этого варианта на раннем поселении Вовниги составляют 37% всей керамики (рис. 29, 1—3; 30, 1, 2).

Очень близки к ним сосуды в форме срезанного конуса с расходящимися кверху стенками. Это преимущественно небольшие сосуды, диаметр венчика которых составляет 12—15 см. Край венчика округлен или срезан косо внутрь, у некоторых «стянут», стенки слегка округлены. Сосуды наиболее полно представлены в коллекциях из погребений, впускных в курганы. На поселениях они составляют незначительную часть (рис. 31, 1, 2).

Третий вариант баночной керамики включает боченовидные сосуды. Это горшки как вытянутых пропорций, так и более приземистых с относительно

широким устойчивым дном. Максимальный диаметр приходится чуть выше середины высоты, редко — на середину высоты. В больших сосудах диаметр венчика почти в два раза превышает диаметр дна. Высота сосудов больше максимального диаметра. Частично этих сосудов подлощена. Иногда на поверхности сохраняются следы заглаживания мелкозубчатой гребенкой. Среди них выделяется вариант банок со слабо отогнутым наружу венчиком и одной или двумя выемочной шейкой. Обычно эти сосуды украшены налепным или оттянутым валиком под венчиком, как гладким, так и с косыми насечками. Изредка встречается валик с несомкнутыми кощцами. Они хорошо представлены в Вовниге (30%), Чикаловке (20%), Сабашиновке и других поселениях. Часть сосудов украшена многоваликовой орнаментацией (рис. 29, 5, 13). В собрании керамики из Чикаловки имеются фрагменты от баночного горшка, украшенного под венчиком прочерченными треугольниками с опущенными вершинами. Изредка (Чикаловка — три случая, Ушкалка — один) наблюдается сочетание расчлененного валика с несквозными наколами под или над ним (рис. 30, 17; 33, 6; 34, 7). Попутно следует отметить, что такое сочетание валика с наколами характерно для керамики культуры Ноа (поселение Мигалы, Кельменцы и Оселивка и др.), где, кроме того, изредка встречается и орнамент, состоящий из одних наколов или проколов без валика. Орнамент, состоящий из валика и наколов, образующий жемчужины изнутри или снаружи сосуда, является обычным для керамики из поселения Сандраки<sup>2</sup>. Отдельные фрагменты сосудов с таким орнаментом встречены также в Среднем Подонье на поселении комаровской культуры

<sup>2</sup> Лагодовська О. Ф. Поселения часу пізньої бронзи в с. Сандраки.— Археологія, 1954, т.

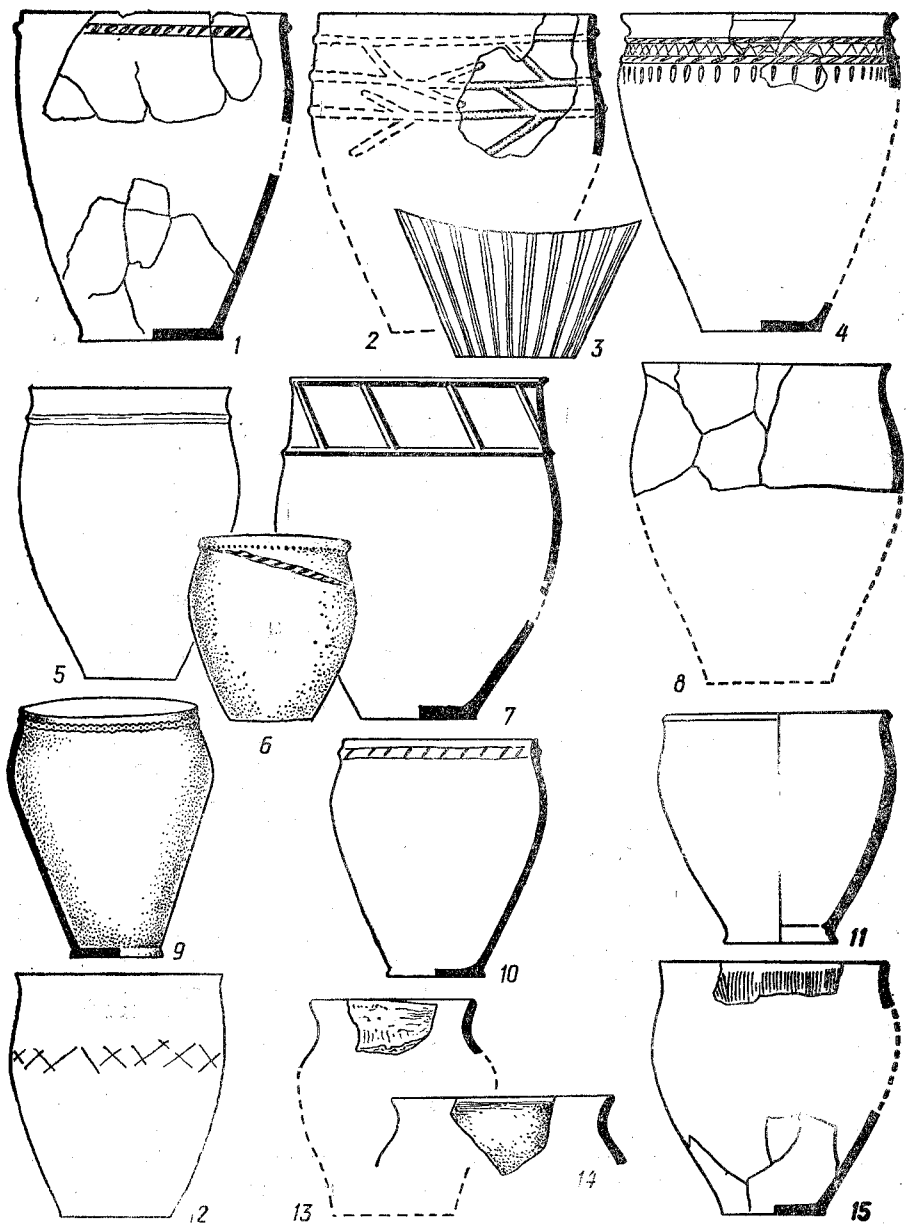


Рис. 33. Основные формы сосудов из поселения у с. Чикаловка.



Рис. 34. Керамика из поселения у с. Чикаловка.

ры в с. Мошны<sup>3</sup>. Приведенные примеры свидетельствуют о правобережных истоках этого орнамента.

Таковую же форму имели и сосуды, предназначенные для хранения продуктов. Так, в Чикаловке найден сосуд высотой 45 см (рис. 33, 5; 34, 9), а на поселении у Червоного Озера под Одессой — высотой 65 см.

В четвертый вариант выделяем баночные горшки со слабо выделенной шейкой и слегка округлым корпусом, максимальный диаметр которого приходится примерно на середину высоты, а диаметр венчика на  $\frac{1}{3}$  больше диаметра дна. Орнамент на плечиках в виде небрежной елочкой или крестов, нанесенных гребенкой или палочкой (рис. 33, 12; 34, 11). При публикации Чикаловского поселения эти сосуды выделены в группу тюльпановидных, однако их ни в коей мере нельзя сравнивать с белгородскими и высочками. По форме и орнаменту они гораздо ближе к срубным баночным горшкам. В Чикаловке эти сосуды составляют около 7%. Подобные сосуды представлены в Деревке (рис. 37, 1) и других поселениях. Изредка они встречаются и в погребениях (Никополь, 1939, к. 3, п. 10; Широчанский могильник) (рис. 28, 28).

Баночные горшки с высоко расположенными плечиками представляют собой широко открытые сосуды вытянутой формы со слегка отогнутыми плечиками, высоко расположенными небольшими плечиками, от которых прямые стенки спускаются по дну. Сосуды более или менее стройные, диаметр венчика примерно в два раза, иногда и больше превышает диаметр дна. Край венчика срезан наклонно либо остроен или округлен. Высота их 15—35 см. Для крупных сосудов характерен

палецной валик, расположенный высоко под венчиком. В Вовнигах встречаются сосуды, украшенные двумя — четырьмя гладкими валиками. В более поздних комплексах (Чикаловка, Ушкалка) по валику часто нанесены косые насечки либо зашпы. Небольшие сосуды чаще не орнаментированы, реже — украшены незаполненными треугольниками, выполненными зубчатым штампом либо подтреугольными отпечатками и прочерченными крестиками. Часть сосудов сохраняет следы вертикального полосчатого заглаживания. Количественно эта группа в Вовнигах составляет 11%, а в Чикаловке — 12% всех сосудов (рис. 29, 5, 11; 32, 15, 21).

*Реберчатые сосуды.* Биконические сосуды с четко выраженным ребром, в которых высота всегда превышает максимальный диаметр и ребро находится в верхней части (рис. 21, 8; 32, 11; 33, 9, 10; 34, 10). Эти высокие сосуды нередко бывают украшены двумя валиками у среза венчика и по ребру (Вовниги, ряд погребений, выделенных в группу многоваликовых) (рис. 16, 4, 7).

*Горшки с округлым корпусом* встречаются только на поселениях, при этом количество их заметно увеличивается в поздних комплексах. Они представлены несколькими типами.

Широко открытые горшки с прямой либо слабо выгнутой шейкой, плавно переходящей в выпуклый корпус. Максимальный диаметр их приходится на верхнюю часть сосуда, часто ближе к середине. Это либо неорнаментированные горшки, либо украшенные рядом насечек или валиком на месте перехода шейки к плечикам. Диаметр дна немного уступает диаметру венчика. Отдельные находки их встречены в Вовнигах, на Хортице. В поздних поселениях — Змеевка, Бабино IV, Деревка — их значительно больше (рис. 29, 18, 32, 2, 3; 37, 8; 38, 7).

Как вариант выделяются сосуды, у которых прямая шейка отделяется от



Рис. 35. Находки на поселении в уроч. Крипицы у с. Михайловка: 1—9, 14—19 — керамика; 10 — бронза; 11, 12, 18 — кость; 13 — камень.

<sup>3</sup> Ильинская В. А. Поселение комаровской культуры у с. Мошны. — КСИА АН УССР, 1960, № 10, с. 53, рис. 3, 7—9.



пшеничковых уступом. Хотя отдельные экземпляры их известны в Анатолийевке, Сабатиновке, значительную группу они составляют в Змеевке, Бабино IV, Турдорово (рис. 32, 2; 38, 7, 12).

Горшки с изогнутым венчиком, плавно переходящим в округлый корпус. Максимальный диаметр приходится на середину высоты. Представлены единичными экземплярами (Ушкалка, есть обломки в Кирово) (рис. 32, 16; 35, 15, 17, 19).

Горшки с прямым, резко отогнутым венчиком. Бока у них не сильно закруглены, дно устойчивое. В известной мере они как бы продолжают соответствующие формы многоваликовой керамики (рис. 33, 13, 14; 34, 12).

Биконические горшки с относительно узким горлом и таким же небольшим дном. Максимальное расширение корпуса приходится на середину сосуда. Известны они в Поднепровье (Каиры, Верхнетарасовка 4), а также в Сабатиновке и Кириво. Эти хорошо заглаженные, иногда подлощенные, часто без орнамента либо украшены валиком (в Верхнетарасовке — тремя валиками) большие сосуды служили для хранения запасов (рис. 38, 8, 10, 11).

*Миски-сковороды.* На многих поселениях поздней бронзы найдены массивные низкие сосуды, напоминающие современные сковороды. По обработке поверхности это наиболее грубые сосуды. Глиняная масса нередко размешана плохо, включает примеси шамота, песка, на некоторых поселениях (Бабино IV, Змеевка, Ушкалка) — толченый ракушечник. В плане различаются круглые и овальные. Размеры их по дщицу колеблются от 16 до 24 см, а по верху соответственно от 18 до 30 см, хотя изредка встречаются и сосуды поменьше. Высота стенок чаще бывает от 4,5 до 6—7 см. Самые низкие из них имеют высоту 2,5 см, а максимальная высота 9 см. Толщина дщица в некоторых экземплярах доходит до

2 см, стенок 1—1,5 см. На дщицах довольно часто встречаем отпечатки зерен или же половы проса. На стенках — следы заглаживания травой, гребенкой и просто рукой. Верхний край сковород обычно ровно срезан, чаще с наклоном вовнутрь. Имеются образцы с суженным, как бы слегка стянутым краем, в таком случае стенки мягко закруглены (рис. 32, 6, 13; 35, 16; 36, 18). По краю нередко наносили орнамент в виде косых насечек, в том числе и гребенкой, иногда насечки образовывали крестики, в ряде фрагментов отмечены зашипы. В таком случае по краю образовывались утолщения. Процент орнаментированных мисок-сковород на разных поселениях различен, например, в Змеевке орнаментированные сковороды на разных раскопах составляют от  $\frac{1}{5}$  до  $\frac{1}{8}$  части, в Чикаловке —  $\frac{1}{2}$  всех сосудов этой группы. Интересно отметить, что такие сковороды, как формы для выпечки хлеба, представлены в этнографическом музее в Варне (Северная Болгария).

Среди обломков имеются фрагменты от жаровен, напоминающие миски-сковороды с обрезанными краями, когда овальную или круглую в плане сковороду в необожженном еще виде разрезали на несколько частей (обычно две или четыре) (рис. 32, 7; 35, 16).

Поскольку миски-сковороды и жаровни стали одним из определяющих признаков при выделении этапов поздней бронзы, в степном Причерноморье проведен тщательный учет этой посуды. При подсчетах эти близкие по форме и, очевидно, назначению сосуды взяты вместе.

В верхнем слое Ушкалки, на Змеевском поселении эти сосуды представлены массовыми находками. В Чикаловке они занимают второе место после баночных горшков и составляют 13% всей керамики, собранной на поселении. В жилище верхнего слоя Ушкалки эта посуда составляет почти треть

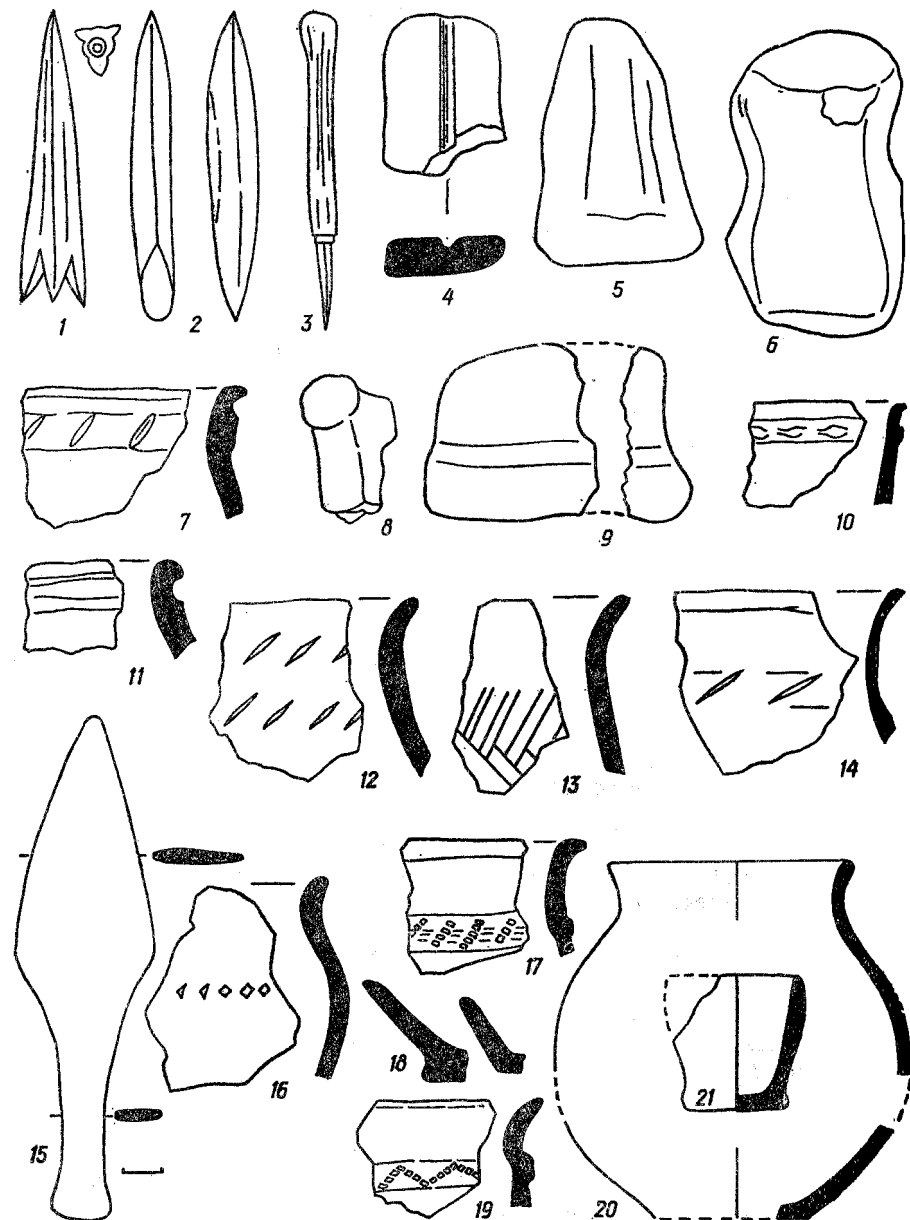


Рис. 36. Находки на поселении у с. Федоровка (хут. Божков):

1, 2 — костяные наконечники стрел; 3 — шило с котяной ручкой; 4, 6, 9 — каменные индустрия; 7, 10—14, 16—21 — керамика; 15 — бронзовый нож.

(32%) всей посуды, найденной в поселениях. Много их в Бабино IV и Змеевке.

В нижнем слое Ушкалки найден один обломок от миски с плавно закругленными бортами. В Сабатиновке и Анатольевке обнаружено всего по несколько экземпляров.

**Крышки.** Крышки обнаружены в сравнительно небольшом количестве и далеко не на всех поселениях. Они изготовлены из такой же грубой массы, как миски и жаровни. Это плоские, круглые в плане кружки. Диаметр их соответствует венчикам сосудов среднего размера (16—24 см), и только изредка встречаются совсем небольшие крышечки, до 10 см в поперечнике. Толщина их примерно 1 см, в центре они обычно толще, к краю немного тоньше. Нижняя поверхность обычно более заглажена. В центре некоторых крышек имеется выемка, редко — отверстие, иногда — выступ или петельчатая ручка. Край крышек в одних случаях закруглен от руки, в других косо обрезан острым предметом. В редких экземплярах по краю имеется небольшой бортик, чтобы крышки не сползали с горшка (Бабино IV). На верхней поверхности и по краю некоторые крышки украшены отпечатками пальцев.

В целом крышки составляют незначительную часть керамических находок: по несколько экземпляров на всех раскопах в Змеевке, в Бабино IV — семь, в Ушкалке I — шесть, отдельные находки их собраны в Вовнигах, на о-ве Дубовый. Известны они также в срубных поселениях Поволжья<sup>4</sup>. В более позднее время они широко представлены на скифском Каменском поселении.

Кроме крышек, предназначенных для сосудов, возможно, существовали за-

слонки, которыми могли закрывать отверстие очага, как это известно из этнографии<sup>5</sup>. Плоские, в виде дисков крышки могли также использоваться для выпекания лепешек.

**Столовая посуда.** В отличие от кухонной посуды, которая в определенной мере универсальна для обширной территории степей, столовая посуда в значительно большей степени определяет своеобразие поселений Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья.

В общих работах, касающихся периода поздней бронзы Степного Причерноморья, столовой посуде уделено крайне мало места, что объясняется небольшим материалом, которым располагают исследователи. В частности, О. А. Кривцова-Гракова располагала лишь коллекцией из Сабатиновки, материалами нескольких, лишь частично исследованных поселений, где сосуды этого типа представлены настолько фрагментарно, что целые фрагменты не восстанавливались. О. А. Кривцова-Гракова выделила лишь один тип этой посуды — чарки и предполагала, что их должно быть не менее двух типов<sup>6</sup>.

Открытие бескурганых могильников (Федоровский, Компанийцы), раскопки поселений в Поднепровье — Ушкалка, Чикаловка, Деревка, исследование могильника у Широкого и Кировского поселений значительно расширили представление о комплексе столовой посуды, показали большое разнообразие форм.

Столовая посуда отличается от кухонной прежде всего массой. Обычно глина сравнительно хорошо отмучена, примеси всегда мелкие. Формовка посуды производится тщательнее. Стенки тонкие, поверхность хорошо заглажива-

<sup>5</sup> Пещерова Е. М. Указ. соч., с. 77, рис. 21, 3—8; 24, 6.

<sup>6</sup> Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Северное Причерноморье., с. 129.

ется. Лощение применяется значительно чаще, чем на кухонной посуде. Подлощенная и лощеная составляет примерно половину всей столовой посуды сабатиновских поселений.

В Чикаловке, Ушкалке, как и в самой Сабатиновке, различаются следующие типы столовой посуды: банки, открытые чаши или миски, кубки, черпаки или чарки, двуручные вазы и хорошо заглаженные или лощеные узкогорлые сосуды типа кувшинов.

**Банки.** На всех поселениях, точнее, во всех комплексах жилищ среди столовой посуды выделяются прежде всего примитивной формы прямостенные небольшие баночки, повторяющие первые два варианта баночных кухонных сосудов, отличающихся от последних небольшими размерами и тщательно заглаженной поверхностью. В частности, на Чикаловском поселении они составляли 7% всей посуды, из них половина лощеных, иногда со следами ангоба. Орнамент применялся редко: несквозные наклады снаружи, образующие изнутри жемчужины (Чикаловка), прочерченный или веревочный орнамент в виде елочки или треугольников, отпечатки перышка или полого внутри стебелька, а также треугольные отпечатки палочкой. *Острореберные сосуды низких пропорций с устойчивым дном и перегибом на середине высоты.*

В верхней части обычно украшены треугольниками, ромбами или косо расположенными параллельными полосами, выполненными зубчатым штампом или веревочкой. По форме и орнаменту они типичны для срубной культуры. Как правило, встречаются в погребениях и только в единичных экземплярах на предсабатиновских и раннесабатиновских поселениях. Известны несколько глубоких лощеных мисок с несколькими валиками в позднемноговаликовых комплексах — Вовниги, Кичкас А, Хортица (рис. 19, 3, 5; 20, 2, 8, 16—18; 21, 9, 13, 14).

**Чашки.** На всех поселениях пенного численными экземплярами представлены небольшие сосуды типа широко открытых чаш или глубоких мисок со слегка округленными стенками, плоским, устойчивым дном. Край венчика обычно отогнут, ровно срезан и образует снаружи небольшое утолщение — бортик. Поверхность хорошо заглажена, иногда подлощена. Эти сосуды обычно не украшены. Исключением является красноглиняная мисочка из Чикаловки, украшенная у края плоским наленным валиком с заплатами (рис. 34, 5), и из Хортицы (рис. 31, 15). В могильнике у Компанийцев обнаружены чаши, приближающиеся к биконическим белоглиняным (рис. 27, 1).

**Кубки.** В эту группу выделены небольшие тонкостенные сосуды с невысокой шейкой, с прямым или слегка отогнутым венчиком, округлыми боками, плавно переходящими ко дну. Дно обычно плоское или округло-уплощенное с небольшой выемкой в центре. При этом выделяются в основном две подгруппы: сосуды, у которых диаметр венчика и высота примерно одинаковы (рис. 27, 4; 29, 19; 37, 9; 38, 5) или высота больше диаметра венчика и сосуды низких пропорций, у которых диаметр венчика заметно больше высоты. Диаметр венчика 8—10 см, хотя иногда встречается и совсем маленькая кубка, до 5 см в диаметре, и крупная — до 14 см. Кубки обычно хорошо заглажены, часто подлощены, в большинстве случаев не украшены. В орнаменте преобладают треугольники, выполненные мелкозубчатым штампом, проглаженными линиями, различными насечками на плечиках. Из числа родных орнаментов, очевидно, следует выделить орнамент, состоящий из двух поясов треугольников, заполненных прочерченными линиями (Пятихатки). Почти на всех поселениях болозерского этапа встречаются кубки, украшенные каннелюрами, покрывающими либо

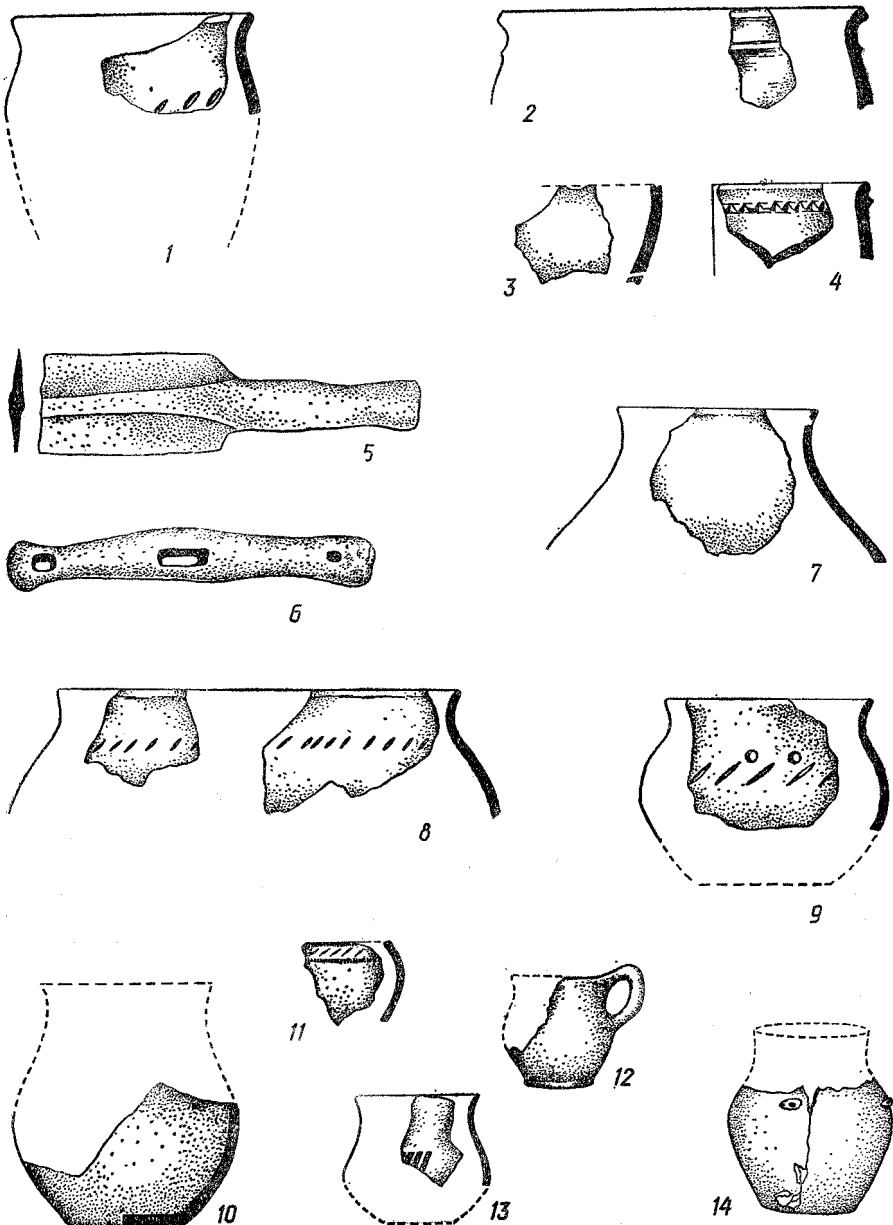


Рис. 37. Находки из слоя поздней бронзы на поселении Деревка:  
 1—4, 7—14 — керамика; 5 — бронзовый кинжал; 6 — костяной псалий.



Рис. 38. Керамика из поселений Каховка (1—6) и Каир (7—12).

исю поверхность плечиков, либо располжонными группами (рис. 37, 13).

Среди сосудов типа широко открытых пизких кубков выделяются хорошо лощеные черные сосуды, украшенные горизонтальным проглаженным орнаментом. На одном из них имеется на лощной слабо выделенный цилиндрический выступ (Чикаловка) (рис. 34, 1, 2). Кубки известны в Поднепровье на протяжении всего периода поздней бронзы (Вовниги, Чикаловка, Деревка и др.).

**Черпаки.** Черпаки найдены на всех поселениях сабаатиновского типа. По форме они напоминают невысокие кубки с прямыми либо слегка отогнутыми шейками, но отличаются от последних наличием ручки, слегка возвышающейся над краем венчика. Ручки различаются петельчатые, овальные и более массивные, нередко в разрезе пятигранные с цилиндрическим выступом в верхней части (рис. 35, 6; 36, 8).

Иногда верхняя часть ручки бывает оформлена в виде небольшого треугольного выступа. Выступы на ручках характерны для ранних памятников — Чикаловка, Сабаатиновка, Анатолевка. В более поздних комплексах (Деревка, Компанийцы, балка Демская и др.) представлены черпаки с петельчатыми ручками (рис. 27, 7, 8; 37, 12).

Орнаментированных черпаков исключительно мало. В Надпорожье нередко применяется поясик из двух линий мелкозубчатого штампа с рядом косых наколов или же отпечатков трубочки между ними (Федоровка, Волошское, балка Демская) (рис. 37, 11). Эта посуда появилась в Причерноморье от культуры Ноа.

**Цилиндровидные и грушевидные сосуды.** На поселениях в комплексах керамики встречается по несколько фрагментов кувшинообразных сосудов с высокими прямыми узкими шейками и широким округленным и часто приплюснутым корпусом. Край венчика обычно слегка отогнут. Переход к кор-

пусу нередко обозначается небольшим уступом. Дно плоское, маленькое, в некоторых экземплярах в центре дна с внешней стороны имеется выемка, изнутри — небольшой выступ. Диаметр венчика 8—14 см, в некоторых — до 18 см (Сабаатиновка, Каховка, балка Демская и др.). Значительная часть их орнаментирована. Как правило, орнамент размещен на плечиках. Это комбинация налепных шишечек, обычно расположенных несколькими группами по выпуклой части сосуда. Прекрасным образцом таких сосудов являются находки из поселения Бабино IV<sup>7</sup> и погребения у с. Первомаевка<sup>8</sup>, у хут. Лукьяновка<sup>9</sup>, у с. Волошское<sup>10</sup> (рис. 26, 1, 4, 9, 10; 27, 5, 9, 10; 37, 10, 13). Особенно богато представлен этот тип в инвентаре могильника у с. Широко под Скадовском<sup>11</sup>. В комплексах соседних синхронных культур цилиндрические сосуды с налепами-шишечками встречены на позднебелогрудовском поселении у с. Большая Андрусовка<sup>12</sup> и др. Вторым характерным видом орнамента являются каннелюры, располагающиеся от шейки по всему корпусу сосуда. Кроме того, плечики кувшинчиков нередко украшали треугольниками, выполненные прочерченными линиями или мелкозубчатым штампом. Иногда встречаются кувшинчики с ручкой (рис. 27, 11; 38, 9).

К цилиндрическим сосудам близка меньшая по численности группа так

<sup>7</sup> Ильинская В. А. Поселение Бабино IV., с. 20, рис. 1, 1.

<sup>8</sup> Ильинская В. А., Ковпаненко Г. Т. Петровська Е. О. Указ. соч., с. 129.

<sup>9</sup> Фабрициус Г. В. Литопис музею. Червоної роки 1917—1927, с. 8—9.

<sup>10</sup> Фонды ИА АН УССР, коллекция А. В. Бодянского.

<sup>11</sup> Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья, рис. 1, 1, 3; Мелюкова А. И. Указ. соч., с. 53, рис. 15.

<sup>12</sup> Покровська В. Ф., Петровська В. О. Поселення... біля с. Велика Андрусівка, с. 141—142, рис. 8, 14.

называемых грушевидных сосудов, у которых ровно срезанная шейка без отгиба наружу, постепенно расширяясь, внизу переходит в выпуклый корпус. При этом орнамент как бы отделяет шейку от корпуса. Кроме прочерченных треугольников встречается орнамент, нанесенный зубчатым штампом, отпечатком полой внутри косточки или стельков (Волошское, Федоровка).

Все цилиндрические и грушевидные сосуды отличаются хорошей отделкой поверхности. Тщательно заглаженная внешняя поверхность часто подлощена.

**Двуручные чаши или вазы.** Среди парадной посуды выделяются двуручные чаши или вазы. Это открытые овальные чаши с отогнутыми венчиками, выделенной шейкой, выпуклыми боками и небольшим донышком. По узким бокам расположено две ручки, край которых возвышается над венчиком сосуда. Верхний край ручки оформлен в виде цилиндрического выступа, иногда этот выступ вылеплен в форме острой шишечки. Фрагменты таких сосудов с массивными ручками находили на многих поселениях периода поздней бронзы (в Дудчанах, Ушкалке I, Бериславе, на хут. Шевченко близ Нижнего Рогачика и др.). Однако реставрировать эту форму посуды для памятников Поднепровья удалось только благодаря находкам двух ваз на поселении у с. Чикаловка (жилище 2 и 3) (рис. 34, 3).

Вазы с двумя ручками типичны для культуры Ноа<sup>13</sup> и близки к комаровским комплексам в Правобережной Лесостепи<sup>14</sup>.

На поселениях поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье двуруч-

<sup>13</sup> Петреску-Дымбовица М. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове, с. 194—195.

<sup>14</sup> Лагодовська О. Ф., Захарук Ю. М. Нові дослідження Войцехівського могильника.— АП, т. 6, с. 71, рис. 3, 5.

ные вазы представлены единичными экземплярами. Однако можно полагать, что процент их заметно увеличится по направлению к западу, где влияние культуры Ноа сказывалось гораздо сильнее и заметнее.

Типологические вазы из Стояного Поднепровья гораздо ближе к сосудам из южных, чем северных, поселений культуры Ноа.

**Миниатюрные сосуды** встречены в Сабаатиновке, Ушкалке, Змеевке, Чикаловке. По форме различаются крошечные баночки и сковородки. Миниатюрные баночки включают как прямоотные изделия типа наперстка, найденные в Сабаатиновке, так и баночки побольше со слегка расходящимися кверху стенками, диаметр венчика которых заметно превышает диаметр дна. Доньшки имеют небольшую закраинку, высота соответственно 3 и 3,7 см. В Змеевке найдена миниатюрная сковородка диаметром 5,5 см при высоте 1,2 см, глубина ее 0,5—0,6 см. Эти изделия, как видно, повторяют форму наиболее простой посуды. Выполнены они довольно небрежно, по составу глиняной массы и обжигу не отличаются от другой посуды. Назначение их не всегда ясно. С. С. Березанская относит их к культовым сосудам. Однако не исключено и употребление их в качестве детских игрушек. Подобные крошечные баночки хорошо представлены и на поселении культуры Ноа I Магале.

**Прясла.** Среди глиняных изделий выделяются пряслица. Они обнаружены почти на всех поселениях, по общему количеству находок на поселении ограничивается двумя-тремя экземплярами. Все изделия могут быть разделены на две группы: биконические и цилиндрические. У пряслиц биконической формы обычно две поверхности плоско срезаны, ребро резко выделено, высота их 2,5—3 см (рис. 55, 14). Пряслица, относимые к группе цилиндрических, пред-

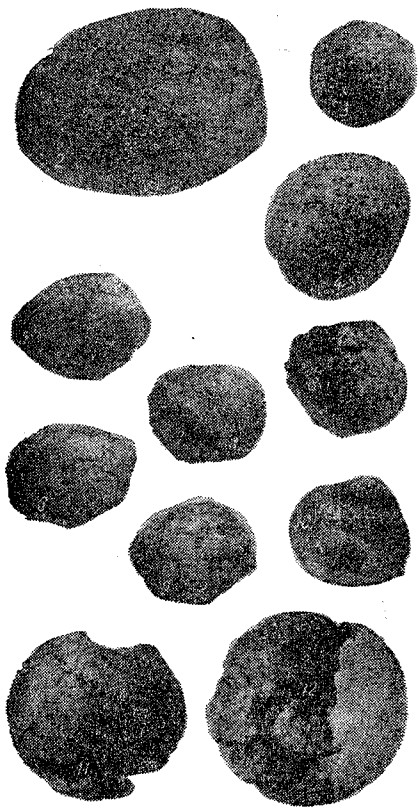


Рис. 39. Глиняные «хлебцы» из поселений Ушкалка (1—4) и Чикаловка (5—12).

ствия 0,3—0,5 см. Такого типа пряслица иногда изготовляли из стенок разбитых сосудов.

«Хлебцы». На двух поселениях — в Ушкалке и Чикаловке — обнаружены своеобразные керамические изделия, так называемые хлебцы. Это небольшие предметы: чаще всего в форме шара, диаметр которого от 2 до 7 см. Часть изделий имела продолговато-овальную форму (7,5×4,6×3 или 6,7×4,2×3,4 см). Некоторые предметы напоминали шапку гриба или хлебцы с выемкой снизу (размеры одного из них следующие: высота 4 см, диаметр основания 8 см). Среди находок имеется также изделие в форме биконического грузила со сквозным отверстием диаметром 0,5 см. Ребро этой поделки закруглено (рис. 39).

Среди находок имеется единственная зооморфная фигурка, напоминающая свинью с широким тупым рылом, толстым корпусом и четырьмя небрежно намеченными выступами — ногами. Высота фигурки 6 см, сохранившаяся длина 8,5 см (задняя часть отбита), целая фигура, очевидно, была не больше 9,5—10 см.

По составу глиняной массы эти поделки заметно отличаются от других керамических изделий. «Хлебцы» очень крохкие, сравнительно легкие, масса пористая, в изломе заметны следы растительных волокон. Прокаленность во время обжига небольшая, поэтому поверхность изделий желтая или светло-коричневая, на середине — темно-серая.

В момент раскопок изделия выглядели более яркими, края были кирпично-красные, а середина — иссиня-черная. Анализы подобных предметов из других культур обнаружили примеси зерен и муки.

Аналогичные «хлебцы» являются обычными находками в памятниках соседних культур — в белогрудовских

зольниках<sup>15</sup>, в погребениях высококой культуры<sup>16</sup>. Небольшие глиняные лепешки и фигурки свиньи с поросятами обнаружены в зольниках культуры Ноа (возле с. Гиндешти, Молдавия)<sup>17</sup>, а шарики-хлебцы — на поселениях этой культуры (Магала и Островец)<sup>18</sup>. На Северском Донце подобные изделия недавно найдены в Ильичевке<sup>19</sup>, известны они в раннескифских зольниках<sup>20</sup>. Характер изделий, связь их с огнем (очаги, зольники) дали исследователям основание считать их предметами древних земледельческих культов.

Перечисленные группы керамики существуют почти на всем протяжении позднего периода бронзы. Количественное же соотношение их на поселениях зависит от хронологических этапов и территории. На Вовнижском поселении преобладают сосуды баночных форм (78%), сравнительно много (9%) высоких острорезных сосудов. В то же время такие формы, как бокастые горшки, низкие острорезные сосуды с валиками, сковороды, тонкостенные низкие кубки, составляют 1—2%, посуда, украшенная валиком, в основном гладкая, расположенная у венчика, — 72%, сосуды, близкие позднемоговаликовым типам, — 10%. Вовнижскому поселению близки поселения у Михайловки (уроч. Криница) и Хортица, однако в последних больше сосудов с расчлененным валиком и прочерченным орнаментом (рис. 34; 36).

<sup>15</sup> Березанська С. С. Кераміка білогрудівської культури. — Археологія, т. 16, с. 74.

<sup>16</sup> Sulimirski T. Kultura Wysocka. Krakow, 1931, s. 41, 147, tabl. XXIV, 19.

<sup>17</sup> Мелюкова А. Н. Культуры предскифского периода., с. 20—21, рис. 7.

<sup>18</sup> Смирнова Г. И. Новые исследования поселения Магала. — АСГЭ, 1972, вып. 14, с. 17—18.

<sup>19</sup> Шаповалов А. Т. Поселения эпохи бронзы у с. Ильичевка на Северском Донце. — В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины, с. 164—165, рис. 7, 16, 16а.

<sup>20</sup> Шрамко Б. А. Указ. соч., с. 178 и сл.

Типологическая близость этой посуды керамике погребений позднемоговаликовой культуры (Кичкас А, Ваимачка и Верхнемаевка) позволяет считать эти памятники в одну культуру по-хронологическую группу, которая, с нашей точки зрения, могла возникнуть при взаимодействии культур многоваликовой керамики и срубной. Однако находки на поселениях Вовниги и Хортица тонкостенных кубков свидетельствуют о ранних контактах поселения Поднепровья с западными племенами.

На поселениях раннесабатиновского этапа — Чикаловка, хут. Божков, Ушкалка I и других — также преобладают сосуды баночных форм, хотя относительное количество их значительно меньше, чем в Вовнигах (в Чикаловке около 40, в Сабатиновке около 45%). Увеличивается количество горшков с округлыми боками и выделенной шейкой. В орнаменте по-прежнему господствует валик под венчиком на расстоянии 3—4 см от края, который образует бортик. Преобладают расчлененные валики, единичны валики с опущенными концами. В то же время известны сосуды, украшенные по плечикам насечками и прочерченными поясами, слочки, треугольниками. Острорезные сосуды единичны.

Увеличивается количество сковород от нескольких экземпляров (Ушкалка I, хут. Божков) до 13% (Чикаловка). Несколько уменьшается группа многоваликовых сосудов. Резко увеличивается количество тонкостенной столовой посуды ноических форм. Появляется целый ряд новых форм, неизвестных на поселениях. Вовнижской группы, — черпаки, разнообразно кубки, цилиндрические сосуды, двуручные вазы. Ручки черпаков украшаются треугольными и цилиндрическими выступами. В Чикаловке столовая посуда составляет примерно 20%. Применяется ложечка не только столовой, но и кухонной посуды.

По составу керамики приднепровские поселения Ушкалка I, хут. Божков, Чичковка близки к Анатолевке, Сабатиловке, Кирово. Однако западные поселения отличаются относительно большим количеством столовой посуды.

На поселениях белозерского этапа — Ушкалка II, Змеевка, Бабино IV, о-в Дубовый и другие — баночные и бокастые горшки распределены примерно поровну либо последние преобладают. Среди горшков большинство широко открытых, с плавной, почти прямой шейкой, отделенной от плечиков выступом. Орнамент — насечки, отпечатки пальцев, гребенки, изредка веревочки, валики, иногда с опущенными концами. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет предположить, что к концу этого периода заметно уменьшается количество сосудов, украшенных валиком. Тонкостенная посуда представлена высокими и низкими кубками. Около 1/4 сосудов на поселениях составляют миски-сковороды, в том числе с обрезанными краями.

Близка к этим приднепровским керамическим комплексам керамика поселений Белград, Криничное Тудорово и Поднепровье.

По составу кухонной керамики к этой хронологической группе относится и Белозерское поселение, давшее название всему этапу. Однако в белозерском комплексе отсутствует столовая посуда, что не может быть объяснено только сравнительно небольшим объемом раскопок, а, по-видимому, свидетельствует о более прочных левобережных связях, более близких срубным традициям (о чем говорит и характер жилища).

К самому концу белозерского этапа относятся поселения Каховка, Деревинка, балка Демская, могильник у Федоровки, Компанийцев, Волошского, господствуют горшки с высокими шейками, плавко переходящими в низкие выпуклые бока, украшенные молкозубчатой гребенкой и штампом.

Много столовой посуды — низких широко открытых кубков, различных вариантов узкогорлых сосудов — цилиндрических и грушевидных, черпаков с петельчатыми ручками без выступов. В орнаменте — мелкозубчатый штамп, каннелюры. Для северных памятников характерно влияние белогрудовско-чернолесской культуры.

Многие поселения, по-видимому, существовали продолжительное время, так как в керамике прослеживаются черты, присущие различным этапам. В частности, на Волошском поселении представлены материалы, аналогичные Ушкалке I, и более поздние, подобные Деревинке и Каховке. В коллекции керамики из балки Демской есть сосуды типа Вовниг и аналогичные Деревинке.

Металлические изделия. Основным источником для определения характера хозяйства, уровня экономического и культурного развития древних племен являются орудия труда. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, — отмечал К. Маркс, — а тем, как производится, какими средствами труда»<sup>21</sup>.

Поздний период бронзового века в степях Северного Причерноморья характеризуется значительными техническими и экономическими достижениями по сравнению с предыдущим периодом: каменные, костяные и деревянные орудия труда и оружие заметно были потеснены бронзовыми.

Постоянно пополняющиеся коллекции литейных форм и металлических изделий являются предметом многих самостоятельных исследований, касающихся различных аспектов — типологии и хронологии, культурной атрибуции, выделения очагов металлообработки, определения источников сырья и т. п.

Отсылая читателя к работам А. М. Тальгрена, А. А. Иессена

<sup>21</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 191.

О. А. Кривцовой-Граковой, А. И. Тереножкина, Е. Н. Черных, А. М. Лескова, В. С. Бочкарева, И. Т. Чернякова и других<sup>22</sup>, в данном разделе ограничимся лишь краткой характеристикой основных бронзовых изделий. При этом учитываются прежде всего остатки мастерских, клады литейных форм и готовой продукции, определяющие местное производство.

**Кельты.** В Северном Причерноморье топоры-кельты являются самым распространенным видом металлических орудий конца эпохи бронзы. Только в Приднепровье известно более 40 литейных матриц и множество готовых изделий разнообразных форм.

Овальные в сечении кельты: прямые и расширяющиеся к лезвию. Литейные формы для маленьких прямых безухих кельтов найдены в Марьинском на Нижнем Днепре<sup>23</sup> и на Тилигульском лимане<sup>24</sup>, для двушковых — в Капуловке<sup>25</sup>, Волошском<sup>26</sup>, Мазепинцах, Деревянной<sup>27</sup> (в последней отливались кельты с горизонтальной лесенкой вокруг втулки). Кельты этого типа (среди них один с широким орнаментальным поясом) представлены в Лобойковском (рис. 40, 1, 2)<sup>28</sup> и Кабаковском<sup>29</sup>

<sup>22</sup> Наиболее полные сведения о бронзовых изделиях и литературе см.: Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

<sup>23</sup> Фонды ИА АН УССР. Разведка Д. Т. Березовца в 1952 г.

<sup>24</sup> Черняков И. Т. Из истории бронзолитейного производства. — ЗОАО, 1967, т. 2, с. 36.

<sup>25</sup> Шарафутдинова И. Н. Литейные матрицы на поселениях эпохи поздней бронзы в Нижнем Поднепровье. — КСИА АН УССР, 1960, вып. 10, с. 62, рис. 1, 4.

<sup>26</sup> Мельник К. Каталог коллекций древностей А. Н. Поля. К., 1893, табл. V, 59.

<sup>27</sup> Tallgren A. M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. — ESA. Helsinki, 1926, t. 2, p. 148—149; ill. 83; 1, 86, 1.

<sup>28</sup> Рудинский М. Я. Археологічні збірники Полтавського музею. — Збірник Полтавського музею, 1928, т. 1, с. 42, табл. IV, 13.

<sup>29</sup> Черных Е. Н. Указ. соч., с. 86, табл. VIII, 1, 3.

кладах, подобными находками в Кривому<sup>30</sup>. Отдельные одноушковые кельты изготавливались и в Студенке V на Осколе, откуда происходит литейная матрица<sup>31</sup>.

Матрица для узких, овальных в сечении кельтов, слегка расширяющихся к лезвию, найдена в Раденско\*, две разбитых половинки — в Новоалександровской мастерской (рис. 48, 3, 10). Они предназначены для кельтов с двумя валиками вокруг отверстия. На одной из матриц, на широкой стороне кельта сохранилось углубление для небольшой выпуклости или рудиментарного ушка. Такая же деталь прослеживается на кельтах из Алешкинских хуторов около Цюрупинска, из Мышдрешт<sup>32</sup>, а также на матрице из с. Чобановка Белгород-Днестровский р-на<sup>33</sup>. Овальный в сечении безуховый кельт, аналогичный алешкинскому, найден вместе с литейными формами в Зиндовке. Последний украшен на широкой стороне маленьким рельефным треугольником (рис. 51, 2).

Таким образом, производство и распространение овальных в сечении кельтов связано с лобойковско-голоуровским очагом металлообработки, а кельтов, расширяющихся к лезвию, с новоалександровской бронзолитейной мастерской. По-видимому, из Поднепровья они распространяются в Северо-Западное Причерноморье. Одна литей-

<sup>30</sup> Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре, с. 55, рис. 2, 4, 6.

<sup>31</sup> Телегин Д. Я. Оскольская экспедиция 1955—1956 гг. — КСИА АН УССР, 1959, вып. 8, с. 77.

\* До войны хранилась в ХИАМ.

<sup>32</sup> Дергачев В. А. Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1975, с. 11, рис. 3, 13, 14.

<sup>33</sup> Черняков И. Т. Новые находки предметов поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. — КС ОГАМ, 1962 г. 1964, с. 130, рис. 4, 1.

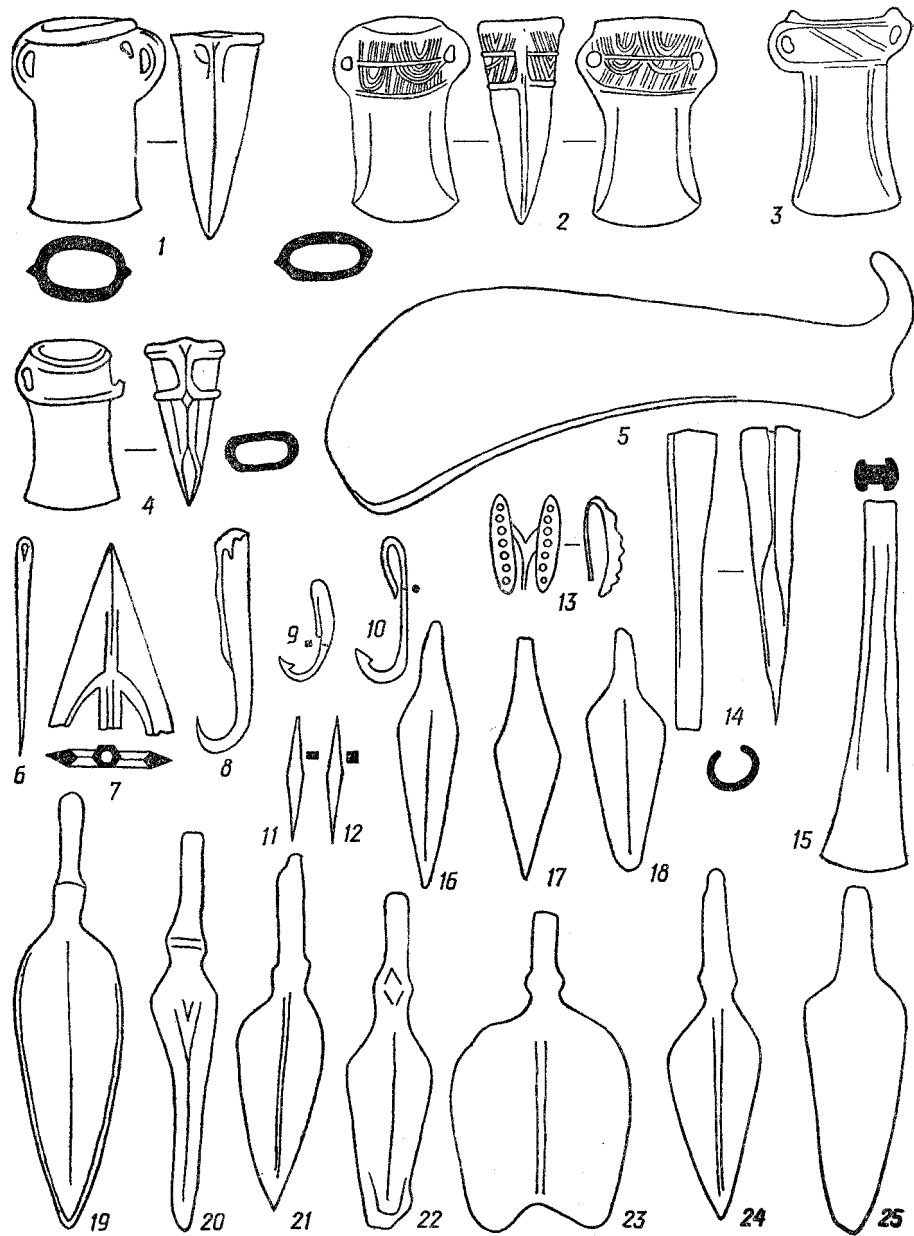


Рис. 40. Образцы вещей из клада у с. Лобойковка (по Е. Черных).

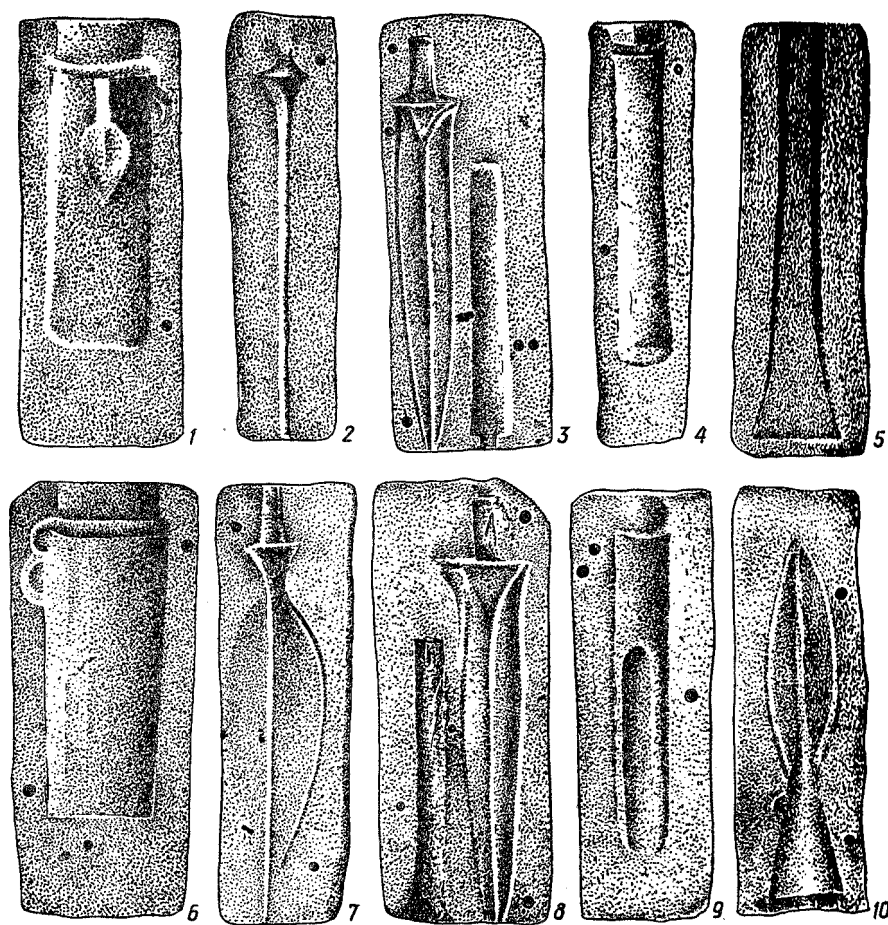


Рис. 41. Литейные формы из мастерской у с. Малые Копани (по А. Лескову).

ная форма для подобных кельтов обнаружена на поселении культуры Ноа в Островец<sup>34</sup>.

Шестигранные в сечении кельты нескольких типов составляют основную массу рубящих орудий в Степном Поднепровье. Среди них разнообразно представлены кельты с трапециевидной фаской. В ранних комплексах это небольшие двушковые кельты со слабо выделенной фаской, орнаментированные

узкой горизонтальной лесенкой, из Кабаковского клада, кельт с четкими гранями и широким рельефным поясом из Лобойковки (рис. 40, 3), два двушковых и один одношковый кельт из Блговещенского клада, недавно поступившего в Запорожский краеведческий музей. Литейная форма для подобных кельтов обнаружена на поселении горняков-металлургов Пилипчатин Днепро-Донецкой обл<sup>35</sup>. Несколько отличаются от по-

<sup>34</sup> Балагурі Е. А. Ливарні матриці з поселення пізньої бронзи біля с. Острівець.— МДАПВ, 1964, вып. 5, с. 30, рис. 1, 3, 4.

<sup>35</sup> Татаринів С. П. Металлообробка в епоху пізньої бронзи на Східному Дніпро-Донець.— СА, 1979, № 4, с. 259, рис. 2, 1.

рчисленных кельты из Дремайловки и Большой Кардашкинки, у которых фаска сильно сужается кверху, а широкий валик переходит в граненые массивные ушки, стройный кельт с небольшими ушками из Майоровки и одноушковый кельт, украшенный зигзагом под валиком из коллекции Алексеева, хранящейся в Эрмитаже.

Особое место в этой группе занимает матрица из Малых Копаней, предназначенная для больших ровных кельтов со слабо выделенными гранями и с пещеркой с одной стороны (рис. 41, 1, 6).

В более поздних литейных комплексах — Волошское (рис. 45, 2), Кардашкинка II, Солоха, Раденское, Завадовка (рис. 49, 1, 2, 7, 8), Игрень<sup>36</sup> — имеется большой набор негативов безушковых, одно- и двуушковых кельтов, которые отличаются небольшими размерами, дополнительным ребром на широкой фаске и нередко двойным валиком вокруг втулки. Кроме Поднепровья форма для литья таких кельтов найдена на Бондарихинском поселении близ г. Изюм<sup>37</sup>. Вариантом этих кельтов, видимо, являются кельты с лобным ушком из Кривого Кута и Субботова<sup>38</sup>.

Среди еще не опубликованных музейных поступлений с о-ва Хортица Запорожской обл., Бузовки Магдалиновского р-на Днепропетровской обл. имеются массивные кельты с рельефным орнаментом, близкие находкам в Хопрах на Дону и Мариупольском уезде. Связь последних с Волго-Уральскими

кельтами, в частности дербеневскими, справедливо отмечалась Е. Н. Черныхом<sup>39</sup>.

Шестигранные в сечении кельты с арочной фаской достаточно широко представлены в Поднепровье<sup>40</sup>. Безушковые и одноушковые кельты входят в состав таких кладов, как Авраамовка (рис. 43, 16), Маячка, Кривой Кут, Князьгригорьевка, Орехово (рис. 44, 16, 18), Сосновка близ Чигирина и др. К востоку от Днепра они встречены только в Райгородском кладе, но много их к западу в таких кладах, как Ингульский, Новотроянский, Курачи Лозы, на сабашиновском поселении Пивденное и др. Особенно распространены они были на территории Румынии<sup>41</sup> и Северной Болгарии<sup>42</sup>.

Находки из Молдовы и Трансильвании румынские исследователи связывают с культурой Ноа, а из Мунтегии — с культурой Тей<sup>43</sup>.

Под влиянием балкано-карпатского импорта в Северном Причерноморье началось местное изготовление кельтов с арочной фаской (Красные Маяки). В приднепровских мастерских изготавливали, видимо, преимущественно двуушковые кельты — Верхнетарасовка 4, Новоалександровка (рис. 48, 1, 4). Из Причерноморских степей, как считают исследователи, двуушковые кельты по-

<sup>36</sup> Черных Е. Н. Указ. соч., с. 83, 84.

<sup>40</sup> Там же, с. 73, 77, 84, 85.

<sup>41</sup> Петреску-Дымбовица М. Конец бронзового и начало железного века в Молдове, с. 155; Petrescu-Dimbovita M. Depozitele de bronzuri din România. București, 1977, p. 51 și urm.

<sup>42</sup> Черных Е. Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978, с. 185—203.

<sup>43</sup> Маринеску-Былку С. Клад бронзовых изделий в Ойнаке.— Dacia. N. S. 1963, № 7, с. 524. Петреску-Дымбовица М. Конец бронзового и начало железного века в Молдове, с. 151 и далее; Aricescu A. Depozitele de bronzuri din Dobrogea.— SCIV, 1965, 16(1), p. 21, ill. 4, 15.

падают в Прикубанье и на Северный Кавказ<sup>44</sup>.

Двуушковые овально-шестигранные кельты с рельефом на узких боках в виде ивового листа. Одни из них почти прямые с широкими фасками — формы из Новоалександровки (рис. 48, 2), Кардашкинки I (рис. 47, 3—6), а также кельт из Кривого Кута, из Хортицкого клада, хранящийся в Запорожском краеведческом музее, и из нового клада в Староселье Черкасской обл.<sup>45</sup> Другие отличаются вогнуто-линзовидными фасками — матрицы из Кардашкинки II и III, кельты из Кривого Кута, Алешкинских хуторов (рисунок последнего сохранился в архиве О. А. Кривцовой-Граковой). Кельт с широким орнаментальным поясом хранится в школе с. Биевцы около Богуслава. Особо выделяется по оформлению широкой фаски матрица из Волошского (рис. 45, 2).

Значительное количество кельтов с вогнуто-линзовой фаской сосредоточено в Среднем Поднепровье<sup>46</sup>. Видимо, наиболее ранней матрицей для таких кельтов является голоуровская<sup>47</sup>. Исследователи считают, что именно Поднепровье является центром по производству этих кельтов. Цепочка же находок, включая и орнаментированные, тянется к востоку до Приуралья, а к Западу — до Нижнего Подунавья<sup>48</sup>.

В Поднепровье есть несколько кельтов, в которых соединена арочная фаска с боками в виде ивового листа (уроч. Бабурка в Запорожье, Хмельна, Рас-

<sup>44</sup> Иессен А. А. Прикубанский очаг металлообработки.— МИА, 1953, № 23, с. 86; Крупков Е. И. Киммерийцы на Северном Кавказе, рис. 1, 6, 9.

<sup>45</sup> Сообщение Телегина Д. Я.

<sup>46</sup> Тереножкин А. И. Предскифский период..., с. 121—122.

<sup>47</sup> Шарафутдинова И. М. Бронзолитварная мастеря з с. Голоурів на Київщині.— Археологія, 1973, № 12, с. 62, рис. 5, 1.

<sup>48</sup> Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч., с. 149; Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юге СССР, с. 86—88.

копанцы, Головатыно в Среднем Поднепровье и др.). Единственная аналогия на другой территории, определенная Е. Н. Черныхом как подражание кардашкинским изделиям, происходит из Малаорада в Болгарии<sup>49</sup>.

Для кладов Карпато-Трансильванского происхождения характерны кельты одноушковые, в сечении шестигранные внизу и восьмигранные сверху (боковые щитки оформлены в виде рельефных треугольников с опущенными вершинами). Такие кельты представлены в кладах из Маячки, Князьгригорьевки, Орехова (рис. 44, 19), на востоке — и Райгородки, отдельные находки из Мишурина Рога, Коблева. Они обычны и в кладах Северо-Западного Причерноморья — Ингульском, Журавлинском, Курачи Лозы. Особенно их много в Трансильвании<sup>50</sup>.

Таким образом, в степях Северо-Западного Причерноморья, и Поднепровья в частности, уже с XIV—XIII вв. до н. э. возникает местное производство кельтов. Однако наряду с кельтами местной работы — овальные в разрезе шестигранные с арковидными щитками и узкими боками, оформленными рельефом в виде ивового листа, — в хозяйстве обитателей степей, особенно на раннем этапе, значительная роль принадлежит и импортным орудиям (клады Орехова, Маячки, отчасти Ингульский и др.). В меньшей мере производятся кельты восточного происхождения.

В самом конце эпохи бронзы кельты из Нижнего Поднепровья, в частности из Кардашкинки и других мастерских явились предметом торговли с соседними белогрудовскими племенами, на территории которых найдено, вероятно, не менее половины всех известных кельтов

<sup>49</sup> Черных Е. Н. Указ. соч., с. 85; Черных Е. Н. Горное дело, с. 203.

<sup>50</sup> Roska M. Erdély régészeti riportluma Cluj, 1942, old. 29, 71, 176 o. m.; Petrescu-Dimbovita M. Depozitele de bronzuri din România, p. 55.



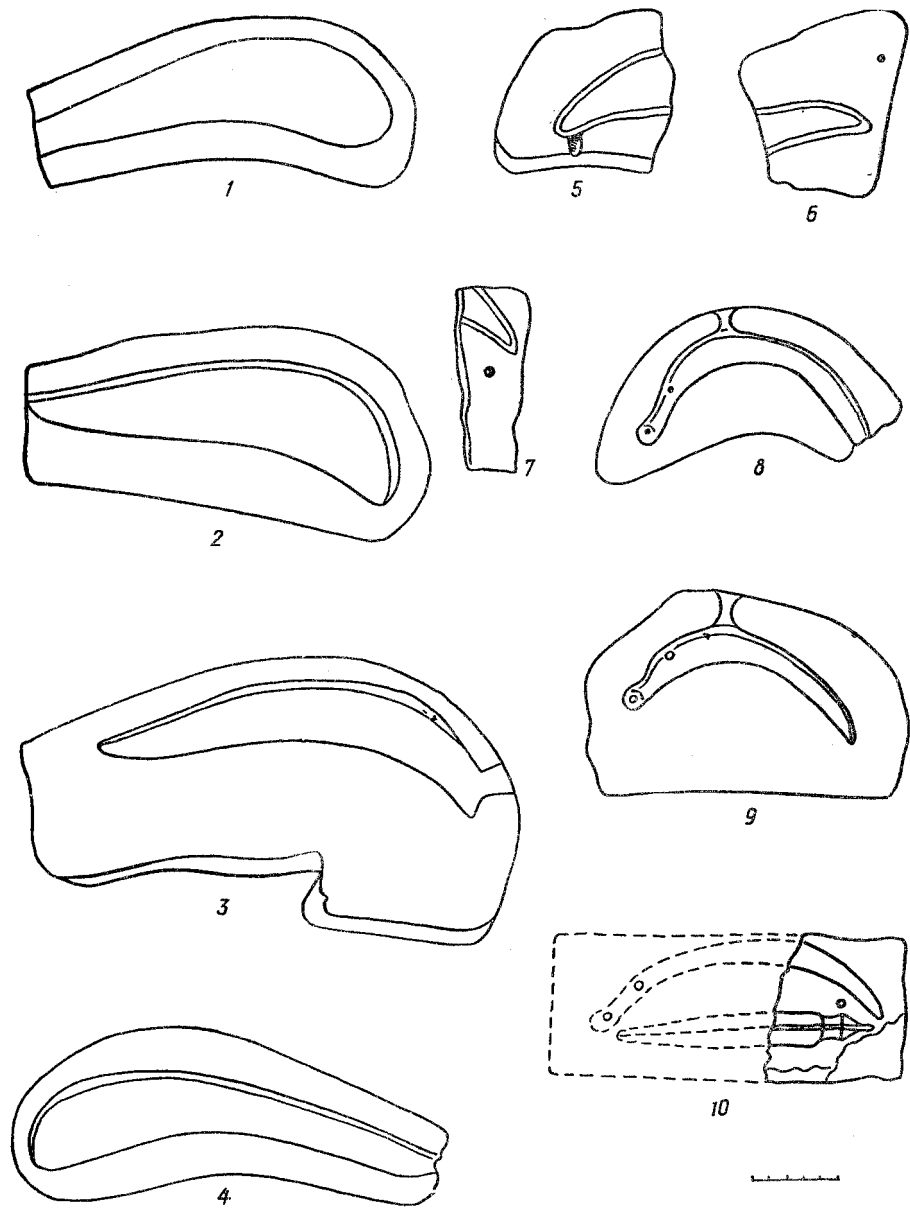


Рис. 42. Литейные формы для отливки серпов:

1 — Капуловка; 2 — Березняки; 3 — Вовниги; 4 — Черноморка; 5 — Надпорожье; 6 — Волошское; 7 — Златополь; 8, 9 — Черный лес; 10 — Васильевка.

с характерным профилем в виде ивового листа и только одна литейная форма для их производства.

**Серпы.** По количеству находок и значению в хозяйстве одно из первых мест в Поднепровье занимают серпы различных типов<sup>51</sup>.

Серпы-секачи с широким, почти ровным лезвием, расширяющимся к носку, дугообразной спинкой и откованным крюком, характерны для голоуоровско-лобойковских комплексов. Известны литейные формы из Голоуорова, Деревянной, Березняков, Капуловки (рис. 42, 1, 2), готовые изделия в составе Кабаковского, Лобойковского (рис. 40, 5), Хортицкого, Благовещенского, Бородавского кладов, а также отдельные находки из Надпорожья, Борисовки Днепропетровской обл., Варваровки близ Павлограда и др., два серпа из Керченского полуострова, важна находка такого серпа в слое Ильичевского поселения.

Хотя варианты этих серпов распространены от Поднепровья до Урала, наиболее массовое производство их в предабатиновское и сабатиновское время приходится на Левобережье Днепра.

Серпы большие, слабо изогнутые, с откованным крюком представляют наиболее раннюю и не очень многочисленную в Поднепровье группу. Среди них есть широкие, расширяющиеся к носку, как два серпа из Бородаевки, Гарбузовки (около Кобеляк, на Полтавщине), серпы из Екатериновской губ. и сравнительно узкие — поселение Вовниги (рис. 29, 4), Каменка в Днепропетровской, Ульяновка и Обуховка — в Николаевской обл. Литейные формы для подобных серпов известны у с. Вовниги и в Черноморке близ Одессы (рис. 42, 3, 4). Серпы этого типа наиболее харак-

терны для памятников срубной культуры от Поволжья до Дона. Самым западным и очень удаленным от основных находок является экземпляр из кладки Одэиле-Подари (близ Ильфова) в Румынии<sup>52</sup>.

Особое место занимают равномерно изогнутые серпы с длинным откованным стержнем — крюком для рукояти. Они известны на Украине в двух кладках: 5 экземпляров — в Бериславском и 7 — в Коблевском.

Серпы коленчатые с острым носком и массивным ребром вдоль спинки, переходящим на рукоять, представлены только двумя образцами в Бериславском кладе. Литейная форма для таких серпов открыта при раскопках Бахмутского поселения на Северо-Востоке Кавказа<sup>53</sup>. Как справедливо отмечают А. В. Добровольский, А. А. Иссен и другие исследователи, оба типа серпов вместе со слитками металла из Бериславского клада попали в Поднепровье из Прикубанья.

Серпы коленчатые с массивным литым крюком. Среди них выделяются серпы с четко выраженным перегибом, как серпы из Авраамовского клада (рис. 43, 1—5, 9, 10), обломок из Никопольского (Николаевского) клада. Особенно они многочисленны в Северо-Западном Причерноморье — Ингульский клад, Вециловский, Лозовский, Малое Братское, Журавлинский.

Некоторые из серпов отличаются дополнительными ребрами на лезвии — два серпа из Новонавловки, один из Журавлинки.

Вторую группу составляют серпы с плавным изгибом — несколько экземпляров из Князьгригорьевского клада, по одному из Орехово (рис. 44, 14) и Райгородки. Много их в Ингульском, Новотрояновском и других кладках к За-

<sup>51</sup> *Шарафутдинова И. М.* Бронзові серпи Північно-Західного Причорномор'я. — *Археологія*, 1974, № 1, с. 26—43; *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР, с. 88—97.

<sup>52</sup> *Morintz S.* Op. cit., p. 93, fig. 53, 3.

<sup>53</sup> *Добровольский А.* Бериславський скарб бронзової доби. — *Археологія*, 1952, т. 2, с. 152—169.

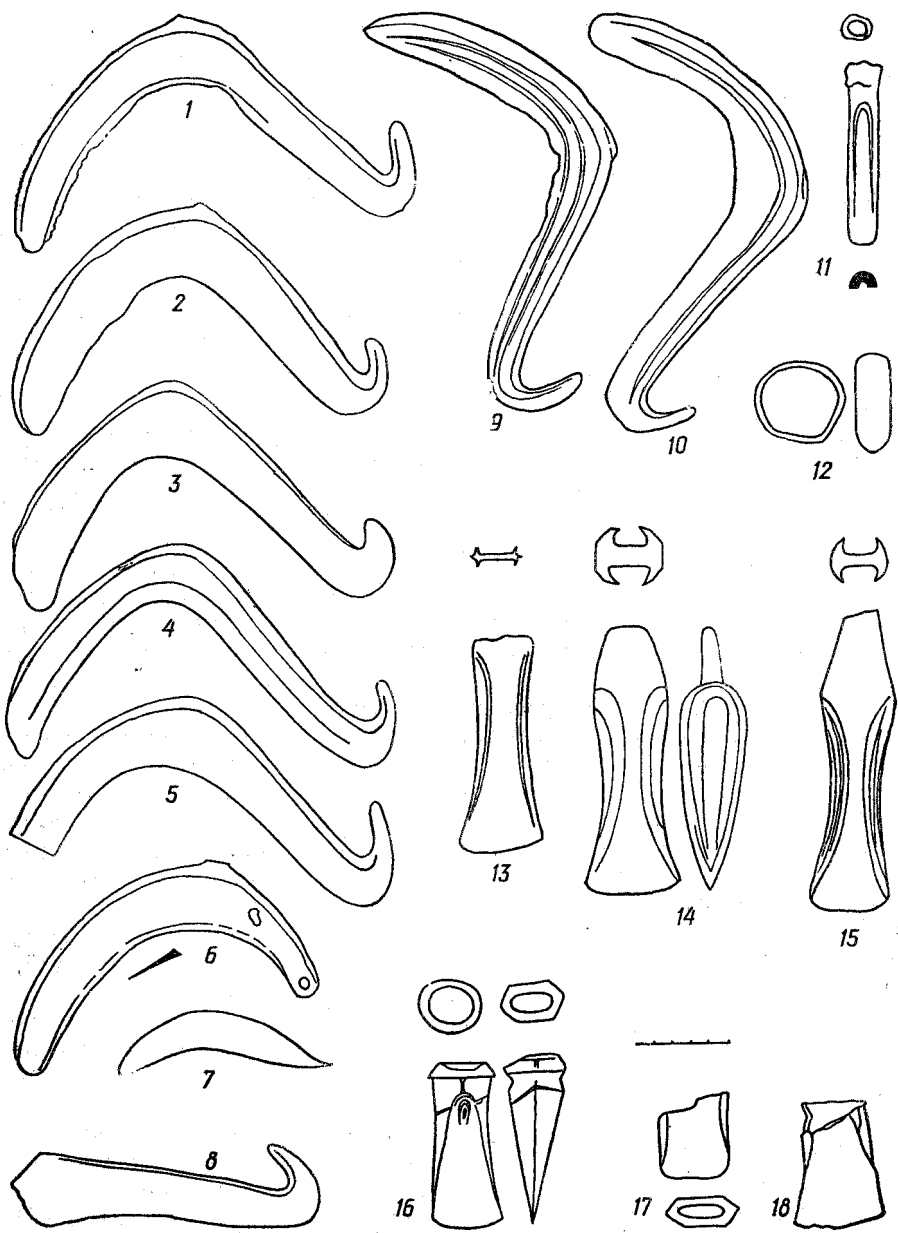


Рис. 43. Авраамовский клад (по В. Бочкареву).

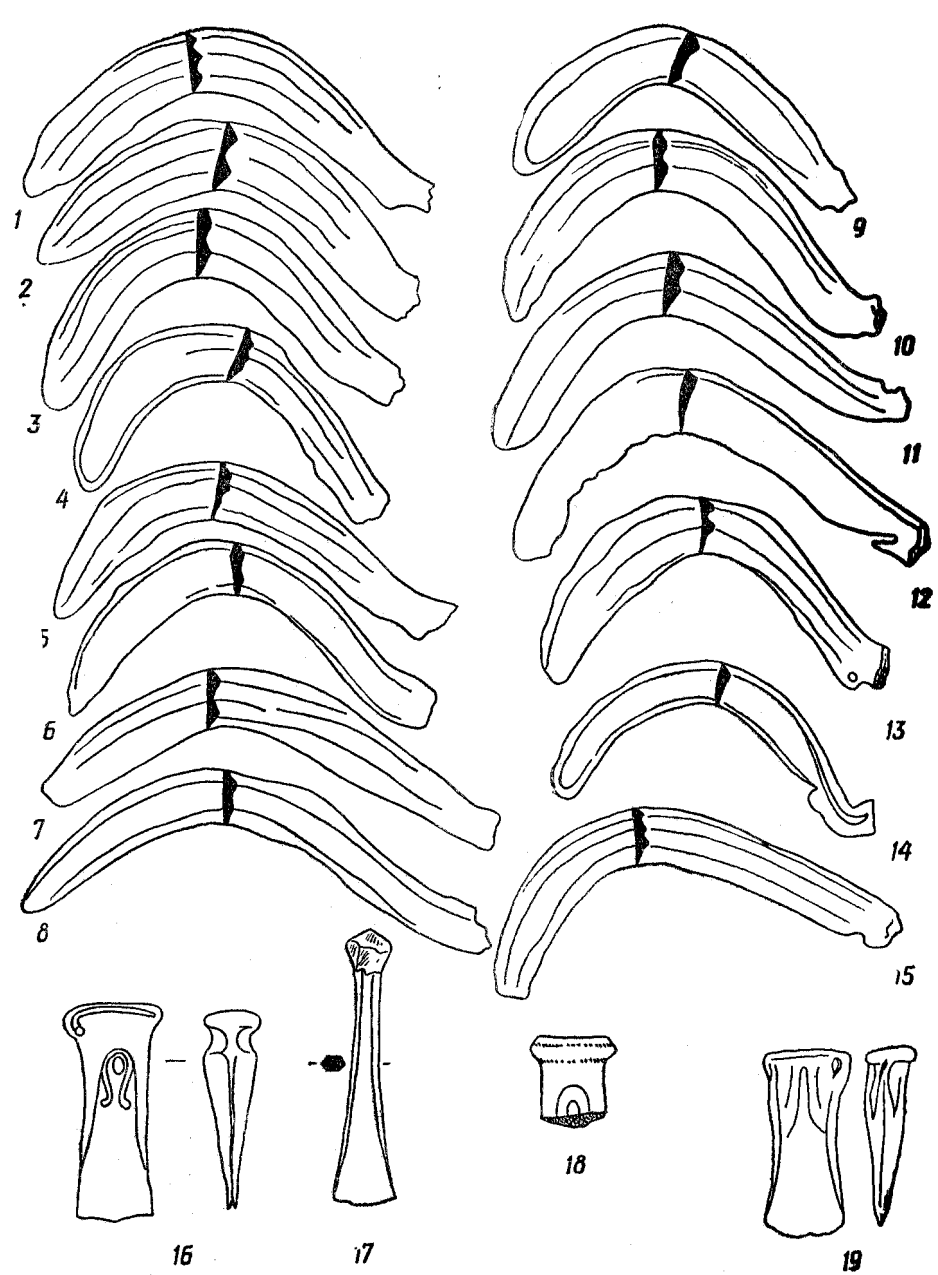


Рис. 44. Ореховский клад (по Е. Черных).

клада от Днепра. Типологически эти серпы близки к трансильванским и южно-карпатским.

Серпы дуговидные, равномерно широкие с одним или двумя отверстиями для крепления рукояти в Поднепровье представлены отдельными экземплярами в Авраамовке, Солонцах (рис. 43, 6; 52, 4) и несколькими литейными матрицами, правда, предназначенными для орудий меньшего размера, из клада на р. Чуть, формой неизвестного местонахождения, изданной О. А. Кривцовой-Граковой недавно открытой матрицей, с тремя негативами из Андровки в Приазовье\*, разбитой формой из Васильевки (рис. 42, 8—10).

К востоку от Днепра известны только два серпа в Райгородском кладе, зато их много в Северо-Западном Причерноморье вплоть до Румынской Молдовы — Рыпеншты, Чиорани.

Серпы с широкой ребристой рукоятью и выступом-шпорой на рукояти представлены двумя обломками в Никопольском кладе, по одному — в Ингульском и Райгородском. Два серпа, происходящие предположительно из Днепропетровской обл., хранятся в коллекции Алексева в Эрмитаже. Массовые находки этих серпов сосредоточены в Среднем Подунавье, Трансильвании, в верховьях Тиссы.

Серпы слабо изогнутые с кнопкой для крепления рукояти известны на нашей территории лишь по находкам в Никополе и Обуховке, а затем в Козорезово (не менее двух серпов), несколько отличаются от перечисленных серпы из Леплявы и Хмельной.

Серпы дугообразные с утолщением на пятке от литка известны по кладу из Орехова (16 экземпляров) (рис. 44). В Киевском историческом музее хранится подобный серп из Екатеринославской губернии, а в Эрмитаже — один из двух сохранившихся серпов Козорезов-

ского клада. Подобных серпов особенно много в Нижнем Подунавье.

Среди единичных орудий необходимо отметить орудие из Солонецкого клада в форме серпа, но с выпуклой рабочей стороной, вогнутой спинкой и носком, отогнутым в сторону спинки. Рукоятка обломана (рис. 52, 5). Полагаем, что это бритва типа найденных в Гура Доброджей и в кладе из Бэлень.

*Ножи и кинжалы.* В комплексах культуры многоваликовой керамики ножи встречены только в двух случаях — в погребениях из Кривого Рога (рис. 16, 17) и Кичкаса (рис. 17). Оба плоские, обоюдоострые. Первый, маленький, с едва намеченным перехватом в основании лезвия и закругленным черенком, напоминает ножи катакомбной культуры и раннесрубных погребений у Новомолчановки и Неприцкого могильников в Поволжье<sup>54</sup>. Второй большой нож с длинным ровным черенком и слабо намеченным сужением на клинке, что сближает его с ножами катакомбной культуры.

*Ножи с ромбовидным расширением и выемкой в основании рукояти* являются характерными для срубных погребений (рис. 20, 5, 6; 24, 18). Отдельные находки их хранятся в Днепропетровском и Киевском музеях. Только дважды они обнаружены в составе кладов (Ульяновка близ Еланца, Лобойковка).

Типологически наиболее примитивным и, по-видимому, очень ранним является листовидный нож из Надпорожья (КИМ-А-11318). Рукоятка с лезвием представляет единое целое. Выемки и расширение на рукоятке, переходящей в треугольный стерженец, едва заметны. Ближайшей аналогией ему, по-видимому, следует считать ножи из Бы-

<sup>54</sup> Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана, с. 130, 151, рис. 36, 4; Васильев И. В. Указ. соч., с. 24, 31.

кова и Бережновки в Заволжье<sup>55</sup>. Близок он и ножам Скорняковского и Покровского могильников<sup>56</sup>.

Отдельные находки отличаются удлинено-листовидным лезвием с максимальным расширением посредине и широким ромбом в основании клинка (Долгая Могила у Марьевки)<sup>57</sup>, другие — очень маленьким ромбовидным утолщением на рукояти — часть ножей Лобойковского клада (рис. 40, 22).

Большинство ножей из Поднепровья (Мишурич Рог, Кардашинка, Новопавловка, Днепрострой и др.) имеют вытянуто-треугольное лезвие с острым концом. Посередине четко выражена двусторонняя нервюра. Черенок обычно удлиненный с четким небольшим ромбовидным расширением. По форме черенка (с удлиненным расширением и округленным краем) несколько выделяется и второй нож из Марьевки. В целом эту группу можно сравнить с развинутой формой типично срубных ножей, представленных, в частности, в погребении в срубе у слободки Николаевка<sup>58</sup>, на поселении у с. Янохино на Северском Донце<sup>59</sup>, в Таманском кладе<sup>60</sup>, в многочисленных памятниках срубной культуры Поволжья и в комплексах алакульской группы андроновской культуры<sup>61</sup>. Западнее Ингула известно только два ножа этого типа из Паркан и

<sup>55</sup> Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 71; Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60, с. 84.

<sup>56</sup> Древности, 1898, № 12 (2), с. 125; Tallgren A. M. Op. cit., s. 70—75, fig. 46, 6, 7; 51, 7; 53, 2.

<sup>57</sup> ДГС, 1868, вып. 2, с. 40—42, табл. XXII, 5. Оба ножа хранятся в Эрмитаже.

<sup>58</sup> Городцов В. А. Археологические исследования., XII АС, т. 1, с. 226.

<sup>59</sup> Митрофанова В. И. Янохинское поселение срубной культуры на р. Оскол.— КСИА АН УССР, 1959, вып. 9, с. 66.

<sup>60</sup> Соколовский И. И. Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове.— АО, 1965 г., М., 1966, с. 8.

<sup>61</sup> Черняков С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88, с. 78—79, 161—162.

Сарата Монтеору<sup>62</sup> (последний, по-видимому, является подражанием срубным).

На Днепре известна единственная листовидная форма для не очень ранних ножей с расширением на рукояти в голоуновском бронзолитейном комплексе. Аналогии им в срубных памятниках свидетельствуют, как уже отмечено О. А. Гракова, об относительно раннем проникновении этих ножей в Поднепровье с Востока<sup>63</sup>. Находки литейных форм на Северском Донце (Усово Остро, Александровск)<sup>64</sup> позволяют предположить, что по крайней мере часть приднепровских ножей изготовлена донецких мастерских. Отсутствие их в поселениях и в кладах сабатиновского времени дает достаточно оснований утверждать, что они преимущественно здесь сабатиновским памятникам.

В этой связи и находки, происходящие из районов Канева и Черкасс, которые А. И. Тереножкин предположительно относил к белогрудовской культуре, представляются более ранними, связанными с проникновением срубных влияний не только на территорию Причерноморья, но и Среднего Поднепровья.

*Плоские ножи с узким черенком* известны по отдельным находкам, и типичны в кладе у Лобойковки (рис. 40, 16, 18) и Солонца (рис. 52, 12). Выделяются ножи ромбовидной формы Лобойковка, хут. Божков, Волонская мастерская (рис. 45, 6). Это древний тип ножей, существующий на большой территории от Урала до Северного Причерноморья с III тысячелетия до н. э.

<sup>62</sup> Gimbutas M. Bronze Age Culture in Central and Eastern Europe. Paris; London, 1962, fig. 156.

<sup>63</sup> Кривцова-Гракова О. А. Стояновское Поднепровье., с. 140.

<sup>64</sup> Татаринцов С. И. Указ. соч., с. 20, рис. 4, 3.

<sup>65</sup> Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч., с. 15. Тигонов В. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 1960, № 90, с. 71, табл. XXII.

\* Сообщения И. А. Пислария.

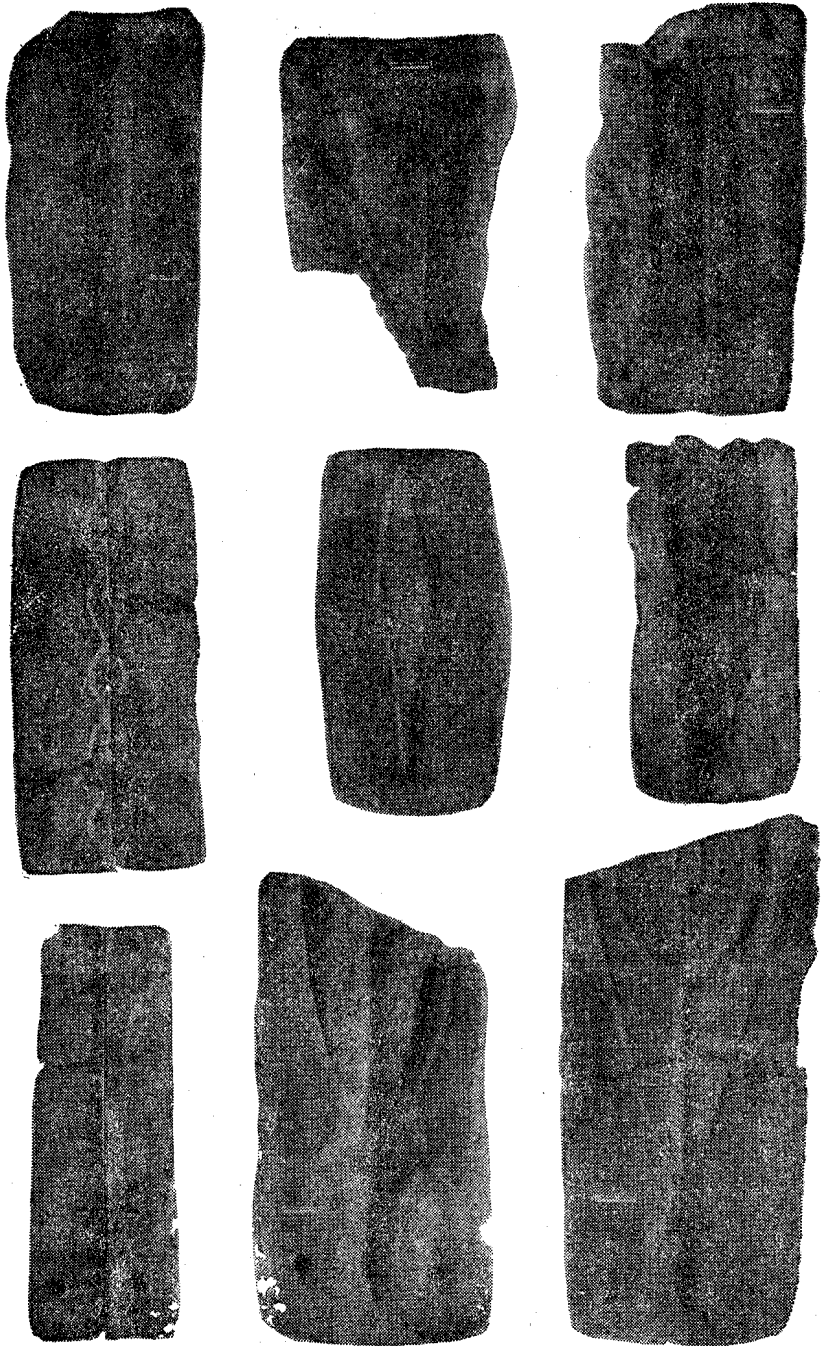


Рис. 45. Литейные формы из мастерской на поселении у с. Волошское, уроч. Сурская Забора (КИМ).

В музеях Юга Украины собраны различные ножи удлиненно-листовидной формы без нервюры либо со слабо намеченной нервюрой (рис. 52, 11). Находки в Солонцах, Пересадовке свидетельствуют о бытовании их в сабатиновское время. Литейную форму из балки Романцевой в Надпорожье\*, где собрана также многоваликовая керамика, предположительно можно отнести к до-сабатиновскому времени.

Ножи и кинжалы с параллельными лезвиями уже упоминались в поздней группе погребений (у Первомаевки, Компанийцев (рис. 27, 3), Любимовки, в Широком кургане). Очень сработанные узкие ножи с одно- и двусторонней нервюрами обнаружены на нескольких поселениях (Бабино IV, Верхнетарасовка, в уроч. Криницы около с. Михайловка) (рис. 35, 10). По-видимому, самым массивным среди находок этого рода является кинжал из Деревки (рис. 37, 5). В Поднепровье обнаружено также более десяти литейных форм для отливки из этих изделий — Кардашинка I, II, Раденск, Цюрупинск, Завадовка, устье р. Самары (рис. 47, 7—10; 50, 2; 51, 5)<sup>66</sup>. Матрицы из Волошского предназначены для относительно больших кинжалов (20×2,5 см), в том числе и со слегка расширяющимся лезвием (рис. 46, 1, 3). Последний отличается и слабо намеченным дуговидным перекрестием и выступом на конце рукояти. Подобный выступ имеется и на одной из форм в Кардашинке I (рис. 47, 7).

В музеях хранятся подобные находки из разных мест Поднепровья — Хмельной на Черкащине, Адександровки и Андрусовки на Кировоградщине, Кар-

дашинских кучугур, Погопавлонки и др. Отдельные ножи встречены на соседних территориях — Кобыляковском городище, Бондаришинском поселении на Осколе, Кишиневском поселении. Однако обилие литейных форм свидетельствует об их приднепровском производстве. Распространение этих ножей исследователи относят к белозерскому периоду<sup>67</sup>, но возникают они раньше (Волошская мастерская).

Определяя их назначение, считаем, что, по всей вероятности, лишь самые крупные могли употребляться в качестве кинжалов, большинство же служили ножами, самые маленькие изделия (как находки из Змеевки), вероятно, употреблялись в качестве бритв (рис. 47, 12—14, 16). Такое же назначение могли иметь и небольшие предметы в форме вытянутого овала, которые кроме Змеевки (рис. 47, 15) найдены в Гришицах и Хмельной на Черкащине. В известной мере они напоминают более массивные бритвы с кольцом для подвешивания из Закарпатья<sup>68</sup>.

Однолезвийные ножи с прямой спинкой и округленным лезвием и небольшим черенком появляются в сабатиновское время (Райгородский клад, Волошская мастерская) (рис. 45, 7) и бытуют продолжительное время (клад из Новогригорьевки)<sup>69</sup>. Известны отдельные находки подобных ножей в Снегиревке и около Херсона<sup>70</sup>. В. А. Городцов находит аналогии этим ножам среди бронзовых изделий киммерийского времени на Кавказе. В балке Демской близ

\* Фонды ИА АН УССР. Коллекция А. В. Бодянского.

<sup>66</sup> Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч., табл. 33, 14; 15; 34, 10, 13—15; Лесков А. М. Новая мастерская. — КСИА, АН СССР, вып. 103, с. 64, рис. 22, 6; Мизин В. О. Указ. соч., с. 245, рис. 2, 3.

<sup>67</sup> Тереножкин А. И. Основы хронологии, с. 72 и сл.; Мелюкова А. И. Культура предкиевского периода, с. 43.

<sup>68</sup> Bernjaković S. Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten Ufergebiet des Oberen Theisstaales (Karpatoukraine USSR). — SIA, 1960, t. 8(2), Taff. XIV, 45.

<sup>69</sup> Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. К., 1931, с. 84, табл. XIX, 5.

<sup>70</sup> Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч., рис. 34, 28, 36.

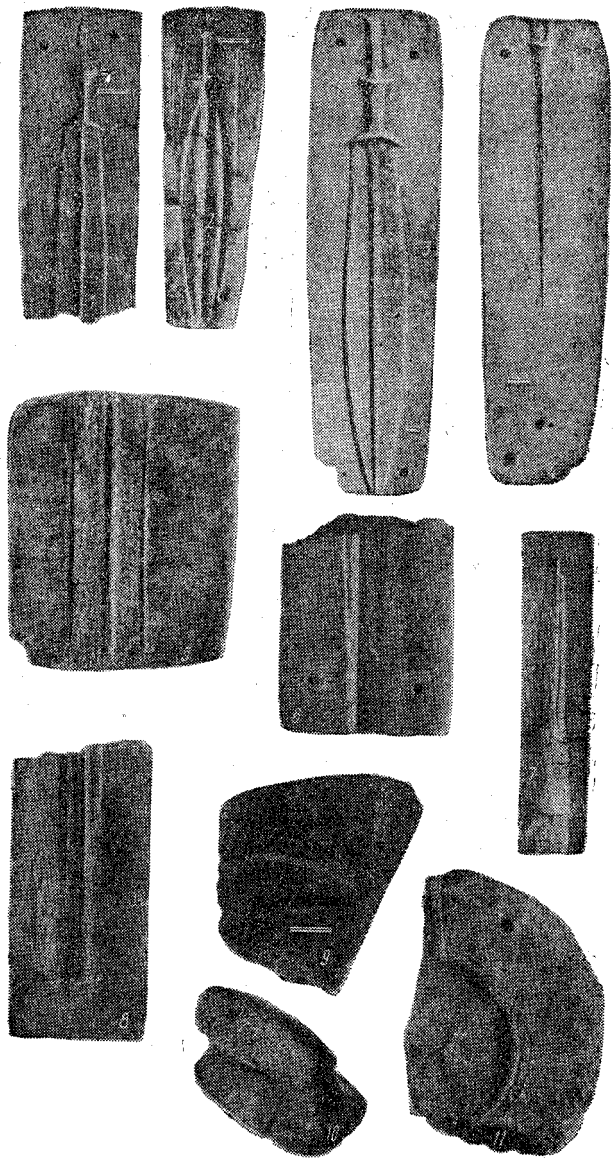


Рис. 46. Литейные формы и утюжок из мастерской на поселении у с. Волошское, уроч. Сурская Забора (3—4 — форма кинжала; хранится в ИА АН УССР, остальные в КИМ).

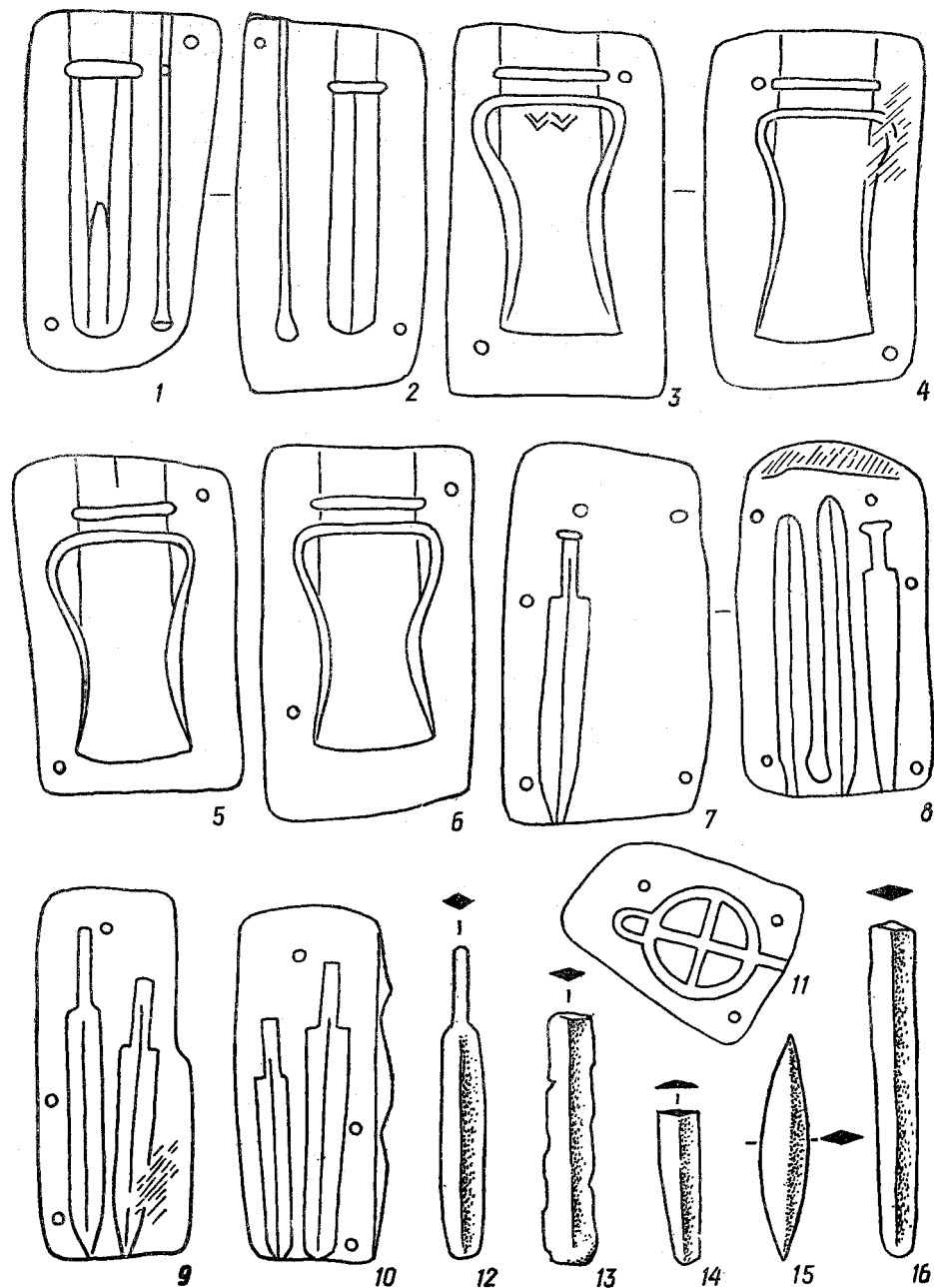


Рис. 47. Литейные формы из мастерской Кардашинка I (1—11) и бронзовые изделия из поселения у с. Змеевка (12—16).

с. Ямбург в Надпорожье А. В. Бодянский нашел кованый однолезвийный нож с ровной спинкой и почти прямым лезвием, которые, вероятно, следует связывать с разрушившимся поселением конца эпохи бронзы\*.

В конце эпохи бронзы в Поднепровье известны и однолезвийные ножи в виде узких пластин, некоторые — с выгнутой спинкой (Белозерское поселение)<sup>71</sup>, которые можно сравнивать с пластинами из Кишинева и Субботова, а также небольшие ножики с горбатой спинкой и маленькой ручкой (погребение у Петрова-Свистунова, у Днепрорудного). Аналогичен им нож из Камышевахского погребения. Такие же, но железные ножи обычны в чернолесских памятниках. На основании раннескифских уздечных наборов и близости керамики, сопровождавших эти и синхронные им погребения, А. И. Тереножкин в последних работах относит эти погребения к черногоровской ступени (900—750 г. до н. э.)<sup>72</sup>.

Кинжалы с кольцевым упором обнаружены почти во всех крупных могилах и мастерских. По форме различаются лезвия-кинжалы с максимальным расширением у основания клинка (Кабак хутор, Лобойковка, о-в Дубовый), литейные формы (Малые Копани, Деревянная Мазепинцы). Эти комплексы исследователи считают (рис. 40, 19—21; 42, 7) наиболее ранними<sup>73</sup>. О раннем времени этих кинжалов свидетельствует и находка В. А. Городцовым подобного кинжала в катакомбном погребении<sup>74</sup>. По всей вероятности, в По-

днепровье они появляются в предсабатиновское и бытуют в раннесабатиновское время.

Однако наиболее распространенными на протяжении XIII—XII вв. до н. э., по-видимому, были кинжалы с плавно расширяющимся в средней части лезвием (Солонец (рис. 52, 13), Дикий сад в Николаеве), литейные формы (Волошское, Голоуров, Красные Окна)<sup>75</sup> (рис. 46, 2). К этой группе относится ряд находок из Среднего Поднепровья<sup>76</sup> и Поднепровья (Гояны, Соколены и др.)<sup>77</sup>. Кинжалы с расширяющимся к острию лезвием известны по матрице из Новоалександровки (рис. 47, 5, 6) и Кардашки II, последняя предназначена для кинжалов с отверстием у острия (рис. 45, 9).

Кинжалы с параллельными лезвиями представлены главным образом в поздних погребениях — могильник Степной, Широкий курган (с железным лезвием), Каланчак, Афанасьевка на Ингуле, случайной находкой на Алекшинских песках и матрицами из Новоалександровки (рис. 48, 7, 8)<sup>78</sup>.

Кинжалы с упором, преимущественно первых двух видов, встречаются в срубных памятниках Дона и Поволжья, в андроновских памятниках, на Северном Кавказе.

Таким образом, кинжалы с упором существуют на большой территории

Сохранилась зарисовка кинжала в альбоме В. А. Городцова (Архив ГИМ).

<sup>71</sup> Кривцова-Гракова О. А. Поселение бронзового века на Белозерском лимане, с. 84—85.

<sup>72</sup> Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 199, 208.

<sup>73</sup> Тереножкин А. И. Основы хронологии.; Ласков А. М. О северопричерноморском очаге..., с. 164—165, 173.

<sup>74</sup> Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, с. 193.

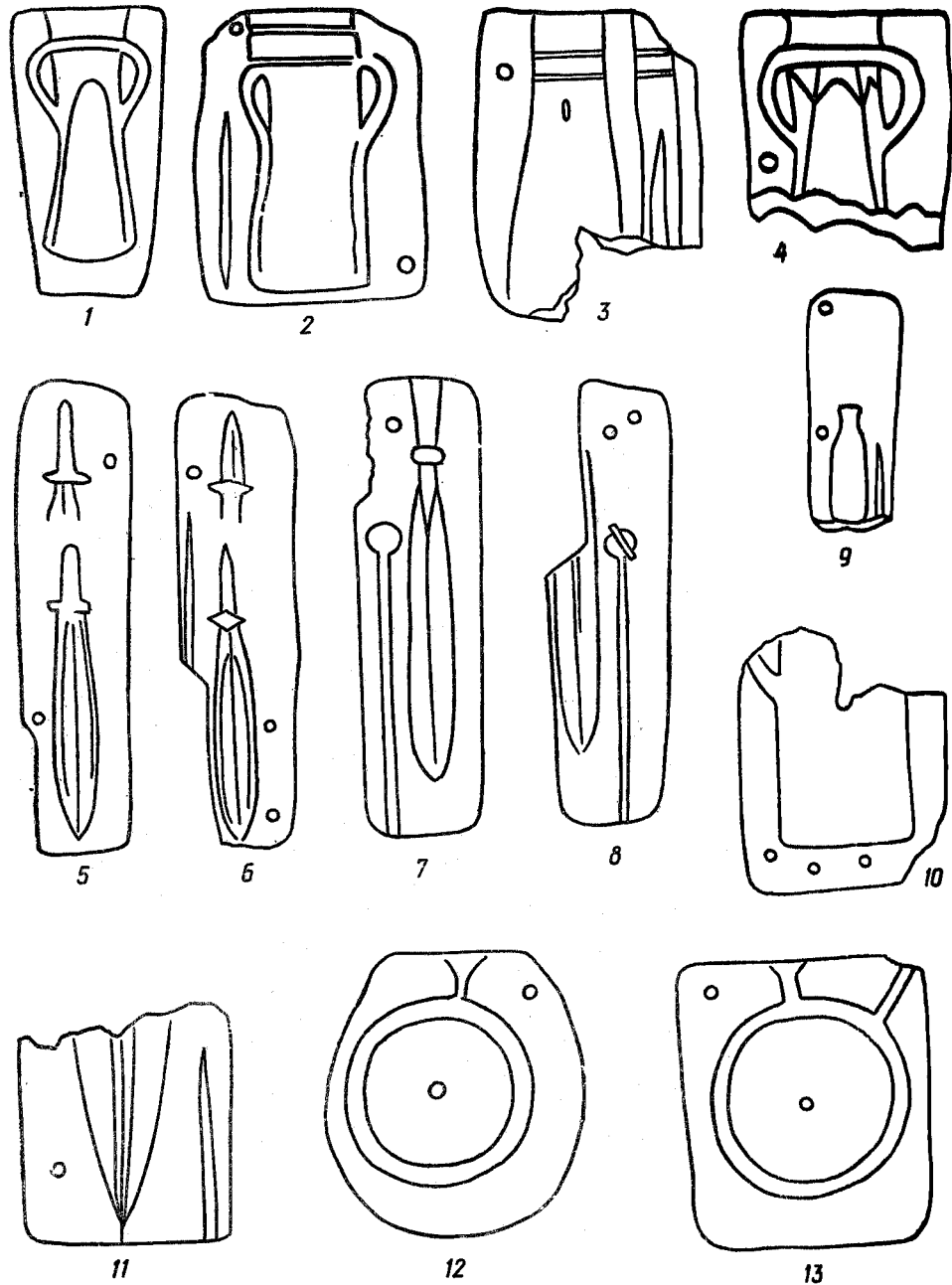


Рис. 48. Литейные формы из мастерской у с. Новоалександровка (по А. Добровольскому).

\* Фонды ИА АН УССР. Коллекция А. В. Бодянского.

<sup>71</sup> Кривцова-Гракова О. А. Поселение бронзового века на Белозерском лимане, с. 84—85.

<sup>72</sup> Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 199, 208.

<sup>73</sup> Тереножкин А. И. Основы хронологии.; Ласков А. М. О северопричерноморском очаге..., с. 164—165, 173.

<sup>74</sup> Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, с. 193.

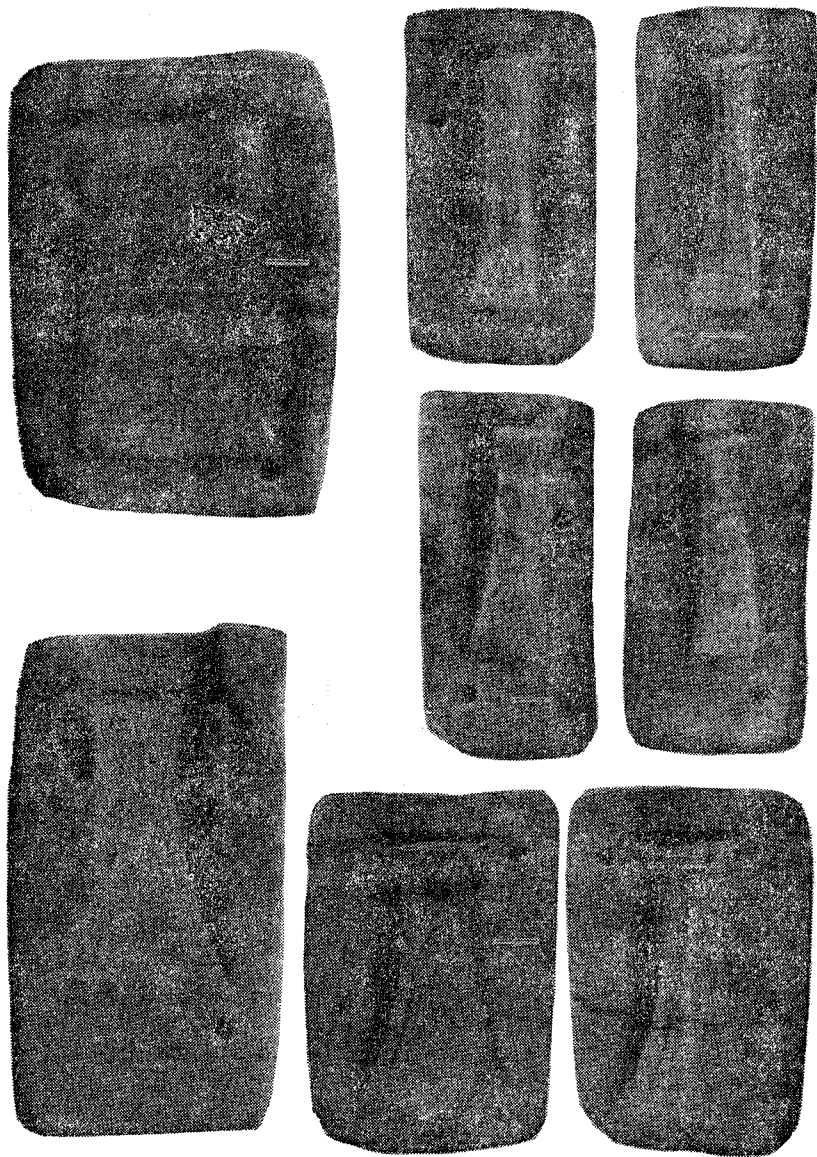


Рис. 49. Литейные формы из клада у с. Завадовка (Херсонский музей).

продолжительное время. При этом форма клинка меняется, хотя в ряде случаев различные формы и сосуществуют. Позднейшими из них являются кинжалы с параллельными лезвиями.

*Кинжалы с дуговидным перекрестием* прежде всего известны по литейным формам из Малых Копаней (рис. 41, 3, 8)<sup>79</sup>. Это сравнительно массивный кинжал удлиненной формы с широкой нервюрой, расширяющейся к перекрестию и характерным изгибом лезвия в основании, напоминающим лезвия венгерских кинжалов<sup>80</sup>. Перекрестие не выходит за пределы основания клинка. Аналогичная литейная форма найдена в с. Мариновка Приморского р-на Запорожской обл.<sup>81</sup>. Подобной формы кинжалы, но с плавно округленным лезвием и с выступающим перекрестием вырезаны на форме из Вязовки и Красных Маяков<sup>82</sup>.

В Днепропетровском музее хранятся два кинжала, один, часть лезвия которого отломана, из с. Волошское, другой найден в пределах Днепропетровской области<sup>83</sup>. По размерам они занимают как бы промежуточное место между большими и меньшими кинжалами Красномаяцкой мастерской. Нервюра в основании клинка расширяется и переходит в изогнутое перекрестие. При этом в экземпляре из Волошского перекрестие гладкое, во втором кинжале концы перекрестия раскованы в завитки. Упор кинжала из Волошского имеет цилиндрическую форму с винтообразными ребрами, второй экземпляр — рюмкооб-

<sup>79</sup> Черняков И. Т. Из истории бронзолитейного производства, с. 26—27, рис. 2, 1, 2.

<sup>80</sup> Бочкарев В. С. Проблема Бородинского клада.— В кн.: Проблемы археологии. Л., 1968, с. 151—152.

<sup>81</sup> Огульчанский А. Я. Отчет об археологических разведках и раскопках Бердянского музея в 1969 г.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 5509.

<sup>82</sup> Крицова-Гракова О. А. Указ. соч., рис. 30, 3, 4; 34, 6.

<sup>83</sup> Там же, рис. 34, 7, 8.

разную форму с вертикальными гринами. Подобным же образом оформлен и упор кинжала из Чутулешт. В обоих случаях лезвие украшено двумя рядами заштрихованных треугольников. По форме упора и перекрытия они близки кинжалу Красномаяцкой мастерской. По размерам клинки кинжала и пята тива почти совпадают, длина их 20 и 21,3 см, ширина соответственно 5 и 4 см.

Таким образом, эти находки можно уверенно синхронизировать с Красномаяцкой мастерской и соответственно с Ингульским и Лозовскимкладами, мечом-кинжалом из Чутулешт и погребением с кинжалом из Борисовки и Соновомазинским кладом.

*Копья.* Наряду с кинжалами в поздний период бронзового века широко применялись копья. В сабатиновское время в Поднепровье употреблялись небольшие наконечники копий с литым ушком на втулке (матрица из Малых Копаней, Голоурова, наконечники из Каменной Балки у Первоаевки и Полосковки на Полтавщине). Эти несколько отличающиеся между собой наконечники находят аналогии в Покровском могильнике, но отличаются меньшими размерами. (рис. 41, 10).

В таких комплексах развитого сабатиновского этапа, как Волошское (рис. 46, 6), Красномаяцкая мастерская, представлены наконечники копий с узким длинным пером, оканчивающимся ромбовидным расширением у острия. Отдельные наконечники найдены на Игрени<sup>84</sup>, в Среднем Поднепровье<sup>85</sup> и в Лозовском кладе<sup>86</sup>. За пределами Саборного Причерноморья один экземпляр

<sup>84</sup> Крицова-Гракова О. А. Указ. соч., рис. 34, 22.

<sup>85</sup> Тереножкин А. И. Предскифский период... с. 140.

<sup>86</sup> Дергачев В. А. Клад конца бронзового века в Молдавии.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг. Кишинев, 1972, с. 68.

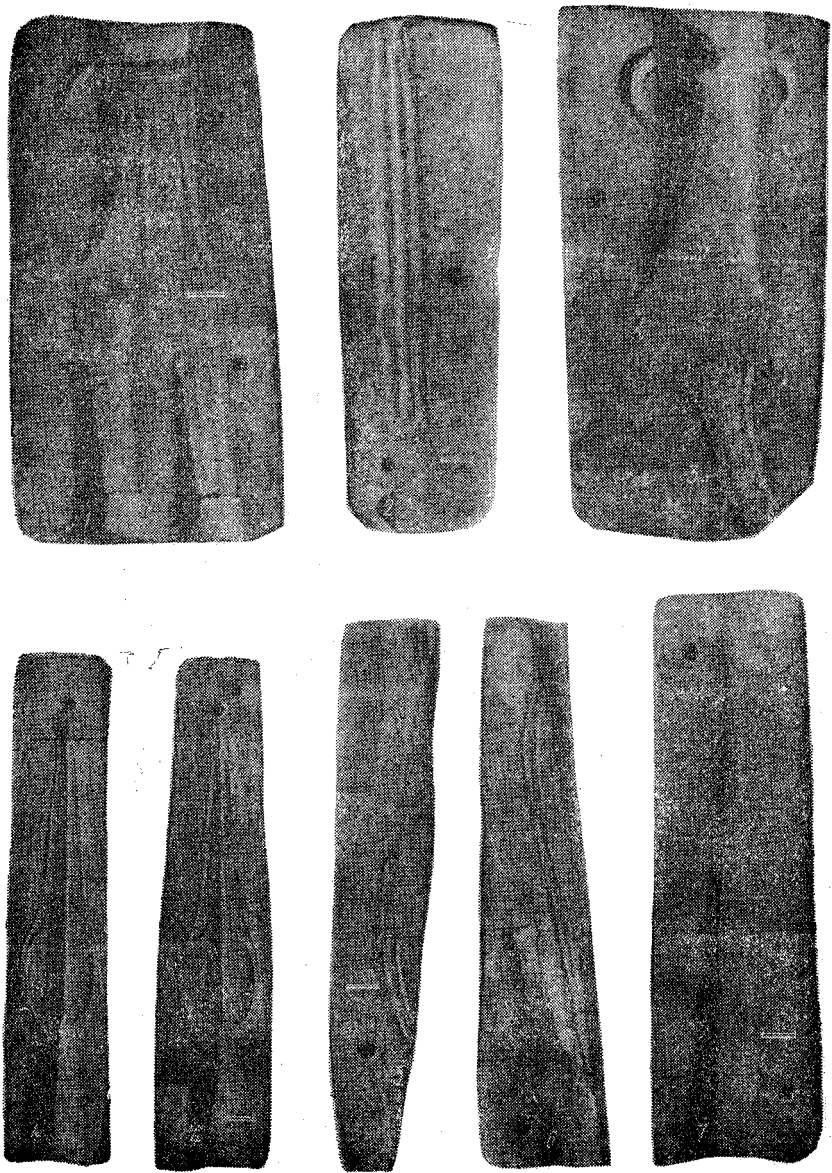


Рис. 50. Литейные формы из кладу у с. Завадовка (Херсонский музей).

известен вблизи Казани<sup>87</sup>, второй — в Венгрии<sup>88</sup>. Таким образом, эти наконечники копий являются характерными для сабатиновских племен XIII—XI вв. до н. э.

Наконечники с короткой втулкой и овальным пером, известные по отдельным находкам (Ненасытец, Дремайловка, Цюрупинск, Волошское)<sup>89</sup>, сходны с матрицей из Островца и могут быть синхронны ей, хотя не исключено, что они существуют и позже.

К этой же группе принадлежат и парадный наконечник из Цюрупинска, орнамент которого близок, с одной стороны, упоминавшимся выше кинжалам, а с другой — псалям из Волошского и Кирова, что, по-видимому, свидетельствует об их одновременности.

Наконечники копий с прорезными лопастями хорошо известны по литейным формам — Завадовка, Златополь, Солоха (рис. 50, 4, 5), которые принято относить к белозерскому этапу. Однако находки матрицы в Волошском\*, обломок наконечника в Лобойковском кладе (рис. 40, 7) убеждают, что они появились на Юге Украины еще на сабатиновском этапе. Подобные же наконечники употреблялись и в Среднем Приднепровье, где также известны и литейные формы (Иванковичи). В будущем, вероятно, представится возможность разделить их на более дробные хронологические группы.

Украшения из металла представлены в основном булавками, подвесками, браслетами. Булавки с раскованной и скрученной в трубочку головкой в Степи бытуют на протяжении всего периода поздней бронзы (Уш-

калка I, Широцанский могильник). Такие же булавки распространены в культуре Ноа (Магала, Гиндешты, Валя Лупулуй и др.)<sup>90</sup>, в Черполесских<sup>91</sup> и кобанских памятниках<sup>92</sup>, в Трое II—V<sup>93</sup>, в унетичской культуре<sup>94</sup> и др.

Булавки с звездчатой головкой отливались в матрице на раннесабатиновском поселении Верхняя Тарасовка 2. Аналогии им находим в предлужицких и тшинецких памятниках<sup>95</sup>.

Булавки с круглой головкой с косо расположенным отверстием кроме отдельных находок известны по матрицам из Новоалександровки, Кардапинки I (рис. 47, 1, 2; 48, 7, 8). Следовательно, их производство в Поднепровье относится к переходному времени от сабатиновского этапа к белозерскому и к белозерскому. Аналогичные булавки в разных вариантах также известны в предлужицких<sup>96</sup> и унетичских памятниках<sup>97</sup>, входят в состав кладов культуры Ноа (Балень).

Булавки с кольцевидной головкой известны по кладу у Солонца (рис. 52, 1), литейным формам из Птаховки и Солохи, находке на поселении у хут. Гай. Они обычны для памятников культуры Ноа — Магала, Гиндешты. Найдены также на Киевщине, в могильнике высокой культуры у с. Луговое, в кладе у с. Жабокрукки на Днестре и в дру-

<sup>90</sup> Смирнова Г. И. Поселению Магала... рис. 7, 30; Мелюкова А. И. Культуры предскифского времени, с. 30; Florescu A. Contul butii... ill. 7, 17, 19.

<sup>91</sup> Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 100; рис. 10, 1; 102, 10.

<sup>92</sup> Крупнов Е. И. Указ. соч., табл. IX, 7, рис. 196, 293.

<sup>93</sup> Dorpfeld W. Troja and Illion. Athen, 1902.

<sup>94</sup> Pittioni R. Urgeschichte des Osterröbischen Raumes. Wien, 1954, ill. 196, 293.

<sup>95</sup> Kostrzewski J., Chmielewski W., Jandrewski K. Pradzieje Polski. Wrocław, 1905, рис. 28, 12; 29, 2—3.

<sup>96</sup> Там же, рис. 28, 13. Schranil J. Studie o vzniku kultury bronzow w Cechach. Praha, 1921, s. 40—44, obr. 9—13.

<sup>97</sup> Pittioni R. Op. cit., S. 280, III. 100.

<sup>87</sup> Tallgren A. M. Collection Zaoussailov. Helsinki, 1916, p. 27. Taf. VII, 8.

<sup>88</sup> Hampel J. A. Bronzkor Emlékei Maggarhonban. Budapest, 1886, tabl. XXVII, 12.

<sup>89</sup> Кривоцова-Гракова О. А. Указ. соч., рис. 34, 19, 20, 24.

\* Фонды ИА АН УССР. Коллекция А. Бодянского.





Рис. 51. Литейные формы и бронзовые изделия:  
1 — Новотроицкое; 2, 3 — Завадовка; 4-6 — Птаховка (Херсонский музей).

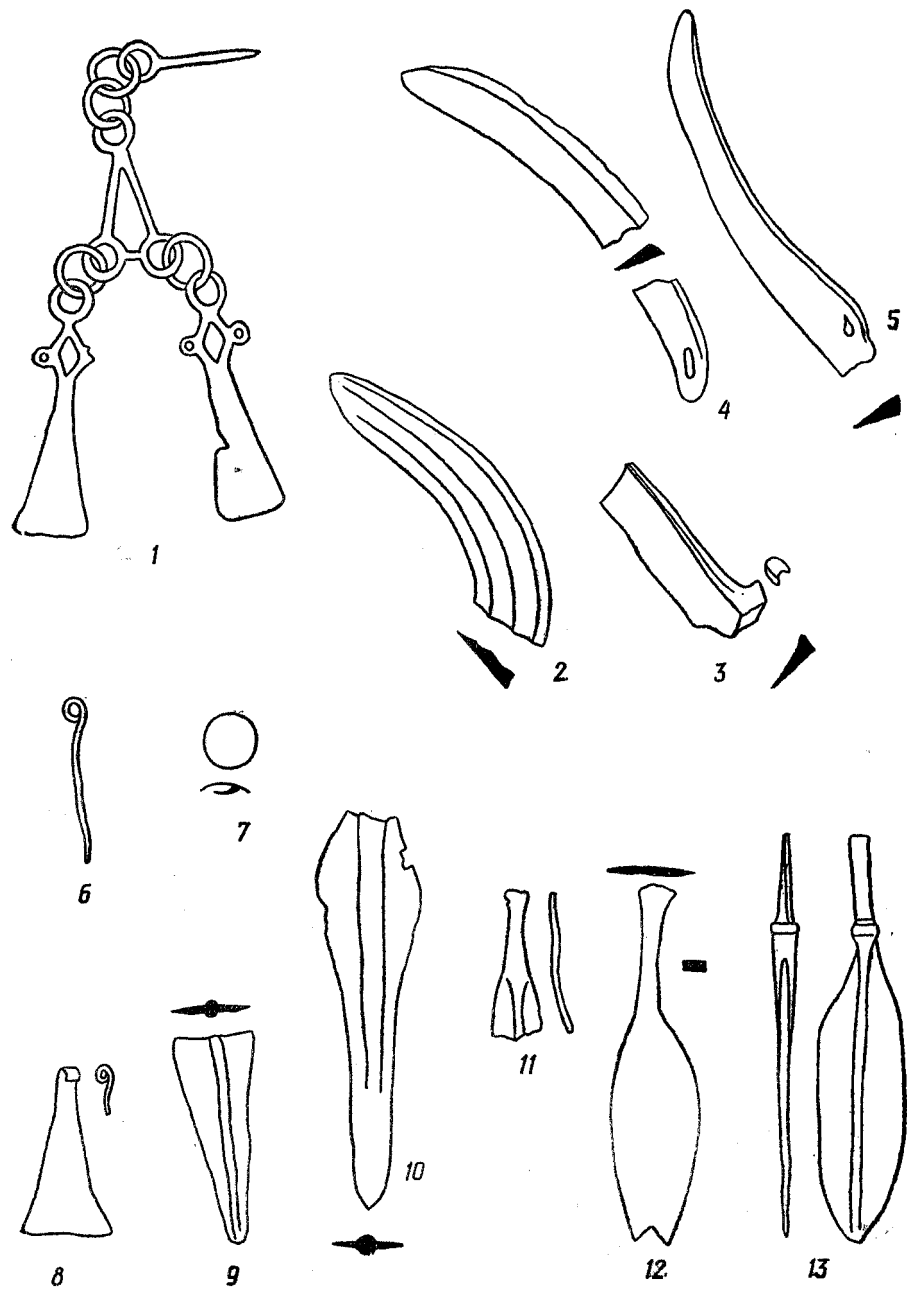


Рис. 52. Солонецкий клад (по А. Тереножкину).

гих памятниках позднего периода бронзы и рубежа его с железным веком<sup>98</sup>. В Средней Европе подобные булавки появляются в более ранних памятниках, в частности в унетичкой культуре<sup>99</sup>.

**Подвески.** К булавке из Солнца прикреплена массивная ажурная подвеска, заканчивающаяся двумя крестовидными пластинками с тремя крестообразно расположенными кольцами и ромбовидным отверстием между ними. Две такие же пластинки найдены в Ингульском кладе, а среди литейных форм из Красных Маяков сохранилась часть негатива, который И. Т. Черняков реконструирует как треугольную рамку, подобную части солонечкой подвески. У с. Верхнетарасовка найдена матрица для такой подвески<sup>100</sup>. Ажурные подвески известны на Балканах (Рганы в Югославии)<sup>101</sup> и в Средней Европе, в частности в кладе близ Старого Седла в Чехословакии, который О. Китликова датирует ВД-НА (по Рейнке)<sup>102</sup>. Последние отличаются плоской формой с одним кольцом и выемкой в основании. Несколько подобных подвесок описаны в работах Г. Мюллер-Карпе<sup>103</sup> и Г. Косака<sup>104</sup>. Учитывая поправки В. Брунна к хронологии Г. Мюллер-Карпе, Г. И. Смир-

нова определяет время их периодом НА (XII—XI вв. до н. э.)<sup>105</sup>.

Подвески-пластинки, подобные литейной форме из Верхнетарасовки, без ромбического отверстия, известны из поселений Магала и Островец, а также по находкам в Ужгороде, Держеве и Рагмань, последняя, вероятно, наиболее поздняя. Полной аналогией солонечким и ингульским являются подвески из кладов культуры Ноа — Бэлени и Ульми-Литени<sup>106</sup>. Таким образом, форма изделия, очевидно, заимствована с Запада, наличие матриц свидетельствует об изготовлении их в Поднепровье. По времени они, как уже отмечали исследователи, синхронны культуре Ноа.

Подвески в виде ажурного, разделенного накрест кольца с петлей для подвешивания отливались в Кардашинке I (рис. 47, 11). Подобные подвески известны от Северного Кавказа до Италии<sup>107</sup>.

На неоконченной матрице из Златополя вырезан негатив для овальной подвески с коротким литым стержнем, заканчивающимся ромбовидным расширением<sup>108</sup>. Подобный негатив сохранился и на Красномаяцкой матрице<sup>109</sup>. Аналогии им найти не удалось.

Височные подвески из тонкой проволоки — кольцевидные с заходящими концами и S-овидные с концами, закрученными спиралью в разные стороны, обнаружены в погребениях Игрень, Кичкас А, Компанийцы и в одном случае на поселении хут. Гай, несколько колец из случайных сборов хранятся в Херсонском музее (рис. 26, 2, 3, 11, 12).

<sup>105</sup> Смирнова Г. И. Поселение Магала, с. 33.

<sup>106</sup> Dragomir J. T. Le dépôt re l'age du bronze tardif de Baleni. Lia Rumania, fasc. 4, 1967.

<sup>107</sup> Крушков Е. Н. Указ. соч., табл. IV, 5; Kossak G. Op. cit., S. 36, Taf. 16.

<sup>108</sup> Бодянский О. В., Шарафутдинова И. М. Бронзолитварная мастерская, рис. 4.

<sup>109</sup> Черняков И. Т. Красномаяцкий клад, с. 108, рис. 10, 3; 15, 7.

Находки таких колец в белогородовских комплексах, в ранневысоцком могильнике, а также сопровождающий погребения материал позволяют датировать их рубежом II—I — началом II тысячелетия до н. э.

В поздних погребениях обнаружены маленькие кольца из тонкой проволоки либо узкой пластинки с заходящими друг за друга концами (Волошское, Золотая Балка). Они могли употребляться и в качестве височных колец, и в качестве перстней.

В этих же погребениях встречены скрученные спиралью пронизи из узкой пластинки (Волошское, Золотая Балка, с. Первомаевка, Широкое). Типологически это очень древние украшения, известные еще в ямной и катакомбной культурах.

В погребении у хут. Орлова обнаружены височные подвески удлиненной формы с расплюснутыми концами (рис. 20, 13)<sup>110</sup>. Этот тип украшений распространен как в срубной<sup>111</sup> и северо-кавказской культурах<sup>112</sup>, так и в памятниках периода В III и В IV в Венгрии<sup>113</sup>. Наиболее ранние находки их происходят из Трои II и III<sup>114</sup>, позднейшие — из клада у Бэлень.

**Смычковые фибулы** обнаружены в трех погребениях — в кургане у хут. Лукьяновка, совхоза Степной, с. Широ-

<sup>110</sup> Бодянский О. В. Щоденник археологічних дослідів на Нижньому Дніпрі в 1951 р., с. 65.

<sup>111</sup> Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, 1954, № 42, с. 110, 126, рис. 31, 1, 2; Силицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, с. 123—124 и др.

<sup>112</sup> Крушков Е. И. Материалы по археологии Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23, с. 75, рис. 8, 9; Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, № 93, с. 82, рис. 38, 5.

<sup>113</sup> Mozsolics A. Der Goldfund von Kenguel.— ААН, 1958, т. 9, old. 253—263.

<sup>114</sup> Dorpfeld W. Op. cit., s. 344, ill. 43, a.

кое<sup>115</sup> (рис. 26, 7). Ближайшей аналогией Широцанской фибулы является находка около Варны в Болгарии<sup>116</sup>. Фибулы, подобные Лукьяновской, со спиной, идущей параллельно иглу, обнаружены в Германии — в группе Хогтин Морат и Волатинской<sup>117</sup>. Последний отличается наличием дополнительной спирали у края вставки. На Ближнем Востоке такие же смычковые фибулы известны в нескольких комплексах: Хаме, которые Блискенборг датирует 1200—1150 гг. до н. э., в третьем слое Абу Хавама, который по датировке Хамельтона определяется 1100—925 гг. до н. э.<sup>118</sup> Таким образом, хотя у нас эти фибулы встречены в поздних комплексах, вряд ли их можно считать точно датирующим материалом.

**Браслеты** в комплексах поздней бронзы представлены в основном двумя типами: с несомкнутыми концами и круглолитые. Браслеты с несомкнутыми концами из узкой плоско-овальной проволочки или узкой пластины обнаружены в Чикаловке, в погребении у Волошского, в балке Круглик, у Широкого. По Никопольскому кладу известны массивные треугольные в разрезе браслеты с перехватом у краев. По всей вероятности, они являются импортом из Венгрии. Круглые литые браслеты изготовлялись в Новоалександровке и Кардашинке II (рис. 48, 12, 13).

**Пуговицы и бляшки.** В некоторых погребениях (Волошское и Золотая Балка) оказались бронзовые, слесенки вынутые пуговицы из тонкой бляшки с петлей на внутренней стороне. Такие пуго-

<sup>115</sup> Археология Української РСР, т. 1, с. 420. Отрошенко В. В. Указ. соч., с. 202, 203.

<sup>116</sup> Венедиков И. Находки от римнокобанской эпохи в Болгарии.— Известия на Народноархеологическо дружество, 1963, кн. 14, с. 21—22.

<sup>117</sup> Pittioni R. Op. cit., S. 471, Abb. 330 S. 420, Abb. 293.

<sup>118</sup> Scheffer C. Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, p. 113, pl. XXII, 15.

<sup>98</sup> Тереножкин О. И. Похоронения эпохи бронзы в с. Солонец.— Археология, № 16, с. 206.

<sup>99</sup> Stranič J. Op. cit., S. 38, obr. 7, 11—13.

<sup>100</sup> Черняков И. Т. Красномаяцкий клад, с. 108, 120, рис. 10, 2; 15, 8; Фонды ИА АН УССР, коллекция А. В. Бодянского.

<sup>101</sup> Гарашанин Драга. Каталог металла. Белград, 1954, с. 36, 37, табл. XXIV, 2.

<sup>102</sup> Kytlicova O. Hromadný nálež bronzu od Starého Sedla.— PA, 1955, 46, N 1, s. 58, ill. 4, 2, 3.

<sup>103</sup> Müller-Karpe H. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959, S. 147, 156, Taf. 148, 21; 150, 13.

<sup>104</sup> Kossak G. Studien zum Symbolgut der Urnenfelder in der Hallstattzeit Mitteleuropas.— RGF, Berlin, Bd. 20, 1954, S. 20—24, Taf. 10, 2; 15, 8; 16, 27.

нички отливались, по-видимому, вместе со стерженьком, свободный конец которого загибался и образовывал петлю. В Волошской мастерской на двух брусках вырезана лента длиной около 16 см, состоящая как бы из пяти соединенных между собой овальных пластинок со стерженьками (рис. 45, 4, 5). Вероятно, в ней отливались заготовки для бляшек-пуговиц, таких, как в Солонце (рис. 52, 7), ноических комплексах (Ульми — Литени, Островец), Гицешты<sup>119</sup>.

*Колоколовидные подвески* встречаются в белозерских комплексах Лукьяновка (рис. 26, 6), Степной, а литейные формы для них — в Новоалександровке (рис. 48, 9), Завадовке (рис. 50, 6).

Таким образом, в Степном Поднепровье среди металлических украшений преобладают украшения, общие для сабатиновских памятников и Ноа и в значительной степени связанные происхождением с рядом западных культур.

*Каменные орудия труда* (зернотерки, растиральники и точильные камни). Почти во всех жилищах во время раскопок находят целые или разбитые зернотерки из камня местных пород — песчаника, кварцита, мелкозернистого серого гранита и пр. Обычно основание зернотерки представляет собой плоский камень, приближающийся по форме к овалу. Посередине имеется углубление в зависимости от степени сработанности зернотерки.

В качестве растиральников служили продолговато-овальные камни меньшего размера, а также небольшие камни разной формы с одной или двумя-тремя хорошо зашлифованными от продолжительного употребления поверхностями. Обычными на поселениях являются и различной формы точильные камни. В конце периода бронзы появляются длинные прямоугольные в разрезе осел-

ки с просверленным отверстием для привязывания к поясу (п. 8 в Компаньцах) (рис. 27, 2)<sup>120</sup>.

Среди точильных камней выделяются также продолговатые камни с желобком посередине, которые, по-видимому, служили точильцами для костяных и бронзовых шильев (Чикаловка, хут. Божков) (рис. 36, 4).

*Ступки.* В собраниях Одесского, Херсонского, Днепропетровского и других музеев представлены маленькие, тщательно зашлифованные ступки рюмкообразной формы. Большинство из них — случайные приобретения. А между тем есть несколько находок в хороших комплексах, по которым можно определить хронологическое место и остальных предметов.

Находки миниатюрной ступки в верхнем слое поселения поздней бронзы у с. Ушкалка<sup>121</sup> (рис. 53, 1), трех ступок на Алексеевском поселении андроновской культуры позволяют уверенно связывать их с периодом поздней бронзы. Об этом же времени в определенной мере свидетельствуют и подъемные находки в Золотой Балке (рис. 53, 3), у с. Нижние Фонтаны в Крыму<sup>122</sup>, где имеются материалы поздней бронзы. С другой стороны, характер обработки ступок позволяет сравнивать их с булавами, каменными топорами, особенно разнообразно представленными в катакомбной культуре. Таким образом, не исключено, что какая-то часть ступок, хранящихся в музеях, может происходить из более ранних комплексов. Находка ступки на Субботовском городи-

<sup>120</sup> Тереножкин А. И. Предскифский период., с. 88—89.

<sup>121</sup> Раскопки В. И. Ильинской в 1955 г. Фонды ИА АН УССР; Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ, 1948, вып. 17, с. 122, рис. 47.

<sup>122</sup> Щепинский А. А. Памятники неолита, бронзы и железа из района Симферополя. — СА, 1957, № 27, с. 183—185, рис. 4, 1.

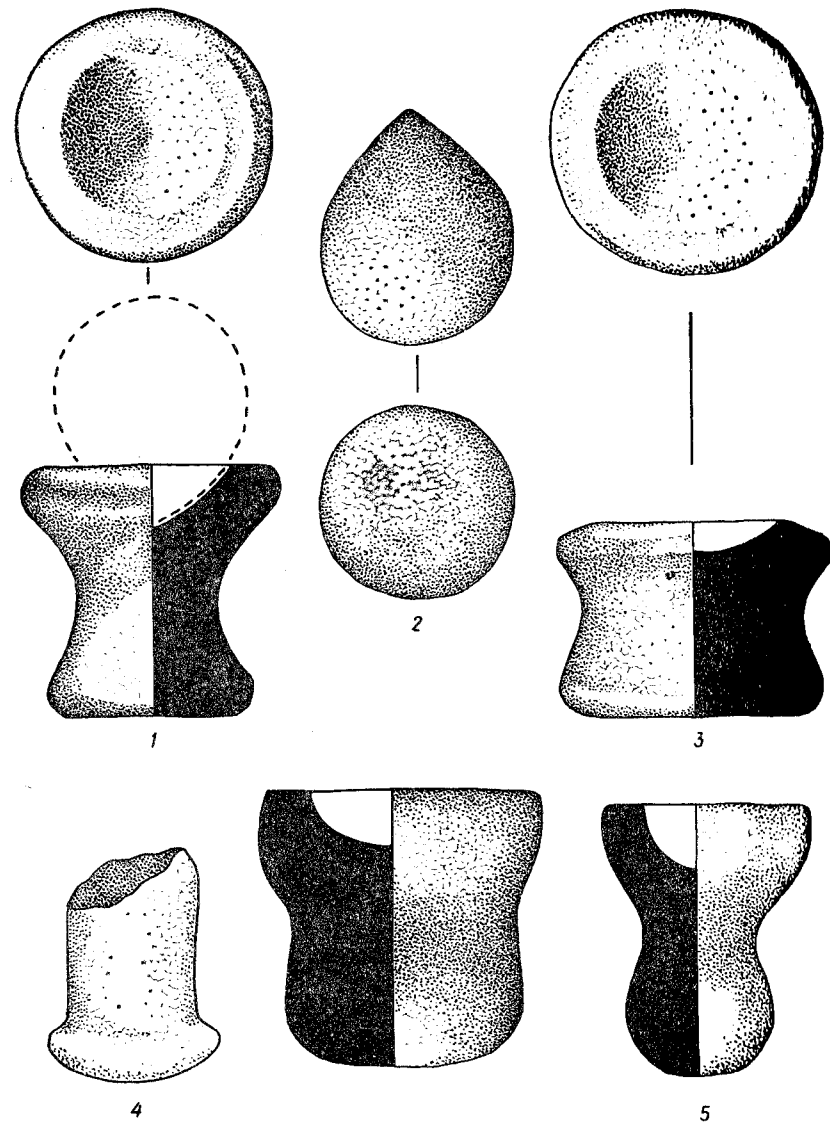


Рис. 53. Каменные ступки и песты:

1, 4 — Ушкалка; 2 — Бабино IV, 3 — Золотая Балка; 5 — Николаполь,

<sup>119</sup> Florescu A. Op. cit., p. 120, fig. 3, 13; 4, 3; Мелюкова А. И. Указ. соч., с. 34, рис. 12, 4.

ще<sup>123</sup>, очевидно, указывает на крайне позднюю дату их бытования. Г. Ф. Коробкова на основании трассологического анализа считает, что эти предметы применялись как подшипники ручных дреелей, используемых при сверлении камня и кости. С нашей точки зрения, это не исключает возможности их вторичного применения в качестве ступок. Большинство из них имеет слабоуглубленную сферической формы чашечку диаметром 3—3,5 см. Следовательно, для них необходимы были песты небольшого диаметра, соответствующие вогнутости чаш. Небольшие песты с округлым рабочим краем встречаются на поселениях поздней бронзы, в частности в Ушкалке<sup>124</sup> (рис. 53, 4), в Верхнетарасовке\* и др. Почти на всех поселениях поздней бронзы в Северном Причерноморье, найдены каменные предметы в форме куриного яйца<sup>125</sup>. Относительно назначения этих предметов представляется вероятным, что по крайней мере часть их могла быть использована в качестве пестов к маленьким ступкам. Во всяком случае их размеры и форма вполне соответствуют углублению ниши ступок. Кроме того, как на некоторых ступках, так и на одном из каменных яичек из Чикаловки сохранились следы охры. Вполне вероятно, что эти тщательно выполненные, почти миниатюрные ступки и песты-яички имели определенное культовое назначение, в частности их применяли при изготовлении порошка охры.

Песты чаще всего цилиндрической формы, у некоторых расширен рабочий край. Нередко вверху имеется перехват, а верхняя площадка слегка заходит за края цилиндра. Ниже перехвата часто имеется валик, иногда с шишеч-

ками (Чикаловка). Подобный пест найден с литейными формами в Волошском. Распространены они от Казахстана до Балкан<sup>126</sup>.

На всех поселениях обычно находят круглые каменные шары небольшого диаметра, которые могли быть использованы двояко: в качестве металлических камней — шаров для пращи или бола и в качестве отбойников. Последние нередко бывают со следами забитости.

В Чикаловке, Змеевке, Гиндештах найдены каменные плоские диски, возможно, служившие крышками для сосудов.

Гладильники-утюжки<sup>127</sup>. В нескольких комплексах времени поздней бронзы и из случайных находок известны каменные гладильники в виде небольших утюгов с ровной либо слегка закругленной рабочей частью и удобным выступом — рукоятью. Основание некоторых орудий заметно прокалено от пребывания на огне — свидетельство использования их в нагретом виде. Характер материала (талько-хлоритовый, талько-анфиболовый, тремолито-хлоритовый сланец), форма и размеры изделий, заполированность рабочей поверхности позволяют считать, что эти орудия употреблялись для полировки и заглаживания предметов ровных или слегка вогнутых, но не слишком твердых. Вероятнее всего, их могли использовать для заглаживания тканей, швов кожаных изделий. Находки таких утюжков в комплексах Волошской мастерской, на поселениях Змеевка, Капуловка, Гиндешты позволяют уверенно относить их к позднему периоду бронзы (рис. 54).

<sup>123</sup> Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 89.

<sup>124</sup> Телегин Д. Я. Питание хронологии, с. 11.

\* Фонды ИА АН УССР. Коллекция А. В. Бодянского.

<sup>125</sup> Шарафутдинова И. М. Поселения эпохи поздней бронзы., с. 165.

<sup>126</sup> Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение., с. 122, рис. 47; Mitrea J. Un sceptru din piatră descoperit la Voinești (jud. Vaslui).— Memoria antiquitatis, 1969, 1, p. 311—317.

<sup>127</sup> Шарафутдинова И. М. Кам'яні праски епохи пізньої бронзи.— Археологія, 1972, № 5, с. 68—72.

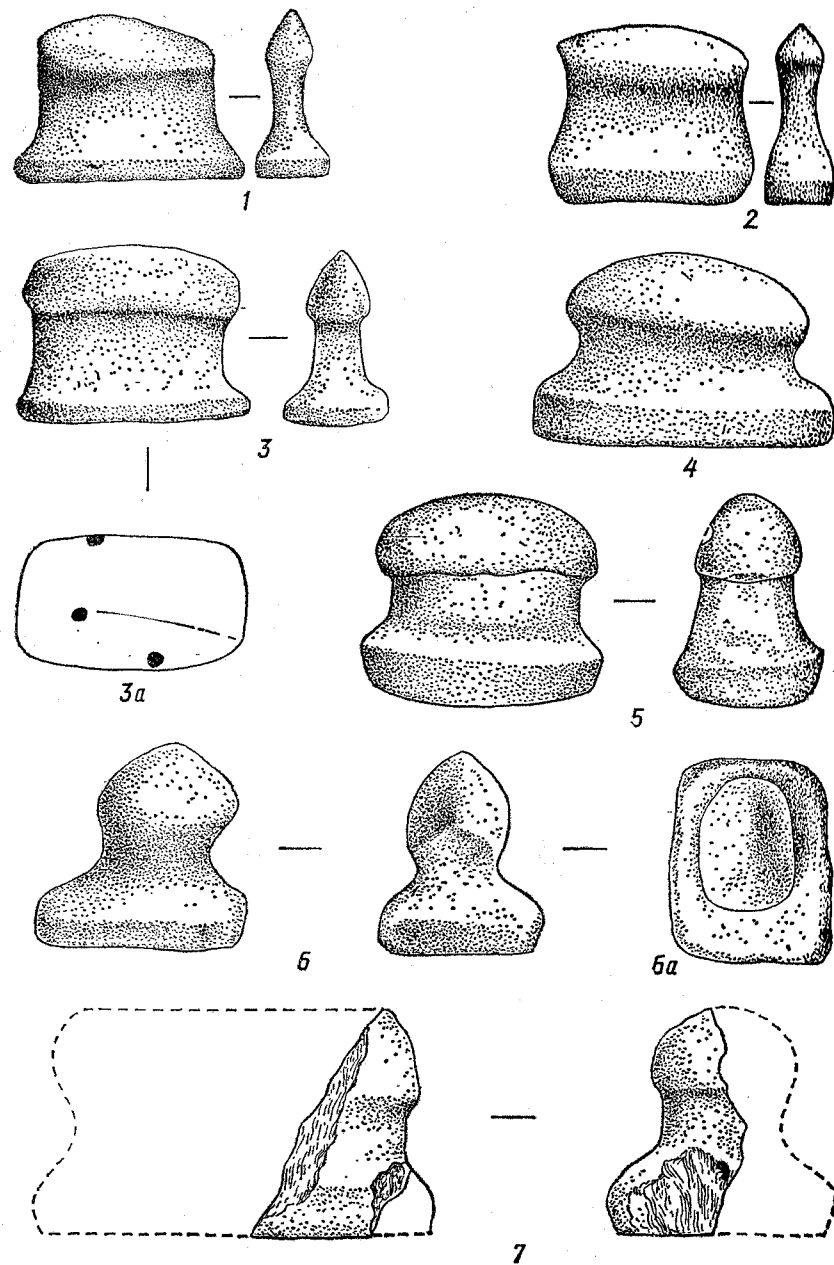


Рис. 54. Каменные утюжки:

1—2 — Капуловка; 3 — Волошское; 4 — Ивановка; 5 — Красный Оскол; 6 — Золотая Балка; 7 — Змеевка.

Продолжают бытовать каменные сверленные топоры, однако количество их по сравнению с катакомбным временем заметно уменьшается: в погребениях их нет, на поселениях встречаются только обломки. Значительно чаще встречаются привязные топоры-молоты.

Среди каменных орудий труда интереснейшими являются *литейные формы*. Не имея возможности останавливаться на этой самостоятельной теме, отметим, что большинство форм (Малые Конани, Златополь, Верхнетарасовка, Капуловка, Волошское и др.) изготовлены, по определению геологов М. И. Ожеговой и В. Ф. Петруня, из хлорито-галько-амфиболовых пород, скорее всего, криворожского происхождения. Выходы этих пород имеются и на Мокрой Суре, в устье которой находилась Волошская мастерская. По-видимому, уже в начале позднего периода бронзы заготовки для форм, а возможно, и готовые формы служили предметом обмена не только внутри Степного Правобережья (формы из Коблева), но и с лесостепными племенами (Деревянное, Голоуров)<sup>128</sup>.

*Кремневые жатвенные ножи и вкладыши для серпов* продолжают бытовать паряду с бронзовыми серпами. В некоторых музеях собрание этих орудий доходит до двух десятков<sup>129</sup>. Их можно разделить на две группы: массивные прямоугольные кремневые ножи, так называемые вареники, и небольшие вкладыши в виде трапеции и вытянутых треугольников.

Судя по заполировке на кремневых сорпах, С. А. Семенов пришел к выводу, что крупные серпы вставляли в паз

по одному таким образом, чтобы клювовидный острый конец находился ближе к руке, а выгнутая рабочая часть шла от рукоятки под тупым углом, образуя плавную, слегка закругленную линию, как это бывает в некоторых металлических серпах<sup>130</sup>.

Для серпов, состоящих из нескольких вкладышей, реконструкция дана С. Н. Бибиковым: два или три вкладыша вставлялись в слегка закругленную деревянную или костяную оправу<sup>131</sup>.

*Некоторые виды костяных изделий.* Из костяных изделий наиболее характерными в памятниках сабатиновского типа и культуры Ноа являются орудия из лопаток быка и коня с зубцами по острому краю сустава (рис. 35, 18). В некоторых редких экземплярах зубцы вырезаны и на противоположном конце (рис. 35, 18). Относительно практического применения этих орудий существуют различные мнения: М. П. Грязнов, А. Д. Александреску, А. И. Мелюкова, Э. А. Балагури полагают, что их использовали при первичной обработке глиняных сосудов; М. Петреску-Дымбовица, ссылаясь на находки орудий с зубцами на обоих концах, склонен считать их утком ткацкого станка. Более обоснованным является мнение О. А. Кривцовой-Граковой, Н. Н. Погребовой, А. М. Лескова, В. Отрощенко о применении этих орудий при обработке шкур. Г. Ф. Коробкова на основании трассологических исследований находок из поселения у с. Степовое определяет их как орудия для тиснения кожи.

«Коньки» из берцовых, чаще передних костей коня или быка, найденные в Поднепровье, широко применялись во всех степных культурах позднебронзового века и в культуре Ноа. Возникли же «коньки» еще в энеолите (ниж-

<sup>128</sup> *Семенов С. А.* Первобытная техника.— МИА, 1957, № 54, с. 148, рис. 55.

<sup>131</sup> *Бибилов С. Н.* Из истории каменных серпов.— СА, 1962, № 3, с. 14—18.

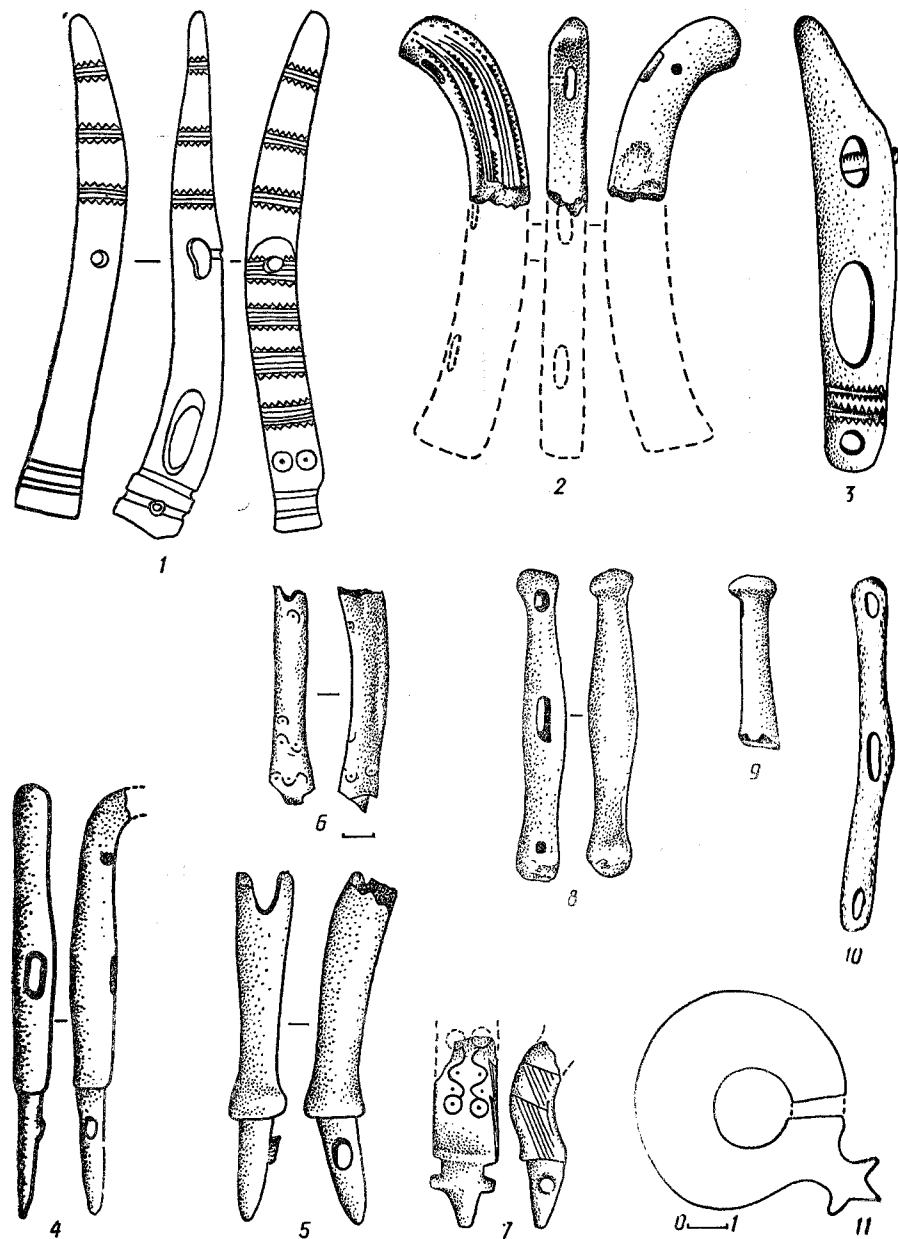


Рис. 55. Костяные палиши:

1 — Островец; 2 — Чикаловка; 3 — Бовшев; 4 — Сельки; 5 — Воинская Гребля; 6 — Кириково; 7 — Волошское; 8 — Деревка; 9 — Кишиневское поселение; 10 — Усатово; 11 — Шинюлаев (уроч. Дикий сад.)

<sup>128</sup> *Шарафугдинова И. Н.* Литейные матрицы на поселениях... с. 64; *Петруня В. Ф.* Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм.— В кн.: Памятники эпохи поздней бронзы Юга Европейской части СССР, с. 192.

<sup>129</sup> *Фабрициус Л.* Херсонські трикутні кремніні ножі.— Антропология, 1929, № 2, с. 223—229.

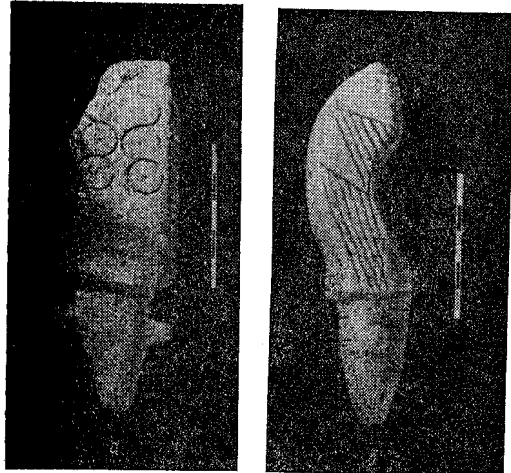


Рис. 56. Костяной псалий из поселения у с. Волошское.

ний слой Михайловки<sup>132</sup>, находки в Моравии), когда изготовлялись из костей овцы<sup>133</sup>. На Западе костяные коньки известны в римское и латенское время. Особенно многочисленны они в славянских памятниках. Проведенное С. А. Семеновым исследование образцов из средневекового слоя Саркела показало, что на них сохранились следы от скольжения по коже или ткани<sup>134</sup>. Вероятнее всего, «коньки» из поселений поздней бронзы применялись при выделке кож, шерстяных и войлочных изделий.

В качестве лоцил использовали орудия из лопаток и ребер крупных животных. Нередко встречаются такие тупики, трепала — орудия из челюстей коровы и коня. В большом количестве в коллекциях представлены различные шилья-проколки, костяные наконечники прислиц и другие орудия, бытующие на широкой территории от неолита.

<sup>132</sup> Шапошникова О. Г. Звіт про розвідкові роботи вздовж берегів Каховського моря в 1963 р.— Архив ИА АН УССР, ф. э. № 4496, с. 6, табл. 3.

<sup>133</sup> Hruby V. Slovanské kostěné předměty a jejich výrobu na Morave.— PA, 1957, № 48 (1), с. 174.

<sup>134</sup> Семенов С. А. Указ. соч., с. 225—226.

Костяные и роговые наконечники стрел на поселениях Поднепровья обычно встречаются от одного до трех экземпляров. Они делятся на втульчатые четырех типов: трехгранные с равно срезанным основанием, шестигранные с тремя пирами, карандашевидные, овальные и черешковые также четырех типов: треугольные, ромбические, многогранные и овальные (рис. 36, 1, 2). Из Берислава происходит и «ушко» стрелы, аналогичное находкам на поселении Ильичевка и в срубных погребениях Заволжья.

Наконечники стрел имеют широкий круг аналогий в срубной<sup>135</sup>, андроновской<sup>136</sup>, ананьинской<sup>137</sup> и чернолесской культуре<sup>138</sup>.

Поворотные гарпуны с острым шипом и круглым отверстием для привязывания к древку обнаружены в Упскалке I. Такие же находки происходят из хронологически близкого срубного поселения Красный Яр и из погребения у Калфы<sup>139</sup>. Гарпуны принадлежат к числу древнейших орудий, сохранившихся почти в неизменном виде от каменного века.

Костяные и роговые псалии, происходящие из поселений, можно отнести к четырем типам. Псалии в виде стержня со слегка загнутым верхним краем, продолговатым отверстием посередине и небольшим цилиндрическим выступом на нижнем конце — Скельки, Воинская

<sup>135</sup> Rykov P. Berichte über die Ausgrabungen in den J. 1924 und 1925.— ESA, 1926, t. 1, s. 76, abb. 20, 8, 9.

<sup>136</sup> Кривцова-Гракова О. С. Садчиковское поселение.— МИА, 1951, № 21, с. 162, рис. 14, 7—17.

<sup>137</sup> Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30, с. 90, табл. XIX, 3, 4.

<sup>138</sup> Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 94, рис. 66.

<sup>139</sup> Круглов А. П. Красный Яр.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. М.; Л., 1941, с. 201, табл. XXVIII, 10; Чеботаренко Г. Ф. Указ. соч., с. 101.

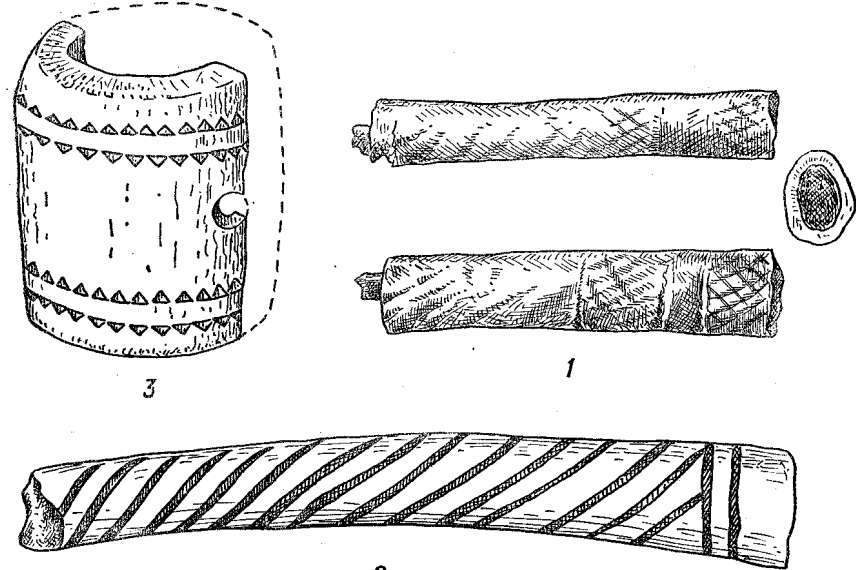


Рис. 57. Костяные изделия из Надпорожья:

1, 2 — рукоятки из погребений у балки Криничная и с. Вильногрушевка; 3 — деталь упряжи (?) из поселения у с. Волошское.

Гребля<sup>140</sup> (рис. 55, 4, 5). По-видимому, к этой группе относится и обломок псалия из Кирова в Крыму<sup>141</sup>. Это третий тип, по К. Ф. Смирнову, который он сравнивает с типом Борияш<sup>142</sup>. Но следует отметить, что приднепровские находки (по крайней мере целый экземпляр из Скелек) отличаются и от суканского и от европейских аналогий наличием только одного отверстия. Поэтому к варианту Борияш их можно относить лишь условно.

Псалий из Чикаловки принадлежит к группе псалиев с тремя овальными отверстиями в одной узкой плоскости и маленьким несквозным отверстием, раз-

<sup>140</sup> Ильинская В. А. Некоторые вопросы генезиса южновосточной культуры.— СА, 1969, № 2, с. 92.

<sup>141</sup> Лесков А. М. Кировское поселение, с. 45—46.

<sup>142</sup> Смирнов К. Ф. О древних всадниках Поволжско-Уральских степей.— СА, 1961, № 1, с. 63—64.

мещенным перпендикулярно к крайнему. Как удачно отметила Г. И. Смирнова, такого же типа и псалии из поселения культуры Ноа у Бовшова II и Островца (рис. 55, 2). Во всех случаях сходны и детали орнамента, состоящего из прорисованных линий и угловых зубцов, хотя и расположенных в разных направлениях. Г. И. Смирнова считает их разновидностью псалиев типа Борияш<sup>143</sup>. Нам же кажется более правильным выделять их и особый тип, известный пока в сибирских памятниках и Ноа.

На Волошском поселении найден обломок псалия с центральным метрическим отверстием и выступом двумя пирами. Судя по изогнутой форме, этот псалий принадлежит к числу псалиев типа Ваттина и, дол-

<sup>143</sup> Смирнова Г. И. Псалии типа Борияш в культуре Ноа.— КСИА АН СССР, вып. 123, с. 109.

быть, имел еще один выступ в виде петли (рис. 55, 7; 56).

В Николаевском музее хранится подолка из уроч. Дивий Сад в Николаеве в виде диска с одним круглым отверстием в центре и с небольшим отростком, заканчивающимся тремя выступами-шипами\*. По всей вероятности, это псалий из серии дисковидных (тип II, по К. Ф. Смирнову)<sup>144</sup> и сходный с псалием из Тосцега в Венгрии<sup>145</sup>, но отличается прежде всего меньшим размером, наличием лишь одного отверстия (рис. 55, 11).

Из Деревки происходит стержневидный трехдырчатый псалий с тремя отверстиями в одной плоскости (V тип, по К. Ф. Смирнову). Подобные псалии известны также на поселениях в Усатово и Субботово, распространены же они от Венгрии до Алтая.

В нескольких случаях найдены *костяные рукоятки* для шильев (хут. Пожков), в двух погребениях (балка Крипичная, курган 16, Вильногрушевка, к. 8, п. 2) оказались орнаментированные рукоятки, из них одна, по-видимому, от плети (рис. 57, 1, 2).

На Волошском поселении найден обломок костяной обоймы с таким же орнаментом, как и на псалии из Чикаловки (рис. 57, 3).

Итак, приведенные в данном разделе материалы являются свидетельством значительного «технического прогресса» сабатиновских племен по сравнению с предыдущими эпохами. Впервые широко стали применяться разнообразные орудия труда из бронзы. Увеличился ассортимент таких металлических ору-

дий, как серпы. Появились разных типов кельты, долота, тесла и т. п. Появление новых орудий, их более узкая специализация говорят о совершенствовании производства, о росте производительности труда в это время.

Кроме импортных изделий на раннесабатиновском этапе известны многочисленные литейные мастерские и отдельные литейные матрицы, свидетельствующие о развитии местного металлообрабатывающего ремесла. Обилие литейных форм по сравнению с предыдущим периодом и даже по сравнению с синхронными культурами выделяет сабатиновские племена (как на сабатиновском, так и на белозерском этапе) среди соседних племен, хотя все же количество металлических изделий в Поднепровье во много раз уступает такому крупному для того времени металлургическому центру, как Трансильвания.

Если сырье для литья в виде слитков и металлолома привозили из удаленных меднорудных источников и металлургических центров, то матрицы изготовляли в Поднепровье из талько-тремолитовых сланцев криворожских либо надпорожских месторождений. Более того, заготовки для форм являлись предметами обмена с соседними племенами.

Однако несмотря на значительные успехи в производстве бронзовых изделий, еще продолжают широко использовать каменные и костяные орудия и оружие. Вытеснить каменные орудия, как отмечал Ф. Энгельс, «было под силу только железу»<sup>146</sup>, а железоделательное производство еще только начало зарождаться. Среди многих находок начала I тысячелетия до н. э. известно лишь несколько мелких железных предметов.

## ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Рассмотренные в данной работе памятники относятся к большому промежутку времени от XV до IX в. до н. э. Территория Степного Поднепровья на протяжении этого периода была густо заселена. Здесь представлены памятники различных археологических культур, в одних случаях сменявших друг друга, в других — сосуществовавших. Мы пытались разделить их по культурно-хронологическим группам и проследить то изменения, которые происходили в материальной культуре обитателей Поднепровья в течение почти восьми веков.

Самую раннюю из этих групп составляет культура многоваликовой керамики, представленная поселениями типа Бабино III (балка Романцева, Яковленка 4 и др.). Как уже указывалось, погребения данной культуры обычно интены в насыпи более древних курганов. Преобладают ямы в насыпях, иногда перекрытые или заполненные камнями, а также погребения в каменных ящиках. Изредка имеются ямы с подбойми и даже катакомбы. Отмечены случаи погребений в грунтовых могильниках под каменными вымостками.

Положение погребенных скорчено. Ориентация погребенных неустойчива, но преобладает юго-восточная и восточная, часть погребений ориентирована на запад. Инвентарь составляют высокие остроруберные сосуды с высокими ребристыми плечиками и прямым венчиком или венчиком в виде раструба. Сосуды орнаментированы валиками, ящиками прочерченными композициями из треугольников и елочек. Часто встречаются костяные пряжки с одним большим или двумя отверстиями. Единичны находки бронзовых ножей с одним или несколькими выемками в основании лезвия. Обнаружены остатки жертвенной пищи, изредка — охра.

Вторую группу на этой территории составляют памятники срубной культуры конца первого периода (по периоди-

\* Фонды Николаевского краеведческого музея.

<sup>144</sup> Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 60, рис. 9, 1.

<sup>145</sup> Mozsolisc A. Mors en bois de cerf.— ААН, 1953, т. 3, S. 83—84, abb. 20.

<sup>146</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 161.

зации О. А. Кривцовой-Граковой). Они представлены в основном на левом берегу Днепра сравнительно небольшим количеством захоронений в грунтовых ямах, в насыпях более ранних курганов, в том числе в каменных ящиках, и в срубах, а также отдельными погребениями в бескурганных могильниках под каменными вымостками.

Эти погребения совершены в скорченном положении (обычно ноги согнуты под прямым или острым углом к корпусу, кисти рук — перед лицом, реже — одна кисть у лица, другая — у локтя первой или у колен), на левом боку с преимущественной ориентацией на восток и северо-восток. Отмечены случаи частичного или полного сожжения. У головы, реже у колен помещался один, иногда два-три сосуда — широко открытые, остроруберные, с меньшей, чем диаметр, высотой, без орнамента или украшенные в верхней части преимущественно треугольной композицией из прочерченных линий, отпечатков шпура или зубчатого штампа. Найдены также бронзовые ножи подтреугольной и ромбовидной формы с ромбовидным расширением у рукоятки. Следы жертвенной пищи составляют остатки костей, главным образом ног крупных животных, астрагалы коров и овец. Близость инвентаря этих погребений с находками раннесрубных погребений и поселений Северского Донца (Янохино, Рубцы) дает основание поместить их в один хронологический горизонт. Поселения же раннесрубного облика на Днепре пока не известны.

Третья, воннижская, предсабатиновская группа включает памятники, представленные поселениями Вовниги и Хортица, которые характеризуются многокамерными сооружениями с применением камня, а воннижская группа погребений включает отдельные захоронения, в том числе в каменных ящиках и срубах, впускные в древние курганы (Кичкас, Башмачка), а также основные

погребения в глубоких ямах со срубом (Верхняя Маевка), которые сопровождаются сосудами с несколькими гладкими валиками. Иногда курганы досыпались, в результате чего они приобретали удлиненную форму. Погребенные находились в скорченном положении (согнуты под углом 30—45°, ноги образуют с туловищем прямой или острый угол), на левом, иногда на правом боку с преимущественно восточной ориентацией. По устройству срубов эти погребения близки исследованным В. А. Гордцовым на Северском Донце, но отличаются от них положением рук погребенных (перед лицом или перед грудью), большим количеством черепов лошади, а главное — наличием в инвентаре наряду с остроруберными срубными сосудами поздней многоваликовой керамики, подобной находкам на поселении Вовниги, чем и обусловлено выделение указанных погребений в особую воннижскую группу, занимающую хронологический отрезок времени между памятниками типа Бабино III и ранними сабатиновскими. С воннижским горизонтом связываются широкие, слабо изогнутые серпы с откованным крючком (Вовниги), листовидный нож из Кичкаса. Предположительно к этому времени относится литейная форма овално-листовидного ножа из балки Романцевой.

По ряду основных признаков воннижские памятники близки и одновременны с поселениями у с. Раздольное и частично у хут. Кременчук на Южном Буге.

Выделенный для Степного Поднепровья воннижский горизонт охватывает сравнительно небольшой промежуток времени, к которому относятся и некоторые клады металлических изделий (кабаковский, лобойковский), состоящие в основном из вещей восточносрубного происхождения с сильным влиянием всего Уральского металлургического центра.

К четвертой культурно-хронологической группе относятся поселения сабатиновского этапа с наземными и слегка углубленными жилищами, часто сооруженными с применением камня (Ушкалка I, Чикаловка, хут. Божков и др.), и значительное количество погребений в курганах.

Сабатиновские погребения, как правило, впускные в курганы, иногда с насыпкой насыпи или в бескурганных могильниках. Небольшие ямы часто перекрывали или заполняли камнем. Выше 1/5 погребений с инвентарем совершены в каменных ящиках. Погребенные сильно скорчены (ноги прижаты к туловищу, руки — к груди, кисти рук — у лица), на левом боку, с ориентацией на восток и северо-восток. Инвентарь обычно ограничен одним сосудом баночной формы без украшений или орнаментирован под венчиком гладким либо расчлененным на лепным валиком. Многие погребения безинвентарны.

Сабатиновский этап характеризуется резким увеличением кладов бронзовых изделий (Солонец, Авраамовка, Орехово, Князьгригорьевка, Новопавловка, Николаев и др.). По составу эти клады аналогичны румынским и венгерским периода ВД-НА<sub>1</sub> (по Мюллеру-Карпе), которые относятся к культуре Ноа и поздним фазам культуры Тей. Именно с сабатиновским этапом связаны главные успехи местного бронзообрабатывающего производства, испытавшего влияние как Волго-Уральского, так и Балкано-Карпатского металлургического центра (Малые Копани, Капуловка, Волошское), развивавшегося, как установлено Е. Н. Черных, в основном на западном сырье.

По количеству находок и литейных форм первое место занимают кельты преимущественно местного производства. Второе место среди бронзовых орудий труда занимают серпы: плавно изогнутые и коленчатые с довольно массив-

ным литым крюком, с отверстиями рукоятки, литые с пятки (Орехово) продолжают изготавливать и серпы качества. Разнообразны ножи листовидной и ромбической формы с узким черенком, появляются ножи с прямым спинкой и выпуклым лезвием.

Из оружия для всего периода поздней бронзы Степного Поднепровья характерны кинжалы с кольцевым упором, которые различались формой лезвия, и кинжалы-мечи красноаяцко-ингульско-типа. Наконечники копий представлены тремя основными типами: малонаконечником-дротиком с небольшим пером ушком для привязывания; массивным наконечником с овално-листовидным пером и короткой втулкой; характерными наконечниками с узким длинным пером, заканчивающимся ромбовидным расширением у острия.

Украшения сабатиновского этапа представлены разнообразными булавами — с раскованной и свернутой в три бочку головкой, со скрученной в кольцо головкой в виде плоской ромбовидной пластинки, а также с литыми колцевидными и гвоздевидными головками; подвесками — трапециевидными крестообразными ажурными (чаще сложной шумящей подвески, которая прикреплялась к булавке с кольцевидной головкой); браслетами из тонких пластинок с несомкнутыми концами массивными треугольными в разрезе перехватом у концов (импорт из Трансильвании).

Несмотря на значительные успехи достигнутые в производстве металлических изделий, в это время все еще широко применялись каменные орудия труда, которые в общем были одними из лучших для всего периода поздней бронзы. Обычными находками на поселениях являются каменные зернотерки овалной формы, различные растертывающие песты, привязные топоры-молоты; встречаются обломки топоров с просверленным отверстием для рукоятки.



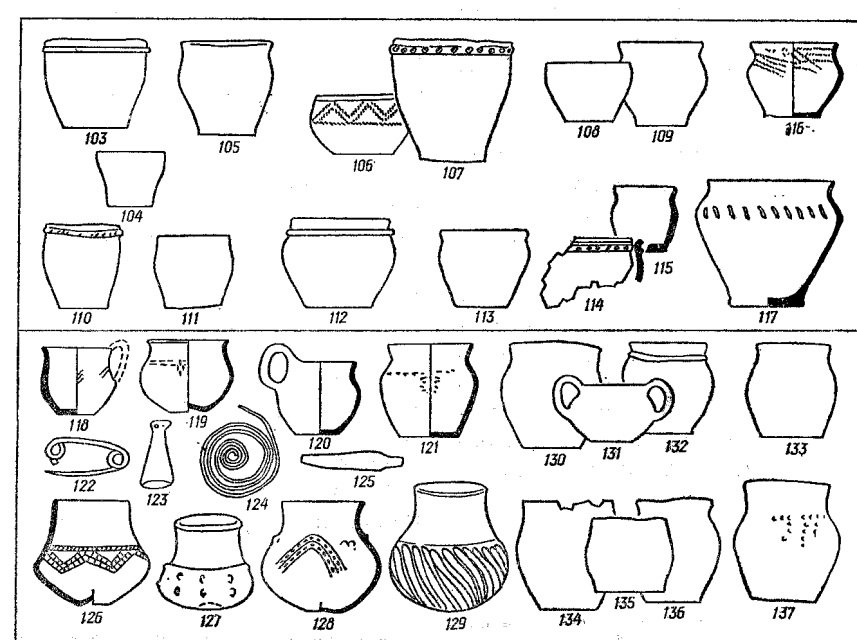
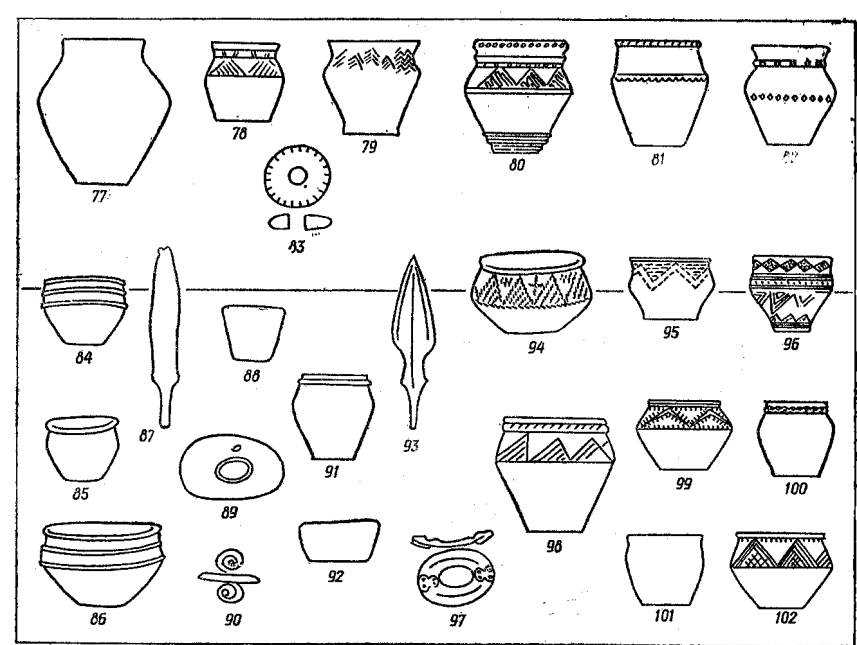
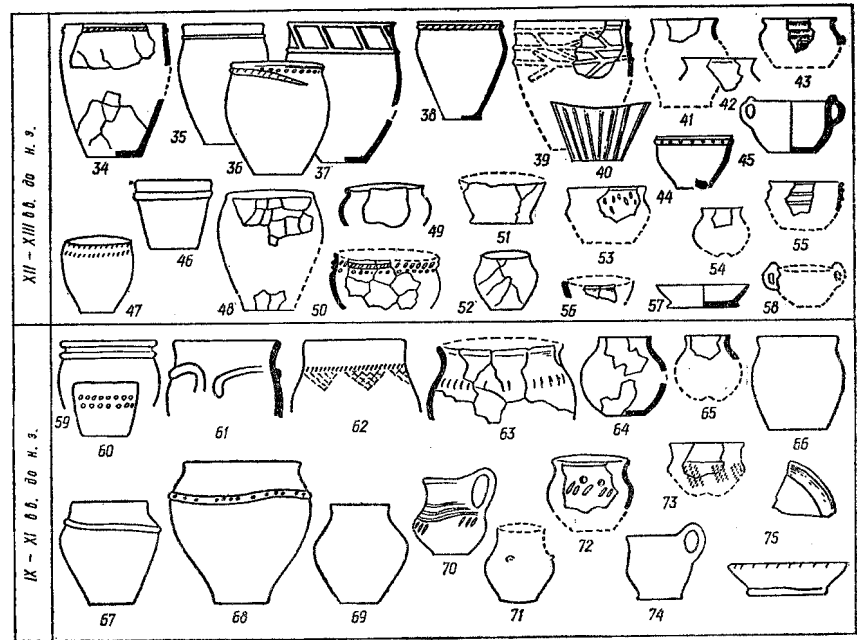
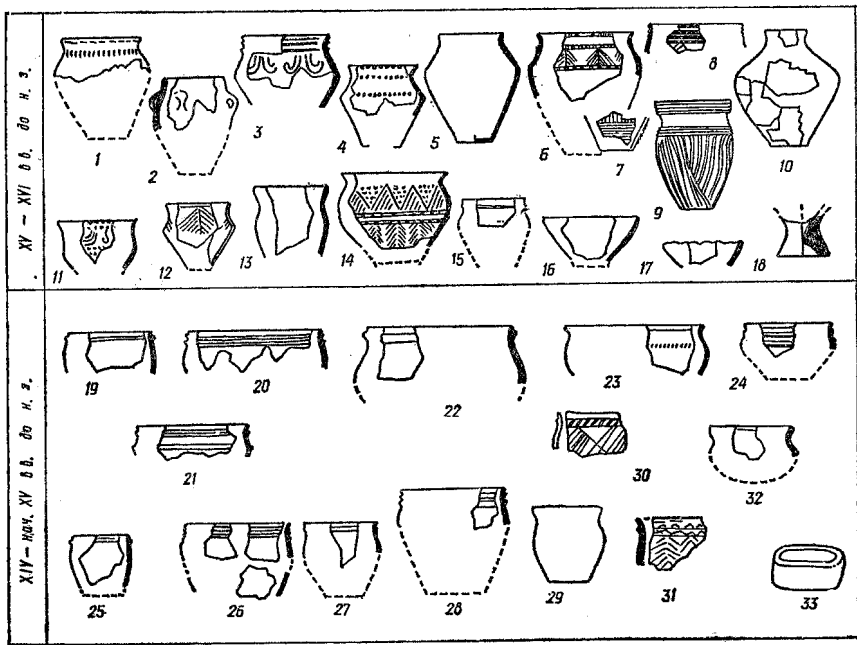


Рис. 58. Материалы поселений и могильников. **Поселения:** 1, 8, 10—18 — Бабьин III; 9 — Большая Андрусов-

ка; 19—28, 32, 33 — Вовниги, слага Диденко; 29—31 — Михайловка; 34—45, 51, 53—55, 57 — Чкаловка; 46—50, 52, 56, 58 — Ушкалка I; 59, 63, 76 — Ушкалка II; 60, 64—66, 73, 75 — Змеёвка; 61, 62 —

Каховка; 67—70 — Каиры; 71, 72, 74 — Деревка. **Могильники:** 77 — Кривой Рог, ЮГОР, к. 1, п. 1; 78, 79 — Белозерка; 80 — Кичкас II, к. 11; 81 — о-в Таволжаный; 82 — о-в Похилый; 83 — о-в Ви-

ноградный, п. 22; 84—87 — Кичкас А, к. 20, п. 3; 88—90 — Новоподрязь III, к. 1, п. 7; 91—93 — Новоподрязь VIII, к. 2, п. 2; 94 — р. Ворона, о-в Первомаевка, к. 7, п. 1; 96 — Кичкас II, к. 7, п. 6;

часто во вторичном использовании. Среди каменных орудий, характерных для степных сабатиновских комплексов выделяются разнообразные ступки, а также утюжки из тальковых сланцев с сильно сработанной рабочей поверхностью. Последние встречаются также и в более поздних комплексах белозерского времени. Наряду с бронзовыми применялись кремневые треугольные серпы, а также составленные из нескольких кремневых пластин-вкладышей. Впрочем, они более типичны для белозерских памятников, когда уменьшается производство бронзовых серпов.

Особенно разнообразны на поселениях сабатиновского типа костяные поделки, связанные с различными видами домашних работ: разные проколки, лоцила, «трепала», «коньки», прясла и другие предметы, которые широко известны по степным комплексам поздней бронзы от Казахстана до Балкан. Исключением являются только орудия из лопаток быка и коня с зазубринами по краю, характерные лишь для памятников сабатиновской группы и культуры Ноа.

В Степном Поднепрорье распространены костяные и роговые наконечники стрел — втульчатые трехгранной, шестигранной с шипами, овальной формы и карандашевидные; черешковые треугольной, ромбической, овальной и многогранной формы, встречаются также поворотные гарпуны с шипом и отверстием для привязывания. Сравнительно частыми находками являются псалии — чикаловский с тремя отверстиями в одной плоскости и маленьким сквозным

отверстием, перпендикулярным к крайнему из сквозных; волошский дисковидный псалий. В конце сабатиновского этапа распространяются стержневидные псалии с овальным отверстием посередине и молоточковидными выступами на конце.

Пятую группу составляют памятники раннебелозерского времени (Змеевка, о-в Дубовый, Ушкалка II, Бабино IV и др.), где исследованы как наземные жилища разных размеров, состоящие из одной, двух или нескольких камер, так и небольшие углубленные жилища. В их планировке и строительстве сохраняются местные традиции, характерные для памятников культуры многоваликовой керамики и раннесабатиновской. От этих поселений отличается Белозерское, давшее название всему этапу. По размерам и устройству белозерская землянка сохраняет черты, присущие жилищам таких поселений срубной культуры, как Сусканское, Ляпичев хутор. Появление подобных памятников на Днепре, на наш взгляд, связано с перемещением сюда какой-то группы срубного населения на позднем этапе развития срубной культуры.

Шестую, позднебелозерскую, группу составляют малоисследованные поселения — Дереевка, балка Демская, Каховка. О жилищах этого периода можно судить только по землянкам, зафиксированным разведкой у Каховской дамбы.

К белозерскому этапу относятся погребения в насыпях курганов, несколько грунтовых могильников (Федоровка, Волошское, Игрень, Широкое, Компанийцы) и открытые в последнее время Васильевский, Верхнехортицкий. По-

видимому, основным становится обряд захоронений в грунтовых могильниках. Как редкая привилегия для знатных соплеменников сохраняется обычай насыпать отдельные, чаще небольшие (Лукьяновка, Первомаевка), очень редко высокие (Широкий курган у Малой Лепетихи) курганы со сложным устройством ям, перекрытых накатом. Наряду с захоронениями в скорченном положении появляется обычай хоронить в вытянутом положении. Преобладает южная ориентация с отклонениями. Однако имеются погребения с восточной и северо-восточной ориентацией. В инвентаре преобладают кубки, черпаки с петельчатыми ручками. Встречаются бронзовые ножи с параллельными лезвиями, S-овидные подвески, смычковые фибулы. Разделить эти погребения соответственно поселениям на ранне- и позднебелозерские пока трудно. С определенным основанием к самым поздним из них можно отнести те погребения, которые сопровождаются кубками, украшенными мелкозубчатым штампом, и ножами с горбатой спинкой.

По сравнению с предыдущим периодом керамика белозерского этапа претерпевает некоторые изменения, что проявляется в соотношении типов сосудов на поселениях. Распространяется орнамент в виде каннелюр.

В конце белозерского этапа (Каховка, Дереевка, Каиры, позднейший слой в балке Демской) господствуют хорошо заглаженные сосуды с высокой шейкой, плавно переходящей в низкие выпуклые бока. Как и кубки, они украшены зубчатым штампом, налечными шишечками. Очень характерны также косые каннелюры.

К белозерскому этапу относятся ряд бронзолитейных мастерских и отдельные находки матриц (Новоалександровка, Кардашинка I—III, Завадовка, Цюруинск, Игрень, Златополь, Птаховка и др.).

По-прежнему широко употребляются

разнообразные кельты — боушковым одно- и двушковые как с прочным, так и с трапециевидным щитком на широкой стороне. За исключением чашеобразных кельтов, на широкой стороне исчезает отверстие. Часто вокруг втулки отливается двойной валик, позволяют дополнительные продольные грани. Много кельтов, у которых узкое отверстие оформлено в виде ивового листа. В целом кельты, как и кишжалы, заметно уменьшаются в размерах.

Почти все клады литейных форм включают такие ножи-кишжалы с параллельными лезвиями, типично для этого времени появление пойки с прямой спинкой. Распространяются также ножи-пластины с выгнутой спинкой и маленькие ножи с горбатой спинкой (эту форму сохраняют затем железные ножи скифского времени).

Заметно уменьшается количество металлических серпов, которые часто заменяются кремневыми. Среди наконечников копий преобладают наконечники с прорезными лопастями двух видов: с гладкой втулкой и узким режущимся к острию пером и с рельефной втулкой, имеющей отверстие основания для крепления к дротику, относительно широким пером. Так наконечники распространены в белозерское время, хотя возникают, вероятно, гораздо раньше, как на это указывают находки из Волошского, Лобойкинского. Среди поздних форм встречаются и большие наконечники с широким гладким листовидным пером и короткой втулкой (Птаховка).

Из украшений в комплексах, переходных от сабатиновского к белозерскому этапу, кроме булавок с кольцевидной булавкой найдены булавки шаровидной головкой с отверстием ажурные подвески в виде разделенно накрест кольца с петлей для подвешивания. В это же время распространяются также S-овидные височные кольца, пронизки-спиральки, перстни и браслеты.

97 — Верхняя Маевка IV, к. 4, п. 1; 98 — Верхняя Маевка V, к. 2, п. 5; 99—102 — Новоподкряж IV, к. 1, п. 6; 103, 104 — Новочерноморье, к. 8, п. 3; 105 — Красный Перекоп, к. 3, п. 1; 106, 107 — о-в Томаковка; 108, 109 — Вильянка, к. 17, п. 8; 110, 111 — Новочерноморье, к. 11, п. 2; 112, 113 — Гавриловка, п. 50; 114 — Гавриловка, к. 1, п. 7; 115 —

Гавриловка, к. 1, п. 10; 116 — Компанийцы, п. 18; 117 — Компанийцы, п. 19; 118, 126 — Федоровка; 119 — Компанийцы, п. 3; 120 — Компанийцы, п. 6; 121 — Компанийцы, п. 4; 124, 128 — Компанийцы, п. 1; 125 — Компанийцы, п. 8; 122, 123 — Лукьяновка; 129—137 — Широкое.

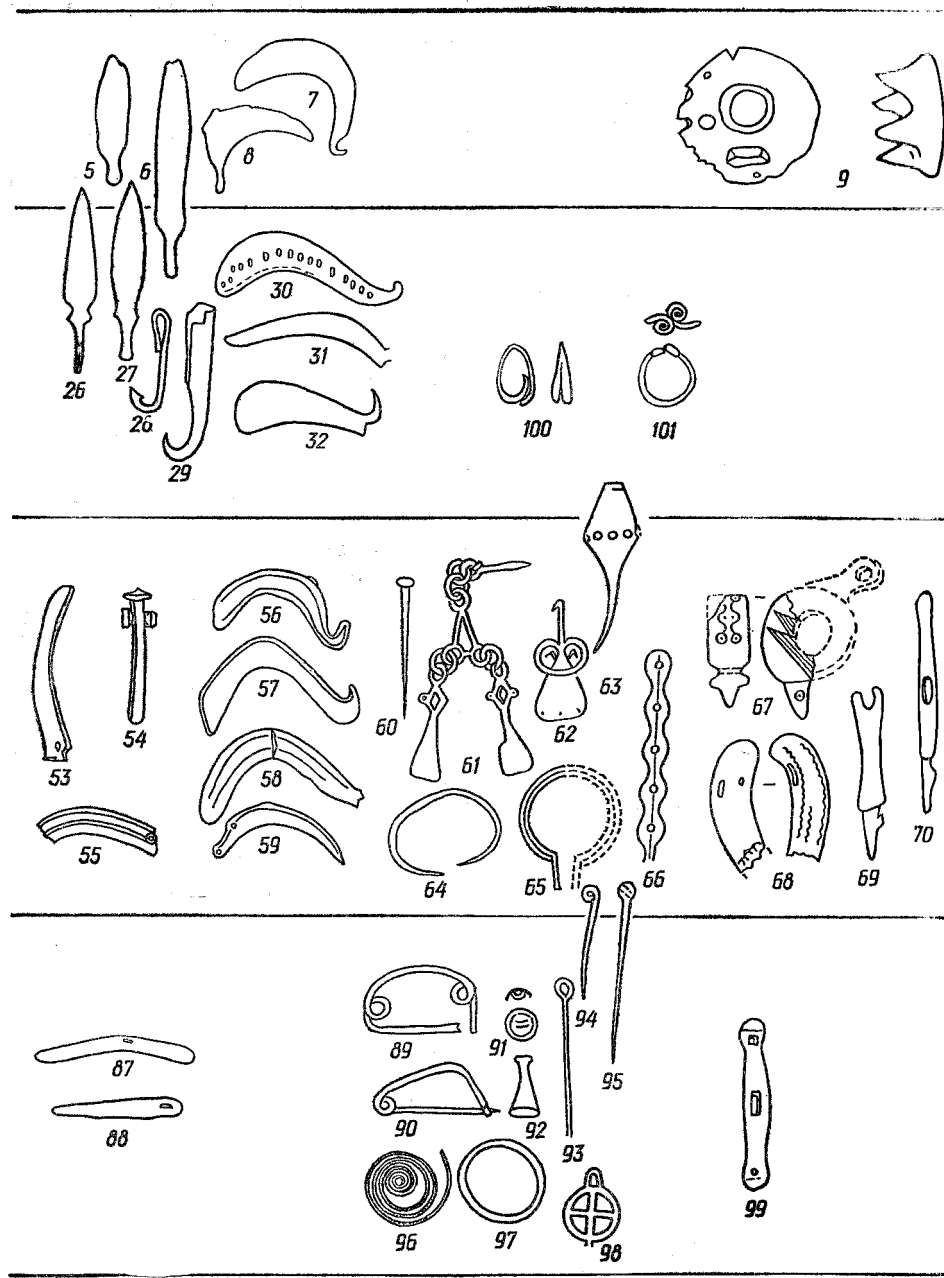
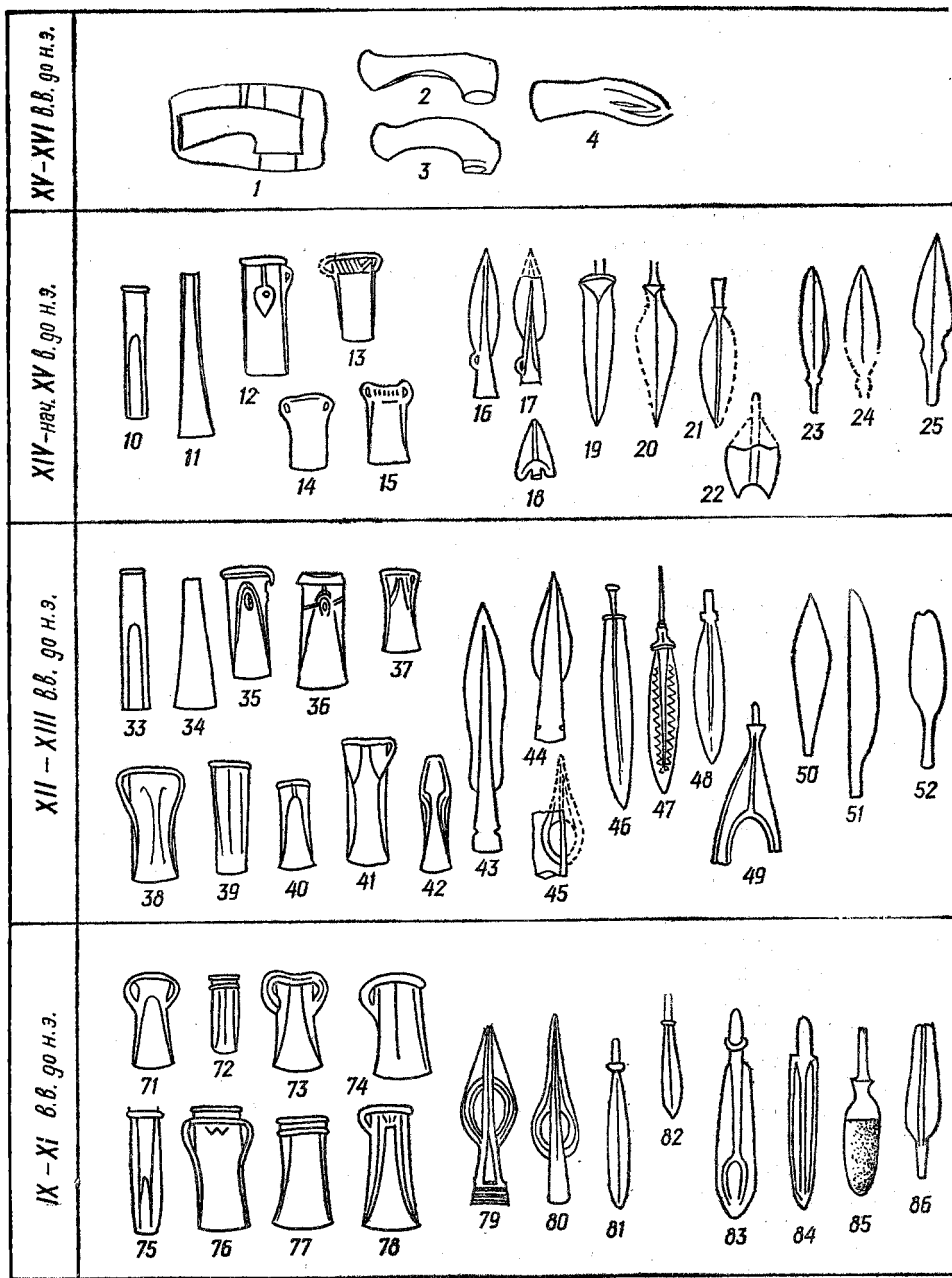


Рис. 59. Основные типы металлических и каменных изделий. По литейным формам: I — окрестности с. Вовниги; 10—12, 16, 19, 20 —

Малые Копани; 13, 17, 21, 23, 24 — Голоуров; 31 — Вовниги, скала Диденко; 33, 34, 38, 39, 43, 45, 46, 48—51, 65, 66 — Волошское; 59 — р. Чурья; 60 — Верхнетарасовка; 71, 81, 82 — Новоалександров-

на; 72, 73, 93 — Солоха; 74, 78, 80 — Завадовка; 75, 76, 95, 98 — Кардашинка I; 77, 83, 84, 97 — Кардашинка II; 79 — Златополь. Клады: 2—4, 7, 8 — Бериславский; 14, 15, 32 — Кабаковы хут.; 18, 28, 29 — Лобойковский; 35, 40, 41, 56 — Пинарицкий; 36, 42, 57 — Авраамовский; 37, 58 — ховский; 52, 53, 61 — Солонецкий; 54, 59, 60 — копольский (Николаевский); 36 — Завадовка.

ны из вапняк пластинки и литые массивные. В погребениях обнаружены бронзовые смычковые фибулы, колокольчики-ворварки, различные бронзовые и костяные пуговицы и бляшки, а также бронзовые, янтарные, гешировые бусы и пронизки из трубчатых костей.

В целом на поселениях белозерского этапа количество костяных изделий заметно уменьшается. Совсем, по-видимому, выходят из употребления орудия на лопаток быка и коня («штампы»). В начале этого этапа, вероятно, еще употреблялись стержневидные псалии с молоточковидным выступом на конце, а позже распространяются псалии иного типа — с тремя отверстиями в одной плоскости (Деревка), которые аналогичны усатовскому, кишиневскому, субботовскому и др.

Костяные наконечники стрел в белозерских комплексах Поднепровья немногочисленны. Это втулчатый, овальный в разрезе наконечник и несколько пулевидных с обломанными черенками из Берислава, карандашевидный с длинным черенком из Златополя и острие треугольного в разрезе наконечника из Бабино IV. Изредка встречаются также костяные насады на древки стрел (Берислав).

Выделение перечисленных групп памятников базируется прежде всего на данных вертикальной и горизонтальной стратиграфии: прослеженной на поселениях и в могильниках, а также на типологическом анализе материалов.

В определении абсолютных датировок мы придерживаемся в основном периодизации, разработанной А. И. Тереножкиным для культур бронзового века на Юге Восточной Европы в соответствии с хронологией Х. Мюллера-

Карпе для Средней Европы<sup>1</sup>. Нами учтены поправки В. Брунна к работе Х. Мюллера-Карпе<sup>2</sup>, а также исследования А. И. Мелюковой, А. М. Лескова, Г. И. Смирновой и других археологов, занимающихся вопросами хронологии памятников эпохи бронзы в Северном Причерноморье.

Данные стратиграфии (Кичкас, балка Таволжана) показывают, что погребения культуры многоваликовой керамики в Поднепровье древнее срубных. На основании топоров бородинского типа, пастовых бус, бронзовых ножей С. Н. Братченко датирует культуру многоваликовой керамики в Подонье XVI—XV вв до н. э., а для Поднепровья допускает ее существование и в XIV в. до н. э.<sup>3</sup> Однако к XIV в., на наш взгляд, в Поднепровье относятся только памятники вонижского типа, т. е. переходные к сабатиновским (таблица).

Появление срубных племен в Поднепровье фиксируют погребения с островерными сосудами и бронзовыми ножами с ромбическим расширением у рукояти. По обряду и инвентарю они близки к донецким памятникам срубной культуры, по-видимому, относятся к концу раннего этапа срубной культуры (по О. А. Кривцовой-Граковой).

Следовательно, срубные погребения появляются в Поднепровье в то время, когда тут обитали носители культуры многоваликовой керамики. Совместные находки поздних многовалико-

<sup>1</sup> Тереножкин А. И. Основы хронологии.— СА, 1965, № 1.

<sup>2</sup> Brunn W. Mitteldeutsche Hortfunde der jüngeren Bronzezeit. Berlin, 1968, S. 28—46.

<sup>3</sup> Археология Украинської РСР, т. 1, с. 342.

ловка; 69 — Воицкая Гребля; 70 — Смелки; 85 — Стенной, к. 5, п. 2; 87, 88 — Белозерское поселение; 89, 94 — Широкое; 90 — Стенной, к. 3, п. 1; 91 — Золотая Балка А, п. 3; 30 — Вонжиги, скала Дилешо; 44, 67 — Волошское; 47 — Днепропетровская обл.; 68 — Верхнетарасовка 4; 64, 63 — Чика-

вых сосудов и срубных копца первого периода и указывают на какое-то время сосуществования указанных племен.

Приток пришлых срубных племен и слияние их с местными племенами — носителями культуры многоваликовой керамики — обусловили своеобразие приднепровских памятников. Изменения, происходившие в культуре многоваликовой керамики под воздействием срубной, отразились в вонижских памятниках, которые можно поместить только в предсабатиновский горизонт.

Период собственно поздней бронзы в Поднепровье включает памятники последующих этапов — сабатиновского и белозерского, относительная хронология которых обоснована стратиграфией Ушкалки и подтверждена позже горизонтальной стратиграфией в Змеевке и Кирово, а также материалами Анатольевки, Верхнетарасовки, Волошского и др.

Лучше других разработана датировка для сабатиновского культурного горизонта Ушкалка I — Чикаловка — Сабатиновка, к которому относится несколько литейных мастерских. Наиболее уверенно с этим горизонтом можно связать Красномаяцкую мастерскую, близкую по кинжалам к Сосновомазинскому кладу, а по кельтам и подвескам — культуре Ноа. Она датируется XIII—XII<sup>4</sup> либо рубежом XII—XI вв. до н. э.<sup>5</sup>

Больше разногласий вызывают хронология и определение культурной принадлежности мастерской из Малых Копаней. Часть исследователей относит ее к предсабатиновским памятникам ввиду близости кинжала к находке из бородинского клада<sup>6</sup>. Однако последующие

<sup>4</sup> Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 65—69; Лесков А. М. О северопричерноморском очаге., с. 154—156; Черных Е. Н. История металлургии Восточной Европы. М., 1972, с. 36.

<sup>5</sup> Черняков И. Т. Красномаяцкий клад., с. 122.

<sup>6</sup> Лесков А. С. Указ. соч., с. 156; Шарафутдинова И. Н. К вопросу о сабатиновской культуре, с. 26.

исследования доказали, что кельты с отверстием на широкой стороне появляются только под влиянием кельтской культуры Ноа. Следовательно, Малокопаневская мастерская хотя и древнее Красномаяцкой, но не может выходить за пределы горизонта Сабатиновка — Ноа<sup>7</sup>.

К этому же этапу относится Волошская мастерская, включающая накопичники копий, кинжалы, аналогичные красномаяцким и близкие островоцким литейным формам. Но среди волошских матриц имеются формы, близкие Кардашинке II. Поэтому (если все формы принадлежат одной мастерской) можно полагать, что волошская мастерская, как и само поселение, существовала продолжительное время.

В качестве датируемого материала обычно привлекаются псалии. Дата сабатиновского поселения (XIV—XIII вв. до н. э.) определена по найденному типу Тосец С (по А. Можолитч)<sup>8</sup>. Между тем псалии этого типа могли существовать от XV—XIV до XII в. до н. э.<sup>9</sup>

Псалий из Чикаловки и аналогичные находки из Островца и Боншела, по мнению Г. И. Смирновой, являются ранновидностью псалий типа Борилин, которые А. Можолитч датирует В III — I V<sup>10</sup>. Однако нижняя граница их из-за отсутствия ранних датирующихся комплексов справедливо подвергается сомнению<sup>11</sup>.

<sup>7</sup> Черняков И. Т. Из истории бронзолитейного производства, с. 29; Сафронов В. А. Датировка Бородинского клада, с. 115; Пачинарев В. С. Проблема Бородинского клада, с. 151—153; Черных Е. Н. Указ. соч., с. 103—105.

<sup>8</sup> Тереножкин А. И. Бронзовый псалий с городища Кюзели-Тира в Хорсине. КСИИ 1958, № 30, с. 38—39.

<sup>9</sup> Сафронов В. А. Указ. соч., с. 84—85.

<sup>10</sup> Mozsolicz A. Die Herkunftsfrage der ältesten Hirschgeweitrensen.— ЛАН, 1900, N 12, с. 132.

<sup>11</sup> Смирнова Г. И. Указ. соч., с. 106.

Псалии с одним отверстием в центре и молоточковидным выступом на конце (Скольки, Воинская Гребля, Кирово) также представляют собой разновидность псалиев типа Борияш<sup>12</sup>. В определенной мере они близки к псалиям из порвого Сусканского поселения (XIII—XI вв. до н. э.)<sup>13</sup>, европейским металлическим псалиям из могильника Варнах в Австрии (НА)<sup>14</sup> и клада Старое Седло в Чехословакии (ВД-НА, по П. Рейнеке)<sup>15</sup>. Все это позволяет датировать псалии и названные поселения в пределах XIII—XI вв. до н. э.

Синхронность сабагиновского этапа с культурой Ноа совершенно очевидно доказана работами А. И. Мелюковой, А. И. Тереножкина, Е. И. Смирновой, Д. А. Балагури, М. Петреску-Дымбовицы, А. Флореску, Е. Н. Черныха и др. Хронологическая и культурная близость их проявляется в общих формах посуды и ее орнаментации (чаши, черпаки, баночные горшки), в костяном инвентаре («штампы», сходные псалии и пр.), в составе кладов металлических изделий (Солонец, Новопапловка, Аврамовка, Антоновка), соответствующих кладам культуры Ноа-Ульми — Литешь, Рышенити, Бэлень и др.<sup>16</sup>. По связи последних с трансильванскими кладами группы Уриул-Доманешты и Чинку-Сусеви М. Петреску-Дымбовица и Русу датируют их ВД-НА<sub>1</sub> по Х. Мюллеру-Карпе<sup>17</sup>, а В. Брунн — первой-второй ступенью младшего бронзового века За-

карпатья и Подунавья<sup>18</sup>, т. е. XIII—XII вв. до н. э., а ранний этап культуры Ноа (Ноа I, по А. Флореску) — XIV—XIII вв. до н. э. А. С. Флореску также считает, что нижняя дата культуры Ноа смыкается с концом классических культур Карпато-Дунайской бронзы (XIV—XIII вв. до н. э.), т. е. начало второго этапа культуры Ноа (Ноа II), таким образом, должно относиться к середине или началу второй половины XIII в. до н. э.<sup>19</sup> Верхняя дата культуры Ноа ограничивается началом гальштатского периода, который в Трансильвании приходится на конец XII в. до н. э.<sup>20</sup>

По нашим представлениям, Ноа I — этап становления, сложения культуры Ноа, предшествующий памятникам культуры Ноа II и Сабагиновке, соответствует в Поднепровье выделенному нами вонижскому горизонту.

В лесостепной Молдавии и Среднем Поднестровье памятники культуры Ноа до недавнего времени датировались XIII—XI вв. до н. э.<sup>21</sup> Для уточнения времени культуры Ноа исключительное значение имеет многослойное поселение Магала с четкой стратиграфией напластований различных культур: комаровской, Ноа, гаваголиградской. Датировка слоя культуры Ноа (Магала IIa и IIb) определяется кроме стратиграфии и находок радиоуглеродным методом. Землянка III из слоя Магала IIa датируется по C<sup>14</sup> 3260 ± 100 (1310 г. до н. э.). Для более позднего слоя Магала IIb

имеется две даты: 3135 ± 100 (1185 г. до н. э.) и 3100 ± 55 (1150 г. до н. э.)<sup>22</sup>.

В этой связи важна и дата 1285 г. (± 35) до н. э., установленная для кургана комаровской культуры в с. Иванья, который И. К. Свешников синхронизирует с ранними памятниками культуры Ноа в Западной Подолии<sup>23</sup>. Эти данные определяют бытование культуры Ноа в Поднестровье от рубежа XIV—XIII до середины XII в. до н. э. Но ряд исследователей считает, что существование культуры Ноа охватывает и XI в. до н. э.<sup>24</sup> По-видимому, сабагиновский этап также захватывает XII, а возможно, и рубеж XII—XI вв. до н. э.

Памятники, выделенные нами в пятую и шестую группы, соответствуют по принятой в литературе относительной периодизации белозерскому этапу, который датирован А. И. Тереножкиным серединой XII—X<sup>25</sup>, а А. М. Лесковым — X — началом VIII вв. до н. э. Последний выделяет литейные формы и металлические изделия XI в. до н. э. как переходные от сабагиновского к белозерскому этапу<sup>26</sup>.

Начало белозерского этапа определяется пока довольно условно, так как при переходе от сабагиновского к белозерскому этапу не прослеживается резких изменений в основном материале поселений — керамике. Более того, многие поселения, возникшие одновременно с Чикаловкой и Сабагиновкой, существовали на протяжении всего или части позднего периода. Таковы Волошков, Верхнетарасовка 4, Змеевка в Поднепровье, Анатолевка на Тилигуло-Бере-

<sup>22</sup> Смирнова Г. И. Культурно-историческая стратиграфия поселения Магала. — Проблемы археологии, 1978, вып. 2, с. 68—70.

<sup>23</sup> Свешников И. К. Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской области. — СА, 1968, № 1, с. 167.

<sup>24</sup> Балагури Е. А. Культура Ноа. — Археология Украинской РСР, т. 1, с. 392.

<sup>25</sup> Тереножкин А. И. Киммерийцы..., с. 181—208.

<sup>26</sup> Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века..., с. 47—50.

занском лимане, Кирово близ Кирилл. Только поселение в Ушкалке оказалось разделенным стерильной прослойкой (хотя и неизвестно, как долго создавалось). Резче выступают рваные в комплексе местных металлических изделий, что вызвано сокращением связей с трансильванско-карпатским источником металла после прекращения существования культуры Ноа.

В качестве датирующего материала для могильников белозерского этапа привлекаются прежде всего двуручные смычковые фибулы (Лукьяновский курган, погребение у с. Широкоо). А. И. Тереножкин считает импортом Средиземноморья и сравнивает с фибулами субмиконских могильников ступени Панталича II и III (XI—IX вв. до н. э., по Х. Мюллер-Карпе)<sup>27</sup>. Но подлинные фибулы с прямой спинкой встречаются и в других памятниках. Ближнем Востоке они найдены в А. Хаваме, где датируются Хамилтон 1100—925 г. до н. э., и в Хаме, в могильном слое F, относимых Вликопборгом 1200—1150 гг. до н. э.<sup>28</sup> Фибулы, подлинные Лукьяновской, со спинкой, расположенной параллельно игле, но с дополнительной спиралью у застёжки, обнаружены в Центральной Европе в памятниках группы Хоттинг Морга и Эрдорф-Велатицкой, которые Р. Питтани помещает на рубеже IIa и IIb (XI—X вв. до н. э.)<sup>30</sup>. Фибулы из Широкоо отличаются от Лукьяновской и ей подобных более высокой спинкой. Аналогом ей может служить находка из Венгрии вместе с фибулами VII—VI вв. до н. э.<sup>31</sup>

Таким образом, смычковые фибулы бытуют довольно долго (от XII

<sup>27</sup> Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 108.

<sup>28</sup> Schaeffer C. Op. cit., p. 113, ref. 7.

<sup>29</sup> Там же, табл. XXII, 15.

<sup>30</sup> Pittioni R. Op. cit., S. 471, III, 203, 200.

<sup>31</sup> Николов В. Тракийски паметници Врчанско. — ИАИ, 1965, № 28, с. 171, рис. 13, с. 164, рис. 2.

<sup>18</sup> Brunn W. Op. cit., S. 28—46.

<sup>19</sup> Florescu Adrian R. Sur les problemes..., p. 90—94.

<sup>20</sup> Keteneczi T. A. Gáva kultúra leletei a Miskolci Múzeumban. — A Hermann Otto Múzeum Evkönyve, 1974, N 10, old. 59; Mozsolicz A. Beziehungen zwischen Italien und Ungarn während «Bronzo recente» und «Bronzo finale». — Rivista di scienze preistoriche, 1972, t. 27, N 2, p. 382—393.

<sup>21</sup> Балагури Е. А. Про хронологічні рамки пам'яток пізньобронзової доби в с. Острівцеь Івано-Франківської області. — В кн.: Тези доп. та повідомлень до XIX наук. конф. Секція іст. Ужгород, 1965, с. 43—47.

<sup>12</sup> Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 63—64; Лесков А. М. Кировское поселение..., с. 45.

<sup>13</sup> Тереножкин А. И. Основы хронологии..., с. 69—72.

<sup>14</sup> Pittioni R. Op. cit. S. 474—476.

<sup>15</sup> Kytlicová O. Hromadny nález bronzu od Starého Sedla. — PA, 1955, N 49. S. 70—71.

<sup>16</sup> Петреску-Дымбовица М. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове, с. 151—157.

<sup>17</sup> Rusu M. Die Verbreitung der Bronzehorte in Transilvanien vom Ende der Bronzezeit in die mittlere Hallstattzeit. — Dacia, 1963, N. S., t. 7. S. 180.

VI—VII вв. до н. э. включительно), и использование их как аргумента позднего времени указанных погребений далеко не убедительно.

Датирующих материалов, непосредственно связанных с поселениями Ушкалка II, Змеевка и другие, не так много. В основном это бронзовые «кинжалы» — бритвы с параллельными лезвиями из Змеевки, возможно, отличие в Кардашинской мастерской, так как размеры части изделий абсолютно совпадают с матрицами Кардашинки I. Подобные кинжалы отливались и в других мастерских — Кардашинка II, Новоалександровка, Ирпень, Завадовка, известны они в погребениях Широкий курган, Любимовка, Первомаевка и др.

В будущем, вероятно, представится возможность разделить название памятника на более узкие хронологические группы, которые намечаются уже сейчас.

В работах А. М. Лескова и Е. Н. Черных обоснован сравнительно ранний возраст Новоалександровской мастерской<sup>32</sup>, построенный на общности ряда форм изделий с красномяцкими и волошскими. Такие же, как в Новоалександровке, булавы, круглолитые брашеты и кельты представлены и в Кардашинке I—II, что свидетельствует об их хронологической близости. При этом булавы с косым отверстием в головке типичны для европейских культур средней бронзы, хотя встречаются и в культуре Ноа (Балень), и этим тоже как бы подчеркивается раннее время этих литых форм.

Об относительной древности форм из Кардашинки II свидетельствует и кинжал с отверстием у острия лезвия, напоминающий формы из более ранних комплексов — Волошское, Вязовка, Голууров. Подобные бритвы, как и подвеска в виде разделенного накрест коль-

ца с петлей для подвешивания, найдены также в погребении в Шопронике (Венгрия), которые А. Можолит относит к В IV, горизонту Коссидер-Форро<sup>33</sup>. Все это позволяет выделить Новоалександровскую и Кардашинскую мастерские как относительно ранние, синхронные поселению Ушкалка II, Змеевка и датировать их не позже XI—X вв. до н. э.

Двулезвийные кинжалы с переходящей на черенок нервиурой представлены и в таких мастерских, как Завадовка, Златополь, Солоха, которые характеризуются также наконечниками копий с прорезными лопастями и очень маленькими кельтами с дополнительными гранями на прямом широком щитке. Е. Н. Черных относит эти мастерские к завадско-лобойковскому очагу, который существовал параллельно с кардашинским. Не имея возможности в настоящее время уточнить взаимоотношения названных групп мастерских, все же у нас есть основания считать лобойковские материалы намного старше комплекса из Кардашинки I и II. Наконечники копий из Завадовки и Солохи позволяют сравнивать эти мастерские с Сабанчевским кладом, который относят к IX в. до н. э.<sup>34</sup> Присутствие на поселениях Деревка, балка Демская, Каховка посуды, близкой к сосудам первой и отчасти второй ступени чернолесской культуры, а также кубков с каннелюрами, характерных для комплексов поселений кишиневского типа<sup>35</sup>, позволяет синхронизировать указанные памятники.

Эта синхронизация подтверждается и находками трехдырчатых псалий с от-

<sup>32</sup> *Mozsolicz A.* Bronze und Goldfunde des Karpatenbeckens., Taf. 3.

<sup>33</sup> *Мерперт Н. Я.* Сабанчевский клад, с. 154.

<sup>34</sup> *Тереножкин А. И.* Основы хронологии., рис. 4, 19—34.

<sup>35</sup> *Мелюкова А. И.* Культуры предкифского периода., с. 39, рис. 16.

верстиями в одной плоскости, хотя сами тип псалий территориально и отчасти хронологически выходит за рамки указанных культур<sup>37</sup>. В частности, в Северном Причерноморье подобные костяные псалии происходят из Усатовского поселения, Субботова (нижний слой), из поселений кизил-кобинской культуры Уч-Баш, поселений типа Сахары-Солончены (Сахарны, Цахнауцы Царевка), а также погребения в Черногоровке, то есть они связаны с памятниками XI—VIII вв. — первой половины VII в. до н. э.<sup>38</sup> А. М. Лесков датирует такие псалии X—VII вв. до н. э. В качестве наиболее ранних он выделяет в этой группе псалии из Белогрудовки и Деревки<sup>39</sup>.

Типологически, по расположению отверстий и слабо намеченным расширениям вокруг них дереивский псалий, нам кажется, наиболее близок к кишиневскому. В пользу одновременности поселений Деревка и Кишинев кроме кубков и псалии свидетельствуют и находки однотипных кинжалов на обоих поселениях. Кишиневское поселение первоначально датировано А. И. Мелюковой в пределах второй половины IX—первой половины VIII вв. до н. э.<sup>40</sup> В настоящее время А. И. Мелюкова относит его к X—IX вв. до н. э., хотя и считает, что время бытования псалия вряд ли выходило далеко за пределы IX в. до н. э.<sup>41</sup>

Для датировки памятников кишиневского типа важна фибула из поселения в Лукашевке. Она имеет вогнутую, украшенную спиралью спинку и абсолютно совпадает с находками из итальянских могильников Бологна I — Са-

<sup>37</sup> *Смирнов К. Ф.* Указ. соч., с. 66—68.

<sup>38</sup> *Тереножкин А. И.* Указ. соч., с. 75—81; *Мелюкова А. И.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии.— СА, 1974, № 1.

<sup>39</sup> *Лесков А. И.* Предкифский период., с. 85—86, рис. 4.

<sup>40</sup> *Мелюкова А. И.* Указ. соч., с. 44.

<sup>41</sup> *Мелюкова А. И.* О датировке., с. 58—60.

вопа, которые Х. Мюллер-Карпо датирует IX в. до н. э., хотя не исключает возможности их существования и в X в.<sup>42</sup> В этих же итальянских комплексах встречаются и однопружинные фибулы того же типа, что и находка в погребении у с. Валоритице близ Запорожья, а также костяные браслеты, подобные первомайским и широко-

При определении нижней даты белозерских памятников важны погребения Волошское (Стрильча Стеля), Петровское, Свистуново, Днепрорудный, Каланча и некоторые другие, сопровождаемые сосудами, обычными для поселений Деревка, Каиры, балка Демская и др. Как уже отмечено А. И. Тереножкиным и А. М. Лесковым, сосуды и ножки из этих погребений близки находкам из Камышевахы, Малой Цымбалки и других погребений<sup>43</sup>, выделяемых в настоящее время А. И. Тереножкиным группу киммерийских погребений черноговской ступени (900—750 г. до н. э.), которые, по его мнению, непосредственно предшествуют группе памятников Новочеркасского клада (750—650 г. до н. э.)<sup>44</sup>. Таким образом, указанные поздние памятники белозерского этапа примерно могут быть датированы в пределах X — начала VIII в. до н. э.

В целом белозерский этап синхронен горизонтам гавско-голиградской культуры в Магале, Кишиневскому поселению в Молдавии, позднелогрудовским и чернолесским памятникам Лесостепи, а на востоке — бондарихинской кобьяковской и раннекизилкобинской культурам.

Итак, от среднего до конца позднего периода бронзы Степное Подпиронье культурно-историческом плане пораз-

<sup>42</sup> *Müller-Karpe H.* Op. cit., S. 82—83, Abb. Taf. 58—59; 68; 79.

<sup>43</sup> *Отроченко В. В.* Новый курганный могильник, с. 202—203.

<sup>44</sup> *Тереножкин А. И.* Указ. соч., с. 100—200.

Примерная синхронистическая таблица основных памятников Степного Поднепровья и соседних территорий

Период	Поднепровье	Северский Донец и Средний Дон	Приазовье, Нижний Дон и Крым	Среднее и Нижнее Поволжье	Степное междуречье Буга и Дунай	Средний Днестр и Прут
XI—IX вв. до н. э.	Каховка Компанийцы Широкое Деревка Завадовка Солоха Белозерское Кардашинка I—II Бабино IV Ушкалка II Новоалександровка	Бондариха Оскол	Гниловское Кобяково Хопры Луначарское Кирово II	Сабанчеево Кайбелы, к. 9; к. 20, п. 32 Быково I, к. 15, п. 3 Хрящевка, к. 4, 5, 7, 9 Бережновка, VII горизонт Ивановка	Жовтневое Новогригорьевка Криничное Тудорово Соколены	Лукашевка Магала IV Мындрешты Кавадинешты Кипиневское Магала III
Начало XIV—XII в. н. э.	Волоховое Ореховое Князьгригорьевка Верхнетарасовка 4 Авраамовка Солонец Ушкалка I Чикаловка	Шведовка Воиновка Райгородка Ильичевка III	Сазоновка Кирово I Ляпичев хут. Андровка Ливенцовка I, V слой	Кайбелы, к. 11, 22, 24 Сусканское I Сосновая Маза Бережновка, VI горизонт Грачев сад	Анатольевка Черевичное Ташлык Ингульский Болград Красномаяцкий Степовое Журавлинка Сабатиновка Пересадовка	Рышешты Томеншты Магала II в Бэлени Ульми-Литени Старые Бедражи Островец Магала II а
Начало XV—XIV в. н. э.	Малые Копани Михайловка—Криницы Бородаевка Голоурово Кабаков хут. Хортица Верхняя Мавка Вовниги	Усово Озеро Лукьяновка Терешково Ильичевка II Янохино Рубцы	Обиточная 12 Обиточная 20 Мариновка Раздольное	Моечное озеро (Комаровское) Дербеневский клад Надеждино-Куракино Бережновка, V горизонт Покровск (срубные погребения)	Щетково Козорезово Ульяновка Викторовка III Кременчук	Трунешты Гырбовец Валинцешты Сэрата-Монтеору II в Магала I
XVI—XV вв. до н. э.	Берислав Виноградный Кривой Рог, ЮГОК Сад Шевченко Балка Романцова Трахтемирів Бабино III	Капитаново Ильичевка I Калантаево Владимировка Мосоловское Нижняя Ведуга Кондрашевка	Самарский Ливенцовка-крепость Каменка	Барковское Покровск (абашевские п.) Новопавловка, к. 5 Бережновка, IV горизонт Царев курган (клад) Староюрьево	Рыбаковка Коблево Бородино Киселево Викторовка I	Сэрата-Монтеору I а

рывно связано с древней историей всего Северного Причерноморья. Выделенные здесь группы памятников являются лишь частями разных культур, занимающих большие пространства Восточной Европы. Так, памятники культуры многоваликовой керамики Степного Поднепровья представляют собой часть большого массива этой культуры, в который в конце раннесрубного времени вливается срубный компонент, что привело к возникновению памятников типа Вовниг.

Правда, в разных районах процессы взаимодействия срубных и многоваликовых племен проходили неодинаково: в одних могли превалировать местные, в других — пришлые компоненты. Так, в Приазовских степях уже на предсабатиновском этапе более сильно выступает срубный компонент (Раздольное), южнее — в Ливенцовке и Каменке — наиболее ярко проявляется струя северокавказской культуры. Иная картина наблюдается на юго-западе Северного Причерноморья и в Восточном Крыму, где с начала сабатиновского этапа достаточно ярко выступают элементы западного происхождения. Наряду с не менее существенными местными признаками эти элементы позволяют выделять сабатиновские памятники Степного Поднепровья в особую, достаточно своеобразную культуру.

Степное Поднепровье являлось восточной пограничной зоной расселения сабатиновских племен, материалы культуры которых как на сабатиновском так и на белозерском этапе носит сложный характер, включая местные, восточные и западные элементы. В свою очередь, среди сабатиновских памятников намечаются некоторые локальные особенности. В частности, в Поднепровье прослеживается большая близость памятниками срубной культуры, в то время как в междуречье Буга и Дунаева скажется большая близость культуры Ноа. По ряду особенностей выделяются Надпорожье и пограничье с Лесостепью. Возможно, в дальнейшем удастся выделить более мелкие локальные группы этих памятников в пределах Северо-Западного Причерноморья.

Уровень экономического развития (количество металлических орудий труда и оружия, бронзолитейных мастерских), широкие связи с окружающими племенами свидетельствуют о том, что сабатиновские племена были одними из наиболее экономически развитых и могущественных в предсрубное время. По всей вероятности, они входили в состав первого известного письменным источникам большого объединения в Причерноморье — киммерийского племенного союза.

# СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ	— Археологические исследования на Украине
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАСК	— Всесоюзная археологическая студенческая конференция
ВЛУ	— Вестник Ленинградского университета
ВОКК	— Вестник Одесской краеведческой комиссии
ВУАК	— Всеукраїнський Археологічний Комітет
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии
ДКИАМ	— Дніпропетровський краєвий історично-археологічний музей
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИАИ	— Известия на археологический институт при Болгарской АН
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КС ОГАМ	— Краткие сообщения Одесского археологического музея
КСЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
КЮХ	— Курганы южной Херсонщины
ЛХМ	— Літопис Херсонського музею
МАШП	— Матеріали з археології Північного Причорномор'я
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МДАШВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР

Архив ИА АН УССР	— Научный архив Института археологии Академии наук Украинской ССР
ОАК	— Отчет археологической комиссии
Ф. э.	— Фонд экспедиций
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических материалов
СЭ	— Советская этнография
ЮГОК	— Южный горно-обогатительный комбинат
ААН	— Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest
AM	— Arheologia Moldovoi
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
IAR	— Inventaria arceologica Romaniae
N. S.	— Nouvelle série
PA	— Památky Archeologické, Praha
PrA	— Przegląd Archeologiczny, Poznań
RGF	— Romisch-Germanische Forschung
SIA	— Slovenská Arheologia Bratislava
SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche și etnografie, București



## ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ . . . . .	3
ПОСЕЛЕНИЯ . . . . .	11
МОГИЛЬНИКИ И ОБРЯД ПОГРЕБЕ- НИЙ . . . . .	43
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ . . . . .	86
ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И КУЛЬ- ТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТ- НИКОВ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТЕПНО- ГО ПОДНЕПРОВЬЯ . . . . .	141
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ . . . . .	158

Ирина Николаевна Шарафутдинова

### СТЕПНОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

*Утверждено к печати  
ученым советом  
Института археологии  
АН УССР*

Редактор

А. А. ЗОЛОТАРЕВА

Оформление художников

Ю. Н. РУВЦОВА, П. И. ЯРЕСЬКО

Художественный редактор

С. П. КВИТКА

Технические редакторы

Г. Р. БОДНЕР, Г. М. ТЕРЕЗЮК

Корректоры

Л. П. ОСЬМУШНИКОВА, В. П. ШКОЛЬНИК

Информ. бланк № 4380

Сдано в набор 04.03.81. Подп. в печать 08.01.82.  
БФ 00606. Формат 70×90/16. Бумага типогр.  
№ 1. Обыкн. нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л.  
11,7. Усл. кр.-отт. 12,14. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж  
1300 экз. Зак. № 1—514. Цена 1 руб. 80 коп.

Издательство «Наукова думка».  
252601, Киев, ГСП. Решина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типогра-  
фией, г. Нестеров, Львовской обл., ул. Горько-  
го, 8 с матриц Головного предприятия РПО  
«Полиграфкиня» 252057, Киев, 57, Довженко, 3.  
Зак. 1456.